

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

1

2018

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/2018

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А.А. Клеймёнов** — Дебют стратега: балканская кампания Александра Македонского 335 г. до н.э. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- П.А. Искендеров** — Александр Михайлович Петряев 18

СООБЩЕНИЯ

- А.С. Иванов** — Город как место спецпоселения 33

- Е.И. Кобахидзе** — Осетия в образовательном пространстве Российской империи во второй половине XIX в. ... 45

- С.Ю. Краснов, Я.В. Трофимов** — Примирение сторон у донских казаков во второй половине XIX в. 61

- В.Д. Пузанов** — Доходы Русского государства от сибирской пушнины в XVII в. 70

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Г.М. Сидорова, И.К. Харичкин** — Колониальное прошлое Бельгии 82

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- С.А. Филин, А.Ж. Якушев** — Истоки формирования мировоззренческой этики педагога в России 98
- С.В. Воробьёв, Т.В. Каширина** — Историческая память как фактор «мягкой силы» 111
- В.Н. Есаулов, В.Г. Лизунков** — Неразгаданная тайна Александра I 115

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- М.О. Акишин** — Государевы службы князя А.Н. Трубецкого в Сибири и Поволжье 125

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.В. Рычков** — Внедрение научных достижений в сельском хозяйстве Сибири в годы перестройки 140
- И.Т. Цориева** — Становление документального киноискусства на Северном Кавказе в 1940-х — 1960-х гг. ... 148
- Н.И. Цимбаев, Е.Н. Цимбаева** — Судьба княгини Волконской 154

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Ю.Г. Акимов, К.В. Минкова** — Переход в православие эмигрантов-униатов в США в 1891—1892 гг. и Святейший Синод РПЦ 160

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В.И. Голдин, М.М. Паникар** — Энциклопедия Баренцева региона 171

Дебют стратега: балканская кампания Александра Македонского 335 г. до н.э.

А.А. Клеймёнов

Аннотация. В статье рассматривается первая полномасштабная военная кампания в самостоятельной полководческой карьере Александра Македонского, проведенная против фракийских и иллирийских племен весной-летом 335 г. до н.э. Ее замысел подразумевал разделение македонской армии на три части. Две из них, возглавляемые Антипатром и Коррагом, должны были обеспечить безопасность Македонии, в то время как сам Александр с наиболее подвижными и боеспособными подразделениями войска осуществлял наступление. Удачная реализация данной стратегии позволила македонскому царю последовательно подавить сопротивление балканских «варварских» племен, а затем объединить войско для захвата Фив, восставших против македонского владычества.

Ключевые слова: Александр Македонский, стратегия, военное искусство, иллирийцы, фракийцы.

Abstract. The first major military campaign in self-dependent Alexander the Great's commander career against Thracian and Illyrian tribes in the spring and summer of 335 B.C. is under consideration at the article. Its plan was to divide of Macedonian army into three parts. Two of them under Antipatros and Korragos commander were protecting Macedonia when Alexander and the most mobile and efficient force were attacking. Successfully use this strategy allowed him to preempt opposition of Balkan "barbarian" tribes and to join his army to occupy Thebes which raised against Macedonian hegemony in series.

Key words: Alexander the Great, strategy, warfare, Illyrians, Thracians.

Александр Македонский вот уже в течение двух тысячелетий выступает в роли своеобразного эталона при оценке полководческого дарования или военных успехов. Древние сопоставляли с ним Гая Юлия Цезаря ¹, а Наполеон Бонапарт в юные годы зачитывался сочинениями Флавия Арриана и Курция Руфа, описавших походы македонского царя ². Сам великий корсиканец по окончании собственной воен-

Клеймёнов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru.

Kleymeonov Alexander A. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru.

ной карьеры не смог удержаться от соблазна сравнить себя с покорителем Персии³. Характер свершений Александра стал причиной особого внимания к его личности и военным способностям. Ведомая им армия, практически не зная поражений, прошла с боями от берегов Эгейского моря до Индийского океана, создав, пусть и на недолгий срок, одну из обширнейших империй в истории. Однако в полководческом таланте Александра сомневались всегда. Судя по письмам Демосфена, его успехи объясняли большим везением, причем настолько бесцеремонно, что даже великий афинский оратор, главный противник македонских царей, счел нужным указать на то, что победы Александра были, прежде всего, плодами его трудов (*Epist.*, I, 13). Раскритикованная Демосфеном тенденция, тем не менее, оказалась весьма устойчивой и оказала заметное влияние на античную историографию⁴. Найти причину побед македонского царя вне его личного полководческого дарования неоднократно пытались и специалисты-историки. Одним из первых это сделал Ю. Белох, указавший, что главная заслуга в деле завоевания Азии принадлежала не самому царю, а высокопоставленному македонскому военачальнику Пармениону⁵. Последняя на сегодняшний момент объемная работа с оценкой подобного рода вышла в 2015 г.: канадский исследователь Р. Гебриел в книге с говорящим названием «Безумие Александра Великого и миф о военном гении» изобразил македонского завоевателя психически неуравновешенной личностью, чьи победы, прежде всего, связаны с эффективной работой «военной машины», созданной его отцом Филиппом II⁶. Примечательно, что полная несостоятельность подобного рода оценок особенно отчетливо проявляется при внимательном взгляде на первую полномасштабную военную кампанию в самостоятельной полководческой карьере Александра, проведенную на Балканах в 335 г. до н.э.

Ее причиной стала военно-политическая ситуация, в которой оказалось Македонское царство после убийства Филиппа II, произошедшего, по разным оценкам, летом⁷ или осенью⁸ 336 г. до н.э. Античные авторы сообщают, что, помимо прочего, перед пришедшим к власти Александром встала необходимость усмирения восстания балканских варварских племен (*Plut. Alex.*, 11; *Diod.*, XVII, 8, 1; *Just.*, XI, 2, 4; *Arr. Anab.*, I, 1, 4). Основным источником сведений о данном периоде является сочинение «Анабасис Александра» Флавия Арриана, который при описании событий, развернувшихся на Балканах в 335 г. до н.э., как полагают, либо целиком опирался на сочинение Птолемея Лага⁹, либо сочетал его данные со сведениями Аристобула¹⁰. В этом труде участниками развернувшегося после смерти Филиппа восстания названы трибаллы и иллирийцы (*Anab.*, I, 1, 4). Забегая вперед, заметим, что среди фракийцев, занявших антимакедонскую позицию, были не только трибаллы¹¹, но и некоторые другие соседствовавшие с ними племена, а иллирийцы, выступившие против македонской монархии, были представлены сразу тремя крупными племенными образованиями — дарданами, автариатами и тавлантиями.

Ситуация была крайне непростой. Юстин упоминает смятение, охватившее македонян, боявшихся, что в случае одновременного выступления иллирийцев, фракийцев, дарданов и других варварских племен устоять будет невозможно (*XI*, 1, 5—6). Плутарх, в свою оче-

редь, пишет об имевшемся у варваров стремлении избавиться от «рабского» статуса и восстановить ранее существовавшую царскую власть (Alex., 11). Впрочем, считать основной целью всех поднявшихся против Македонии племен возвращение своей независимости, утраченной в результате завоевательной политики Филиппа, нельзя, так как господство македонской монархии над основными участниками антимакедонского выступления сомнительно. Трибаллы, судя по их военному столкновению с Филиппом II в 339 г. до н.э., закончившемуся для македонян плачевно, обладали полной политической самостоятельностью¹². Также не следует преувеличивать степень распространения македонского влияния в Иллирии¹³. Общей целью участвовавших в антимакедонском выступлении племенных сообществ являлось возвращение к дофилипповским временам, включая возобновление практики грабительских набегов¹⁴. Подобный геополитический переворот был возможен только в одном случае: как отметил еще А.С. Шофман, интересы выступивших против Александра племен были бы обеспечены, «если бы на месте сильного Македонского государства лежала бессильная, раздираемая политической борьбой земля»¹⁵.

Наибольшую опасность для Македонии традиционно представляли иллирийцы¹⁶. Их частые нападения в IV в. до н.э. были связаны не только с грабежом, но и с попытками завладеть землями в районе Лихнидского (Охридского) озера¹⁷. Филипп II в результате предпринятых военных и политических мер сумел снизить исходившую от иллирийцев угрозу. Прежде всего, в самом начале своего правления он нанес крупное поражение иллирийскому царю Бардилу в битве у Лихнидского озера (Diod., XVI, 4, 5—7). Именно с Бардилом, возглавлявшим племя дарданов, специалисты связывают включение района Охридского озера в сферу иллирийского влияния¹⁸. Благодаря первой важной победе Филипп сумел присоединить охридский район, чем существенно обезопасил свое царство¹⁹. Впрочем, несмотря на достигнутые успехи, давление иллирийцев на македонские границы сохранялось²⁰. После внезапной смерти Филиппа возрастание активности иллирийцев на западных рубежах Македонии было вполне предсказуемо. Ситуация на фракийском направлении также не была простой. Благодаря завоевательной деятельности Филиппа фракийские земли вплоть до Дуная были подчинены: местные династы попали в вассальную зависимость, а население обложили данью²¹. Тем не менее, целостная система обеспечения господства во Фракии создана не была. Македоняне напрямую контролировали лишь крепости в ключевых районах страны, а зависимость фракийских царьков от Филиппа в ряде случаев была очень слабой или же вовсе отсутствовала²². В этих условиях антимакедонское движение могло быстро расшириться и набрать силу, поставив под угрозу не только власть македонского царя над здешними землями, но и безопасность государства Аргеадов, чье ядро, Нижняя Македония, в силу географических особенностей было весьма уязвимо для вторжений из Фракии²³.

Худшим сценарием для Александра было создание антимакедонской коалиции балканских варварских племен и синхронизация их действий на восточном и западном направлениях. О подобной возможности свидетельствовали, прежде всего, события 356 г. до н.э.,

когда против еще набиравшего силу Филиппа II объединились цари фракийцев, пеонов и иллирийцев (Diod., XVI, 22, 3). Примечательно, что во время кампании 335 г. до н.э. иллирийские племена продемонстрировали наличие у них возможности создать союз, направленный против монархии Аргеадов. Нельзя было сбрасывать со счетов и вероятность вступления варварских племен в альянс с греческими противниками Александра²⁴. Вновь обращаясь к более ранним событиям, упомянем о том, что иллирийцы, пеоны и фракийцы, совместно противостоявшие Филиппу в 356 г. до н.э., заключили союзный договор с Афинами (IG, II, 127). Александр должен был учесть возможность развития событий по данному сценарию, тем более что обстановка в Греции, несмотря на решительные действия, предпринятые сыном Филиппа сразу после восшествия на престол, оставалась явно беспокойной, и новый македонский царь не выпускал ее из поля зрения²⁵. Даже если бы ситуация во Фракии и на иллирийской границе развивалась не столь опасным для Македонии образом, сохранение военной напряженности в этом регионе поставило бы Александра перед необходимостью оставить в Европе крупные военные силы и тем самым уменьшить потенциал армии, отправляемой в Азию²⁶.

Геополитическая обстановка вынуждала Александра действовать быстро и решительно. Невозможно согласиться с выводами о том, что он в рамках Балканской кампании 335 г. до н.э. предпринял простую показательную военную акцию для запугивания местных варваров²⁷. Перед новым македонским царем стояла гораздо более ответственная и сложная задача: он должен был максимально быстро подавить антимакедонское выступление балканских племен и таким образом защитить территорию самой Македонии от возможного вторжения, сохранить ее статус как ведущей державы Балкан, а также продемонстрировать свою способность сберечь наследие отца и продолжить начатую им войну против Персидского царства. Александру предстояло решать эти важные задачи, используя лишь часть македонских войск и командных кадров. Дело в том, что виднейший военачальник Филиппа II Парменион начиная с весны 336 г. до н.э. находился в Малой Азии, где готовил плацдарм для полномасштабного вторжения в империю Ахеменидов; задуманного Филиппом²⁸. Вместе с Парменионом в Азии находилось около 10 тыс. воинов (Polyaen., V, 44, 4). Это были как наемники, так и собственно македонские подразделения (Diod., XVII, 7, 10). Судя по некоторым косвенным данным, Парменион отсутствовал в Македонии до зимы 335—334 гг. до н.э.²⁹ В период осуществления Александром похода против балканских варварских племен некоторая часть войска, возглавляемая Антипатром, осталась в Македонии (Arr. Anab., I, 7, 6). Антипатр, один из ближайших и опытнейших соратников Филиппа II, в период его правления неоднократно выполнял ответственные задания военного и дипломатического характера, а при отсутствии царя исполнял обязанности регента в Македонии³⁰. Александр, очевидно, возложил на этого виднейшего аристократа обязанность управлять Македонией и в случае необходимости обеспечить контроль над беспокойной Грецией³¹.

Лаконичные, но чрезвычайно ценные сведения о действиях македонского царя в тот период времени содержит чудом сохранившийся-

ся небольшой фрагмент неизвестного раннеэллинистического исторического сочинения, найденный в Египте в 1906 году. Согласно этому тексту, Корраг, сын Меноита, один из царский «друзей», был поставлен во главе большого войска, которое соответствовало потребностям, имевшимся на границе с Иллирией. Ему было предписано завершить укрепление военного лагеря. В тексте упоминается некая будущая опасность, а также такие географические объекты как Эордея и Элимиотида³². Н. Хэммонд убедительно интерпретировал представленный античный текст как сообщение о кампании 335 г. до н.э. против балканских варваров, в рамках начальной стадии которой Александр оставил часть имевшихся сил под командованием Коррага на иллирийской границе в пределах верхнемакедонских областей Линк или Пелагония, приказав из-за большой вероятности иллирийского вторжения укрепить военный лагерь, после чего сам двинулся через Эордею на юг, в сторону Нижней Македонии³³. По мнению исследователя, обнаруженный фрагмент может являться частью несохранившегося сочинения олинфского историка Страттиса, черпавшего данные из дворцового журнала Александра «Эфмерид»³⁴. Несмотря на слабую доказательность последнего предположения, общий вывод Хэммонда о том, что найденный текст является фрагментом утраченного описания Балканской кампании Александра, был поддержан и другими специалистами³⁵.

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что стратегия Александра, выбранная для Балканской кампании, подразумевала обеспечение защиты македонских позиций в Греции и блокирование возможного вторжения иллирийцев. Александр переходил к решительным наступательным действиям лишь на одном направлении. Необходимо отметить, что дополнительную «пикантность» предстоящему походу придавало то, что в нем не участвовали Антипатр и Парменион — лучшие военачальники Филиппа II. Молодой царь должен был рассчитывать преимущественно на свои полководческие способности. К сожалению, у нас нет точных данных о размере войска, непосредственно выступившего в поход вместе с царем. По мнению Хэммонда, несмотря на разделение войска, Александр повел с собой на север около 3 тыс. всадников, 12 тыс. тяжеловооруженных и 8 тыс. легковооруженных пехотинцев, то есть в этой кампании участвовало больше солдат собственно македонского происхождения, чем в знаменитом Восточном походе³⁶. Эти цифры явно завышены и не учитывают как выделение войск Антипатру и Коррагу, так и то, что часть армии вместе с Парменионом все еще находилась в Азии. Ф. Рей полагает, что в наличии у Александра были 2 тыс. гипаспистов, 6 тыс. фалангитов, около полутора тысяч всадников, 3—4 тыс. наемных гоплитов и 4 тыс. легковооруженных пехотинцев³⁷. Эти цифры следует оценивать как более близкие к истине, однако гораздо убедительнее выводы Дж. Эшли, согласно которым Александр взял с собой лишь упомянутые Аррианом при описании военных событий кампании подразделения. Автор предполагает, что корпус Александра был укомплектован верхнемакедонскими таксисами фаланги, легковооруженными пехотинцами, а также кавалерийскими илами из Верхней Македонии, Амфиполя и Боттией и насчитывал в совокупности всего около 15 тыс. воинов преимущественно македонского проис-

хождения. Отмечается, что отправившиеся с царем подразделения лучше других были приспособлены для сражений на пересеченной местности, а успех в предстоящей кампании зависел в большой степени от мобильности и индивидуального мастерства воинов ³⁸.

Ограниченность привлеченных сил не может являться доказательством того, что поход являлся «короткой профилактической войной», масштаб которой был преувеличен Птолемеем, основным источником Арриана, как это указывается в научной литературе ³⁹. Сравнительно небольшой размер отправившегося с Александром корпуса свидетельствует, прежде всего, о непростом характере сложившейся стратегической обстановки, вынудившей нового македонского царя разделить свою армию. В то же время, размер войска, задействованного Александром во фракийском походе, вынуждает критично относиться и к диаметрально противоположным оценкам, согласно которым новый македонский царь осуществлял «кампанию завоевания и покорения», отличную по своему характеру от военных экспедиций Филиппа II в тот же регион ⁴⁰. Александр, судя по всему, намеревался посредством демонстрации своей военной мощи пресечь выход из македонской сферы влияния сообществ, попавших в зависимость при его отце, а также силой распространить подобный формат взаимоотношений на еще неподвластные агрессивно настроенные племена региона, что, учитывая сложную стратегическую обстановку, являлось делом чрезвычайно важным и непростым.

Имеющиеся данные позволяют полагать, что на начальной стадии развернувшейся военной кампании Александр, оставив Коррага для защиты западной границы от иллирийцев, прошел через Нижнюю Македонию к Амфиполю. Согласно Арриану, этот город стал отправной точкой похода на фракийцев. Указано, что армия выдвинулась в начале весны ⁴¹, направившись из Амфиполя в земли так называемых «независимых фракийцев». Войска проследовали справа от города Филиппы и горы Орбел, затем пересекли реку Несс и на десятый день достигли горы Гем (Агг. Anab., I, 1, 4—5). Здесь мы сталкиваемся с одной из проблем, существенно осложняющих изучение Балканской кампании Александра. Речь идет о невозможности однозначного сопоставления указанных в источниках географических объектов с современными. В частности, несмотря на то, что Арриан оставил, казалось бы, вполне подробное описание маршрута Александра, его рассказ оставляет много неясностей, и потому единого мнения у исследователей о пути македонской армии нет ⁴². Арриан упоминает, что в районе горы Гем произошло соприкосновение Александра с противником, занявшим вершину и перекрывшим ущелье, через которое шла дорога (Anab., I, 1, 6). Ввиду наличия различных трактовок географической информации Арриана, упоминаемый горный проход локализуется исследователями в районе либо Троянского ⁴³, либо Шипкинского ⁴⁴ перевалов. Из сообщения античного автора следует, что Александр, несмотря на попытки противника использовать пускавшиеся с высоты телеги для рассеивания македонского строя, опрокинул фракийцев решительной атакой фланги, поддержанной с флангов гипаспистами, агрианами и лучниками. Было уничтожено около полутора тысяч варваров, при этом македонянам, несмотря на бегство большей части фракийского войска, уда-

лось захватить сопровождавших его женщин и детей, а также обоз (Агг. Anab., I, 1, 7—13)⁴⁵. Одержав первую в Балканской кампании победу, Александр, как сообщает Арриан, отправил захваченную добычу в «приморские города» (Anab., I, 2, 1). Цель подобного решения вполне ясна — молодой царь стремился избавиться от всего, что могло отягощать армию, снижая скорость ее передвижения. Перевалив через Гем, Александр, судя по указаниям все того же источника, вторгся в земли трибаллов и подошел к берегам реки Лигин, лежавшей в трех дня пути от Истра, если двигаться через Гем (Anab., I, 2, 1). Упомянутую Аррианом реку исследователи сопоставляют либо с Янтрой⁴⁶, либо с Росицей, ее притоком⁴⁷.

Согласно «Анабасису Александра», правитель трибаллов Сирм, зная о приближении Александра, заранее отправил женщин и детей на остров Певка, располагавшийся на Истре (Дунае). Там же нашли убежище фракийцы, бывшие соседями трибаллов, а также сам Сирм. Большая часть трибаллов отошла к берегам Лигина, уже покинутым македонянами (Агг. Anab., I, 2, 2—3). Видимо, подобным образом они стремились занять позицию между армией завоевателей и стратегически важным горным проходом, чтобы прервать сообщение противника с Македонией⁴⁸. Александр не оставил этот маневр без внимания. Узнав о случившемся, он повернул назад и застал трибаллов за разбивкой лагеря. Последние, застигнутые врасплох, построились в лесу, но были выманены оттуда легковооруженной пехотой Александра, после чего подверглись фронтальному удару фаланги и атакам со стороны македонской кавалерии на флагах. Трибаллы были обращены в бегство. Они потеряли в бою 3 тыс. воинов, однако македоняне из-за лесистой местности и наступившей ночи не смогли провести полноценное преследование (Агг. Anab., I, 2, 4—7). Успех данного военного предприятия, безусловно, был обеспечен своевременным получением информации о перемещениях трибаллов и тактическим дарованием Александра, сумевшего выманить противника из леса и подвергнуть его атаке с трех сторон. Немалую роль сыграл и общий стратегический расчет Александра, укомплектовавшего свой экспедиционный корпус подразделениями, способными совершать стремительные марши и эффективно сражаться на пересеченной местности.

Сообщается, что спустя три дня после сражения при Лигине Александр вышел к Истру (Агг. Anab., I, 3, 1). Здесь его целью стал остров, служивший убежищем для части трибаллов. Локализация данного острова, названного Аррианом и Страбоном Певкой (Агг. Anab., I, 2, 3; Strab., VII, 301), имеет существенное значение для определения маршрута продвижения македонской армии, однако, как и в предыдущих случаях, сопоставление Певки с каким-либо из современных островов проблематично. Одни из ученых, отождествляя занятую трибаллами Певку с одноименным островом в «Священном устье» Дуная (Strab., VII, 305), помещают этот объект неподалеку от места впадения одного из рукавов Дуная в море⁴⁹. Другая группа специалистов справедливо подчеркивает, что приближение Александра к побережью Черного моря плохо соотносится с остальной информацией о маршруте движения его армии, в связи с чем предполагается, что Певка Арриана находилась достаточно далеко от устья реки, и этот остров невозможно идентифицировать из-за изменения русла Дуная

с течением времени ⁵⁰. Как бы то ни было, согласно имеющимся данным, македонский царь предпринял попытку посредством пришедших из Византия военных кораблей высадить на острове десант, что окончилось неудачей из-за активных оборонительных действий неприятеля и неблагоприятных условий местности (Arr. Anab., I, 3, 4; Strab., VII, 301).

Вскоре Александр провел еще одну военную операцию на берегах Дуная. Как сообщает все тот же Арриан, македонский царь решил атаковать гетов, собравшихся в большом количестве на северном берегу Истра. Отмечается, что у гетов было 4 тыс. всадников и более 10 тыс. пехотинцев. Александр, собрав лодки-долбленки, изъятые у местного населения, а также используя набитые сеном кожаные чехлы для палаток, переправил ночью на северный берег полторы тысячи всадников и 4 тыс. пехотинцев. Утром Александр перешел в наступление. Геты, не выдержав и первого натиска, ушли в пустынные земли, взяв с собой сколько возможно женщин и детей, при этом бросили свой город, доставшийся со всем имуществом македонскому царю (Anab., I, 3, 5—4, 5). Сражение Александра с гетами, учитывая упоминание высоких хлебов, может быть отнесено к июню 335 г. до н.э. ⁵¹ Географическая локализация событий более трудна, однако исследователи предприняли попытки сопоставить упомянутый Аррианом город с известными гетскими городищами северного Подунавья, первое из которых расположено в районе современного румынского города Зимнича ⁵², а второе — в низовьях реки Арджеш ⁵³.

Конечно, нет оснований считать, что Александр нанес гетам настоящему мощный удар ⁵⁴. Реальным итогом демонстрации силы нового македонского царя в Придунавье стало последовавшее прибытие послов от местных племен. Арриан упоминает, что явились посланники племен, живших возле Истра, в том числе и послы Сирма, царя трибаллов. Автор приводит также анекдотичный рассказ о встрече Александра с послами кельтов (Anab., I, 4, 6—8) ⁵⁵. В военной кампании возникла пауза, которая объясняется тем, что Александр в течение нескольких недель определял характер взаимоотношений с населением региона, возобновлял или изменял действия союзных договоров с фракийцами, жившими у дельты Дуная, трибаллами и местными греками, определял характер возможных совместных оборонительных мероприятий против гетов и скифов ⁵⁶. Отметим, что неудачно завершившаяся попытка захватить Певку никак не сказалась на общем ходе кампании — Сирм в итоге вынужден был признать гегемонию Александра.

Далее македонский царь, как сообщается, пошел в земли агриан и пеонов (Arr. Anab., I, 5, 1). Предположительно, агриане населяли верховья Стримона в районе современной Софии ⁵⁷. Каким именно маршрутом двигался Александр от Дуная к агрианам неизвестно, в связи с чем представленные в историографии версии ⁵⁸ следует оценивать как в равной степени убедительные. Арриан пишет, что в период продвижения Александра к землям агриан и пеонов он получил известие о восстании Клита, сына Бардила, поддержанном царем тавлантиев Главкией, а также о желании племени автариатов напасть на македонского царя в момент его продвижения. Указывается, что сложившаяся обстановка вынудила Александра повернуть назад (Anab., I, 5, 1). Высказано предположение, что выступление этих иллирийс-

ких племен было неожиданностью для Александра, планировавшего через территории агриан и пеонов возвратиться в Македонию⁵⁹. Сложно согласиться с данным утверждением, так как прямые указания Арриана о желании замирить иллирийцев до отбытия в Азию (*Anab.*, I, 1, 4), а также сведения о заблаговременном размещении корпуса Коррага у македоно-иллирийской границы позволяют говорить об изначальном намерении Александра предпринять активные действия в отношении западных соседей.

Тем не менее, ситуация, в которой оказался македонский царь, была весьма непростой. Он должен был противостоять мощной иллирийской коалиции, которую образовали Клит, правивший жившими на территории современного Косово дарданами, и Главкия, возглавлявший тавлантиев — группу племен, населявшую земли в районе нынешней Тираны⁶⁰. Неизвестно, находились ли с ними в сговоре автариаты. В любом случае это племя, населявшее, как предполагается, земли на севере современной Албании⁶¹, заняло явно враждебную позицию. Автариаты во времена Страбона были известны как самое большое и самое храброе из иллирийских племен (VII, 317—318). Аппиан их называет сильнейшими на суше из иллирийцев (*Шуг.*, 3). Арриан дает диаметрально противоположную характеристику автариатов, упоминая, что царь агриан Лангар, встретившийся с Александром на пути к своим землям, назвал автариатов самым мирным из местных племен, которое можно не брать в расчет (*Anab.*, I, 5, 2—3). При этом мало вероятно, что до встречи с Лангаром молодой царь ничего не знал об автариатах. Александр должен был располагать некоторыми данными о землях македоно-иллирийского пограничья, так как в ранней юности сопровождал Филиппа в его иллирийских походах, а в период размолвки с отцом некоторое время провел в самой Иллирии⁶². Видимо, Александр обладал общими сведениями об автариатах, не вполне актуальными на тот момент времени, благодаря чему отнесся к замыслам представителей этого племени весьма серьезно. Как бы то ни было, опасения молодого полководца, видимо, нельзя считать беспочвенными: вражеское нападение на растянутую на горных дорогах армию могло привести к тяжелым последствиям.

Выход из сложившейся ситуации был найден благодаря помощи со стороны агриан и решительным действиям самого молодого македонского царя. Арриан упоминает, что Александр, встретившись с Лангаром, с которым его связывали дружеские отношения еще со времени правления Филиппа, получил от царя агриан заверения в том, что автариаты не представляют большой опасности. В дальнейшем Лангар по просьбе македонского царя совершил опустошительный поход в земли этого племени, вынудив тем самым автариатов отказаться от воинственных планов (*Anab.*, I, 5, 2—4)⁶³.

Судя по отрывочным данным, в тот же период времени Александр выделил из армии часть сил для самостоятельного выполнения некоего задания. Об этом сообщает второй фрагмент уже упомянутого выше неизвестного раннеэллинистического исторического сочинения. В этом тексте указано, что в период пребывания царя в землях агриан он отправил оттуда Филоту, сына Пармениона, с войском⁶⁴. Характер сложившейся на тот момент обстановки заставляет признать обоснованным предположение Хэммонда, в соответствии с которым

Филота был послан к иллирийской границе, в то время как сам Александр решал ряд важных вопросов взаимодействия с Лангаром ⁶⁵. Видимо, Филоте было поручено выяснить обстановку на предполагаемом пути следования войск и начать противодействие иллирийцам. Действия корпуса Филоты в совокупности с ликвидацией угрозы, исходившей от автариатов, позволили Александру взять ситуацию под контроль и продолжить продвижение на юго-запад.

Согласно Арриану, после встречи с Лангаром Александр направился к реке Эригон и городу Пелиону, самому укрепленному в стране и занятому в тот момент Клитом (*Anab.*, I, 5, 5). Упомянутый автором Пелион может быть идентифицирован как македонская пограничная крепость, занимавшая стратегически важную позицию между Иллирией и Македонией где-то в районе современной Корчи ⁶⁶. Таким образом, Клит, сын побежденного Филиппом Бардила, перешел к активным действиям в землях к югу от Охридского озера, ранее находившихся под иллирийским контролем ⁶⁷. Возможность попытки дарданов взять реванш в этом ключевом регионе Александр, видимо, предвидел в начале антимакедонского выступления варварских племен, в связи с чем и разместил часть войск под командованием Коррага в Верхней Македонии у иллирийской границы. Последнее обстоятельство позволяет объяснить, почему Клит ограничился занятием пограничного Пелиона и не осуществил вторжение в Верхнюю Македонию. Тем не менее, сохранение важной крепости за иллирийцами создавало угрозу осуществления ими набегов на северо-западные районы Македонии в будущем ⁶⁸.

Александр не мог допустить возникновения данной ситуации. Среди исследователей нет единого мнения о маршруте, которым двигался македонский царь из земель агриан к Пелиону ⁶⁹. В любом случае, путь Александра должен был проходить через области Верхней Македонии, где, очевидно, он смог увеличить численность своего войска ⁷⁰. Наиболее вероятным источником подкреплений следует считать корпус Коррага. Не останавливаясь подробно на военных действиях под Пелионом, весьма подробно описанных Аррианом ⁷¹ и неоднократно рассматривавшихся исследователями ⁷², отметим, что проходили они в крайне тяжелых условиях. Угроза гибели армии и царя была настолько серьезной, что послужила основой для распространения в Греции слухов о смерти Александра, ставших поводом для волнений ⁷³. Благодаря превосходству македонян в военной подготовке и дисциплине, удачным и нестандартным тактическим решениям Александра, включавшим как смелое маневрирование, так и внезапную ночную атаку на неохраемый лагерь противника, дарданы Клита и тавлантии Главкии были разбиты и отброшены от границ Македонии. Довершило разгром иллирийцев под Пелионом их долгое преследование. Согласно Арриану, македоняне гнали врага вплоть до гор в стране тавлантиев (*Anab.*, I, 6, 11). Расстояние от них до Пелиона, по современным подсчетам, составляло около 100 км ⁷⁴.

После решения иллирийского вопроса македонский царь стремительно двинулся к Фивам, восставшим против македонской гегемонии. Арриан подробно описывает маршрут и скорость движения македонской армии, указывая, что, проследовав через Эордею и Элимиотиду, Александр перешел через горы Стимфеи и Паравии и на

седьмой день прибыл в фессалийскую Пелину. Выступив оттуда, он на шестой день вторгся в Беотию (Anab., I, 7, 5). Таким образом, всего за тринадцать дней было пройдено около 400 км ⁷⁵. Марш оказался настолько стремительным, что, как пишет Арриан, фиванцы узнали о проходе Александра через Фермопилы, когда он с войском был уже в Онхесте (Anab., I, 7, 5). Здесь сказались тренировки времен Филиппа II, в ходе которых личный состав македонской армии обучался проходить значительное расстояние без использования в обозе большого количества повозок (Front. Strat., IV, 1, 6; Polyae., IV, 2, 10) ⁷⁶. Быстрому продвижению армии должно было отчасти способствовать и то, что местность, через которую проходил маршрут, позволяла обеспечить армию продовольствием (в виде продуктов животноводства) и вьючным скотом ⁷⁷. Согласно Диодору, Александр подошел к Фивам с армией, насчитывавшей более 30 тыс. пехотинцев и не менее 3 тыс. конницы. Указывается, что это были воины, ходившие в походы вместе с Филиппом (XVII, 9, 3). Иными словами, македонский царь привел к Фивам практически всю полевую армию своего отца ⁷⁸. С учетом этих данных неслучайным представляется замечание Арриана, что Александр в Онхесте был «со всем войском» (Anab., I, 7, 5), как и упоминание Диодором прибытия македонского царя из Фракии «со всеми силами» (XVII, 9, 1). Возможно, Александр сумел по пути в Фивы собрать воедино все свое войско, чтобы использовать его мощь для захвата одного из сильнейших полисов Греции. В качестве косвенного подтверждения этого вывода могут быть использованы данные Полиэна, называющего Антипатра одним из участников осады Фив (IV, 3, 12), хотя его сведения, как и другие доводы в пользу личного присутствия этого старого соратника Филиппа, вызывают некоторые сомнения ⁷⁹. Антипатр вполне мог ограничиться отправкой подкреплений царю, оставшись руководить делами в Македонии. Объединение армии должно было произойти еще в период продвижения царя по землям Верхней Македонии, причем необходимо заметить, что темп продвижения Александра к Фивам оставался чрезвычайно высоким. Это могло быть обеспечено благодаря выдвиганию сил Антипатра навстречу царю, через гонцов отдававшему соответствующее распоряжение. Объединенное македонское войско, как известно, сумело захватить и разрушить Фивы, что привело к существенному укреплению власти Александра над уstraшенной Грецией ⁸⁰. Ключевую роль в этом сыграло невероятно быстрое появление македонской армии под Фивами, позволившее изолировать фиванцев и подавить антимакедонское выступление греков в зародыше ⁸¹.

Подводя итог рассмотрению весенне-летней кампании 335 г. до н.э., проведенной Александром против фракийцев и иллирийцев, не согласимся с ее излишне критичной оценкой, озвученной Э.Ф. Блоедовым ⁸². Напротив, Балканская кампания должна быть оценена как успешная по любым критериям ⁸³. Во Фракии новый царь Македонии сумел возобновить прежние зависимые отношения с одними племенами и распространить македонскую гегемонию на сообщества, до того сохранявшие самостоятельность. Особенно удачным было решение иллирийской проблемы, стоявшей перед Филиппом II в течение большей части его правления: как отмечено исследователями, пря-

мым следствием победы Александра под Пелионом стала спокойная обстановка на иллирийской границе в течение всего периода правления великого завоевателя ⁸⁴. Без сколь-нибудь существенных потерь Александр одержал верх над противниками, которых ни в коей мере нельзя назвать слабыми, чем раскрыл свое высокое полководческое дарование ⁸⁵.

Молодой македонский царь блестяще справился с первым серьезным испытанием в своей самостоятельной полководческой карьере. Важно, что совершено это было без помощи со стороны лучших военачальников Филиппа, задействованных в тот промежуток времени на других направлениях. Конечно, получить исчерпывающее представление о стратегии Александра в Балканской кампании 335 г. до н.э. нельзя из-за ограниченности источниковой базы и невозможности однозначного сопоставления указанных в античной письменной традиции топонимов с современными географическими объектами. Тем не менее, комплекс имеющихся данных позволяет охарактеризовать стратегию кампании как смелую и, вместе с тем, хорошо продуманную. Она подразумевала разделение армии на три автономных части, перед каждой из которых стояла особая задача. Первую часть войска, размещенную в Македонии, возглавил Антипатр, в чью зону ответственности входила также Греция. Корраг во главе крупных сил расположился в районе македоно-иллирийской границы для защиты Верхней Македонии от возможного вторжения. Сам Александр с отборными и наиболее подвижными подразделениями совершил поход против восставших фракийцев и иллирийцев, пройдя по высокой неправильной параболе от северо-восточной границы Македонии до ее западных рубежей. Сильной стороной выбранной молодым царем стратегии было то, что она предусматривала как разделение армии, так и осуществление «выхода» из этой комбинации посредством последовательного объединения частей войска для разгрома иллирийцев и совместного молниеносного броска на Фивы. Александр продемонстрировал, что является достойным наследником своего отца, способным сохранить его завоевания в Европе и приступить к реализации неосуществленных планов Филиппа, связанных с захватом владений империи Ахеменидов.

Примечания

Работа подготовлена в рамках Государственного задания №33.6496.2017/БЧ.

1. Аппиан, находя много общего между Цезарем и Александром, пишет об их сопоставлении как о распространенном и оправданном явлении (В.С., II, 149). Плутарх, как известно, в своих «Сравнительных жизнеописаниях» поместил биографии этих военачальников в паре.
2. ROBERTS A. Napoleon the Great. London. 2014, p. 12.
3. JOHNSTON R.M. The Corsican: A Diary of Napoleon's Life in His Own Words. N.Y. 1910, p. 498.
4. BILLOWS R. Polybius and Alexander Historiography. In: Alexander the Great in Fact and Fiction. Oxford. 2000, p. 295.
5. БЕЛОХ Ю. Греческая история Т. 2. М. 2009, с. 432—433.
6. См.: GABRIEL R.A. The Madness of Alexander the Great: And the Myth of Military Genius. Barnsley. 2015.

7. УОРТИНГТОН Й. Филипп Македонский. СПб.-М. 2014, с. 242; ВЕРШИНИН Л.Р. К вопросу об обстоятельствах заговора против Филиппа II Македонского. — Вестник древней истории. 1990, № 1, с. 139.
8. БОРЗА Ю.Н. История античной Македонии (до Александра Великого). СПб. 2013, с. 293; BOSWORTH A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Oxford. 1980, vol. p. 45—46; HAMMOND N.G.L. The Genius of Alexander the Great. London. 1998, p. 25; DEMANDT A. Alexander der Grosse. Leben und Legende. München. 2013, S. 76.
9. BOSWORTH A.B. Op. cit., p. 51; PAPAZOGLU F. The Central Balkan Tribes in Pre-Roman Times: Triballi, Autariatae, Dardanians, Scordisci and Moesians. Amsterdam. 1978, p. 25.
10. HAMMOND N.G.L. Alexander's Campaign in Illyria. — The Journal of Hellenic Studies. 1974, vol. 94, p. 77.
11. Район их традиционного расселения располагался к западу от Искара, однако к указанному времени трибаллы, возможно, сместились на восток, к Добрудже. См.: DELEV P. Thrace from the Assassination of Kotys I to Koroupedion. — A Companion to Ancient Thrace. Oxford. 2015, p. 51.
12. ДЕЛЕВ П. Тракия под македонска власт. — Jubilaeus I: Юбелеен сборник в памет на акад. Димитър Дечев. София. 1998, с. 39.
13. См.: GREENWALT W.S. Macedonia, Illyria and Epirus. In: A Companion to Ancient Macedonia. Oxford. 2010, p. 292; LANE FOX R. Philip's and Alexander's Macedon. In: Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC — 300 AD. Leiden. 2011, p. 369—370.
14. GREENWALT W.S. Op. cit., p. 294.
15. ШОФМАН А.С. История античной Македонии. Казань. 1960, ч. I, с. 117.
16. УОРТИНГТОН Й. Ук. соч., с. 31.
17. GREENWALT W.S. Op. cit., p. 280.
18. HAMMOND N.G.L. Illyrians and North-west Greeks. In: The Cambridge Ancient History. Vol VI. Cambridge. 1994, p. 428—429; GREENWALT W.S. Op. cit., p. 284.
19. БОРЗА Ю.Н. Ук. соч., с. 272; WILKES J.J. The Illyrians. Oxford. 1992, p. 120.
20. БОРЗА Ю.Н. Ук. соч., с. 273; ERRINGTON R.M. A History of Macedonia. Oxford. 1990, p. 42; WILKES J.J. Op. cit., p. 120—121; BILLOWS R.A. Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden. 1995, p. 4.
21. УОРТИНГТОН Й. Ук. соч., с. 175.
22. ДЕЛЕВ П. Op. cit., с. 40—42; ПОПОВ Д. Древна Тракия. История и култура. София. 2009, с. 115.
23. ХАММОНД Н. История Древней Греции. М. 2008, с. 564—565.
24. LONSDALE D.J. Alexander the Great: Lessons in strategy. L.-N.Y. 2007, p. 111—112.
25. FARAGUNA M. Alexander and the Greeks. In.: Brill's companion to Alexander the Great. Leiden-Boston. 2003, p. 102—103.
26. ASHLEY J.R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 — 323 BC. Jefferson. 1998, p. 167.
27. GEHRKE H.-J. Alexander der Grosse. München. 1996, S. 30; DELEV P. Op. cit., p. 52.
28. УОРТИНГТОН Й. Ук. соч., с. 241; ХОЛОД М.М. Начало великой войны: македонский экспедиционный корпус в Малой Азии (336—335 гг. до н.э.). — Сборник трудов участников конференции: «Война в зеркале историко-культурной традиции: от античности до Нового времени». СПб. 2012, с. 3.
29. HECKEL W. The marshals of Alexander's empire. L.-N.Y. 1992, p. 13.
30. THOMAS C.G. Alexander the Great in his World. Oxford. 2007, p. 152—153.
31. HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. A History of Macedonia. Vol. III: 336—167 BC. Oxford. 1988, p. 32.
32. См.: HAMMOND N.G.L. A Papyrus Commentary on Alexander's Balkan Campaign. In: Greek, Roman and Byzantine Studies. 1987, vol. 28, p. 339—340.
33. Ibid., p. 340—341.
34. Ibid., p. 344—346; EJUSD. Sources for Alexander the Great. Cambridge. 1993, p. 201—202.
35. См.: BOSWORTH A.B. Introduction. In: Alexander the Great in Fact and Fiction. Oxford. 2000, p. 3, anm. 4; BAYNHAM E. The Ancient Evidence for Alexander the

- Great. In: Brill's companion to Alexander the Great. Leiden-Boston. 2003, p. 17, anm. 6; ср.: ИЛИЕВ Й. Родопите и тракийският поход на Александър III Велики от 335 г. пр. ХР. In: Личността в историята. Сборик с доклади и съобщения от Националната научна конференция на 200 г. от рождението на Александър Екзарх, Захарий Княжески и Атанас Иванов. Стара Загора. 2011, с. 279—281.
36. HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. Op. cit., p. 32.
 37. RAY F.E. Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century BC. Jefferson. 2012, p. 139.
 38. ASHLEY J.R. Op. cit., 167.
 39. NAWOTKA K. Alexander the Great. Cambridge. 2010, p. 96.
 40. ASHLEY J.R. Op. cit., 167.
 41. Видимо, в начале апреля. См.: HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. Op. cit., p. 34.
 42. См.: ФОР П. Александр Македонский. М. 2011, с. 39; PAPAZOGLU F. Op. cit., p. 29—30; BOSWORTH A.B. A Historical Commentary on Arrian's..., p. 54; HAMMOND N.G.L. Some Passages in Arrian Concerning Alexander. — The Classical Quarterly. 1980, vol. 30/2, p. 455—456; ASHLEY J.R. Op. cit., p. 167; NAWOTKA K. Op. cit., p. 96; WORTHINGTON I. By the Spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire. Oxford. 2014, p. 128; ИЛИЕВ Й. Op. cit., с. 279.
 43. ФОР П. Ук. соч., с. 39; BOSWORTH A.B. A Historical Commentary on Arrian's..., p. 54; ASHLEY J.R. Op. cit., p. 168; O'BRIEN J. Alexander the Great: The Invisible Enemy. L.-N.Y. 1994, p. 48;
 44. ГРИН П. Александр Македонский. Царь четырех сторон света. М. 2005, с. 86; HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. Op. cit., p. 34; BURN A.R. The Generalship of Alexander. In: Greece and Rome. 1965, vol. 12/2, p. 146; RAY F.E. Op. cit., p. 139; WORTHINGTON I. Op. cit., p. 128; DEMANDT A. Op. cit., S. 97.
 45. Возможные реконструкции хода этого сражения см.: BOSWORTH A.B. A Historical Commentary on Arrian's..., p. 56—57; HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. Op. cit., p. 35; ASHLEY J.R. Op. cit., p. 168—169; RAY F.E. Op. cit., p. 139—140; HOWE T. Arrian and "Roman" Military Tactics. Alexander's campaign against the Autonomous Tracians. In: Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel. Oxford. 2014, p. 87—93.
 46. ДРОЙЗЕН И. История эллинизма. Т. 1. Ростов-на-Дону. 1995, с. 101; ГРИН П. Ук. соч., с. 87; BOSWORTH A.B. A Historical Commentary on Arrian's..., p. 56; PAPAZOGLU F. Op. cit., p. 30—31.
 47. HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. Op. cit., p. 35; NAWOTKA K. Op. cit., p. 96.
 48. ASHLEY J.R. Op. cit., p. 169.
 49. АГБУНОВ М.В. Античная лощия Черного моря. М. 1987, с. 146; ЯЙЛЕНКО В.П. Очерки этнической и политической истории Скифии в V—III вв. до н.э. — Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. Запорожье. 2007, с. 82.
 50. BOSWORTH A.B. A Historical Commentary on Arrian's..., p. 57; PAPAZOGLU F. Op. cit., p. 32.
 51. HAMMOND N.G.L. Alexander's Campaign in Illyria, p. 80.
 52. GRUMEZA I. Dacia. Land of Transylvania, Cornerstone of Ancient Eastern Europe. Lanham-Plymouth. 2009, p. 27.
 53. НИКУЛИЦЭ И.Т. Геты IV—III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинёв. 1977, с. 125.
 54. ПОПОВ Д. Ук. соч., с. 116.
 55. Видимо, информация об этом восходит к Птолемию. Ср.: Strab., VII, 302. Об этом см. также: BOSWORTH A.B. A Historical Commentary on Arrian's..., p. 51; ср.: HAMMOND N.G.L. Alexander's Campaign in Illyria, p. 77.
 56. HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. Op. cit., p. 38; О специфике установленного Александром в регионе режима также см.: БЛАВАТСКАЯ Т.В. Западнопонтийские города в VII—I веках до н.э. М. 1952, с. 89—90; DELEV P. Op. cit., p. 52.
 57. ДРОЙЗЕН И. Ук. соч., с. 104; BOSWORTH A.B. A Historical Commentary on Arrian's..., p. 65; HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. Op. cit., p. 39—40; О районе расселения агриан подробнее см.: ДЕЛЕВ П. По някои проблеми от историята на

- агрианите. — Известия на Исторически музей Кюстендил. Т. VII. Кюстендил. 1997, с. 9—11.
58. ФУЛЛЕР ДЖ. Военное искусство Александра Македонского. М. 2003, с. 249; ФОР П. Ук. соч., с. 39; BOSWORTH A.V. A Historical Commentary on Arrian's..., p. 65—68; HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. Op. cit., p. 40; ASHLEY J.R. Op. cit., p. 171.
 59. ГАФУРОВ Б.Г., ЦИБУКИДИС Д.И. Александр Македонский и Восток. М. 1980, с. 83; ASHLEY J.R. Op. cit., p. 171; NAWOTKA K. Op. cit., p. 98.
 60. HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. Op. cit., p. 40.
 61. HAMMOND N.G.L. Alexander's Campaign in Illyria, p. 78.
 62. HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. Op. cit., p. 41.
 63. Предположение о том, что вместе с Лангаром в этом походе участвовал Александр (см.: ГАФУРОВ Б.Г., ЦИБУКИДИС Д.И. Ук. соч., с. 83) следует признать слабо обоснованным.
 64. Цит. по: HAMMOND N.G.L. A Papyrus Commentary on Alexander's Balkan Campaign, p. 340.
 65. Ibid., p. 342—343.
 66. ФОР П. Ук. соч., с. 39; HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. Op. cit., p. 41; WILKES J.J. Op. cit., p. 123.
 67. WILKES J.J. Op. cit., p. 124.
 68. ASHLEY J.R. Op. cit., p. 171.
 69. См.: BOSWORTH A.V. A Historical Commentary on Arrian's..., p. 68; HAMMOND N.G.L., WALBANK F.W. Op. cit., p. 40—41.
 70. HAMMOND N.G.L. Alexander the Great: King, Commander and Statesman. London. 1981, p. 49; ASHLEY J.R. Op. cit., p. 171.
 71. См.: Arr. Anab., I, 5, 5—6, 11.
 72. ДРОЙЗЕН И. Ук. соч., с. 105—108; ФУЛЛЕР ДЖ. Ук. соч., с. 249—252; ГРИН П. Ук. соч., с. 88—91; HAMMOND N.G.L. Alexander's Campaign in Illyria, p. 79—85; BOSWORTH A.V. A Historical Commentary on Arrian's..., p. 71—73; ASHLEY J.R. Op. cit., p. 171—173; RAY F.E. Op. cit., p. 141—142.
 73. См.: Arr. Anab., I, 7, 2; Согласно Юстину, Демосфен утверждал, что Александр и вся его армия погибли в бою против трибаллов, и даже представил свидетеля, якобы раненого в фатальном для македонского царя сражении (XI, 2, 8—10).
 74. HAMMOND N.G.L. The Genius of Alexander the Great, p. 39.
 75. KEEGAN J. The Mask of Command. N.Y. 1987, p. 72; HAMMOND N.G.L. The Genius of Alexander the Great, p. 44; WORTHINGTON I. Demosthenes' (in)activity during the reign of Alexander the Great. In: Demosthenes: statesman and orator. L.-N.Y. 2000, p. 92.
 76. Это было нацелено, прежде всего, на обеспечение высокой мобильности войск в условиях горной местности. См.: ENGELS D.W. Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Berkeley-Los Angeles. 1978, p. 22—23.
 77. HAMMOND N.G.L. The Genius of Alexander the Great, p. 44.
 78. Согласно тому же Диодору, в битве при Херонее войско Филиппа состояло из более 30 тыс. пехотинцев и не менее 2 тыс. всадников (XVI, 85, 5).
 79. HECKEL W. Op. cit., p. 32.
 80. Подробнее см.: КУТЕРГИН В.Ф. Беотийский союз в 379—335 гг. до н.э.: Исторический очерк. Саранск. 1991, с. 164.
 81. GEHRKE H.-J. Op. cit., S. 31.
 82. BLOEDOW E.F. The Balkan Campaign of Alexander the Great in 335 BC. In: The Thracian World at Crossroads of Civilization. Bucharest. 1996, p. 166.
 83. ASHLEY J.R. Op. cit., p. 174.
 84. HAMILTON J.R. Alexander's Early Life. In: Greece and Rome. Second Series. 1965, 12/2, p. 123; GREENWALT W.S. Op. cit., p. 295.
 85. HAMMOND N.G.L. The Genius of Alexander the Great, p. 39.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ББК 63.3(47)53/УДК 94(497)«191»/И 861

Александр Михайлович Петряев

П.А. Искендеров

Аннотация. Публикация посвящена жизни и деятельности одного из наиболее ярких российских дипломатов начала XX в. — Александра Михайловича Петряева (1875—1933). На основе неопубликованных ранее документов из российских архивов воссоздаются основные направления деятельности дипломата на Балканах в один из судьбоносных периодов истории региона — накануне первой мировой войны. Основное внимание уделяется теоретической и практической роли А.М. Петряева в обеспечении интересов России, а также его позиции по ключевым проблемам международных отношений на Балканском полуострове и в Европе в целом.

Ключевые слова: Россия, Балканы, Албания, Сербия, Косово, великие державы, международные отношения, межэтнические конфликты, конфликтология, государственность, дипломатия.

Abstract. The publication is devoted to Russian diplomat A.M. Petriaev (1875—1933) who served in the Balkans. The author bases his research on various unpublished documents from Russian archives. He pays particular attention to the activities of Petriaev in Albania as well as his views on the future of Serbia and the Balkans.

Key words: Russia, Balkan Peninsula, Albania, Serbia, Kosovo, Great Powers, international relations, inter-ethnic conflicts, conflictology, statehood, diplomacy.

Александр Михайлович Петряев, без сомнения, является одним из наиболее ярких и талантливых российских дипломатов. Он происходил из древнего рода, о корнях которого можно судить по следующему фрагменту переписки двух ученых — представителей этой династии: писателя Евгения Дмитриевича Петряева и историка Константина Дмитриевича Петряева:

«Дорогой Костя!

Ты задал трудные вопросы. Тут многое надо еще выяснить. Древние корни Петряевых были где-то в Рыльске Курской губернии. Немало из них погибло от рук Малюты Скуратова. Осталась мелкота, однодворцы.

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Iskenderov Petr A. — M.A., senior researcher at the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

В шестой «Родословной книге» есть герб 1676 года — красная кирпичная стена и на ее фоне два перекрещенных карабина.

Обедневшие потомки славились как оружейники. Работали у Демидова в Туле. Другие селились под Москвой, на земле. Там есть деревня Петряевка.

А связавшиеся с расколом шли к Архангельску. Оставаясь вольными мастеровыми, пришли на Урал в конце XVIII века в Березовский завод.

Два брата Петряевых, еще юношами, были присланы с “Монетки” (Москва). Отсюда начинаются две линии потомственных горняков. Некоторые вышли в штейгеры, хотя учиться много не приходилось.

При Николае I в Екатеринбурге, на Волчьей улице (теперь ее нет) был дом лекаря Петряева, а в Березовском были Петряевы конторщики, писари, но сведений о них мало. Один из них был автором “Повествования о Малюте Скуратове”.

Наш дед работал на Бегунной фабрике, считался машинистом. Писал (насколько помню) кривыми и крупными буквами. Любил читать, хорошо пел, отличался остроумием, привлекательностью и артистизмом.

То же было присуще и отцу, пока его не согнула страшная жизнь.

Брат деда, Алексей Алексеевич, работал в заводууправлении и считался знатоком горного дела. Он состоял членом УОЛЕ (Уральское общество любителей естествознания — одна из крупнейших научно-краеведческих общественных организаций Российской империи и СССР. До 1920-х гг. общество являлось единственным центром общественно-краеведческого движения на Урале. — П.И.). На известной выставке Урала и Сибири, в 1990-х гг., получил серебряную медаль. Недавно эту медаль мне прислали его дочери из Куйбышева.

Кузеном (или дядей) Ильи Алексеевича был Александр Михайлович Петряев, полиглот, потом драгоман (официальная должность переводчика. — Ред.) нашего посольства в Константинополе. О нем писал Лев Любимов в книге “На чужбине” (М. 1963).

О нем много рассказывали в 1918—1919 гг., но я, естественно, ничего не понимал. Помню только, что говорили слово “Дарданеллы”, которое мне почему-то особенно понравилось. Об этом проливе у А. М. есть книжка...»¹

Александр Михайлович родился 27 октября 1875 г. в Санкт-Петербурге и уже в ранние годы проявил исключительные способности к изучению иностранных языков. В общей сложности Петряев говорил на 14 языках. Это позволило ему получить блестящее образование в Санкт-Петербургском университете, который он окончил по программам двух факультетов — восточного и юридического — после чего закономерно вступил на дипломатическую стезю.

Первым местом работы в штате российского Министерства иностранных дел для Петряева стала дипломатическая служба в Персии, откуда он вскоре был переведен на Балканы — сначала (как уже говорилось выше) в качестве драгомана в посольстве России в Константинополе, а затем — помощника российского гражданского агента в Османской империи по проведению реформ в Македонии в рамках

соглашения, достигнутого между Россией и Австро-Венгрией (Мюрцштегская программа 1903 г.), а также консула в Битоли.

Прекрасное знание языков и региона, а также незаурядные аналитические способности помогли начинающему дипломату стать одним из главных специалистов по албанским и в целом балканским делам в российском внешнеполитическом ведомстве. В Архиве внешней политики Российской империи хранятся подготовленные им проекты государственно-территориального переустройства Балкан, решения югославянской проблемы, реформирования Османской империи, базирующиеся на трех ключевых предпосылках: недопущение вооруженных конфликтов между балканскими странами и народами, противодействие вмешательству в регионе великих держав и наиболее эффективное и долгосрочное обеспечение интересов России. Занимая должность дипломатического представителя России в албанском городе Влера (именно в этом городе 28 ноября 1912 г. была провозглашена независимость Албании), Петряев в своих обстоятельных донесениях подчеркивал важность албанского фактора, который тогда склонны были недооценивать многие российские дипломаты: «Албанский народ, никогда не игравший политической роли, под турецким господством приобретает такую силу, что выходит из своей области, расширяя свои границы...»²

Вершиной балканской карьеры Петряева стал период 1912—1914 гг., когда в регионе происходили судьбоносные события, начавшиеся с формирования антитурецкого Балканского союза Болгарии, Сербии, Греции и Черногории. Данное объединение изначально вошло в определенные противоречия с курсом тогдашнего министра иностранных дел России С.Д. Сазонова, выступавшего за вовлечение Турции в союз, видевшийся ему под верховным российским покровительством.

Летом и ранней осенью 1912 г., когда над Балканским полуостровом стремительно сгущались военные тучи, Россия попыталась предотвратить вооруженное выступление Балканского союза против Османской империи, которое не было согласовано с Санкт-Петербургом и несло в себе реальную угрозу российским интересам (в том числе в виде роста напряженности в отношениях Белграда и Софии) посредством экстренного согласования со Стамбулом проекта реформ. В основу соответствующего проекта, представленного Сазоновым турецкой стороне 17 сентября 1912 г. в контексте «разработки вопросов местного управления и самоуправления» на европейских территориях Турции, легли предложения, подготовленные лично Петряевым и сформулированные им в специальной записке³.

В основе проекта Петряева лежало развитие самоуправления и выборы в местные органы власти в балканских владениях Османской империи. В этих целях в санджаках предлагалось создать специальные советы, в которых наряду с делегатами, избранными населением и составляющими совет санджака, должны были заседать представители Стамбула — мутессарифы. При этом между посланцами центральных властей и выборными представителями жителей балканских областей достигалось разделение полномочий: мутессариф отвечал за администрацию, полицию и жандармерию, а совет санджака — за региональный бюджет, сбор налогов, инфраструктуру, вопросы обра-

зования и здравоохранения. Одновременно вводился принцип «двойного ключа» для утверждения указов, издаваемых местными органами власти: они разрабатывались депутатами и одобрялись мутессарифом. Подобная двухполюсная система должна была быть создана и на других уровнях административного управления — в том числе в казах и нахиях.

Предлагавшиеся Петряевым нормы избирательного права в балканских областях Османской империи носили половинчатый характер с точки зрения классических демократических норм — однако они адекватно учитывали специфику эпохи и региона. Члены совета санджака должны были избираться на основе специальной системы с учетом возрастного и имущественного ценза (последний определялся величиной уплачиваемых налогов). Жители санджака получали активное и пассивное избирательные права на основе соблюдения нормы представительства — по два выборщика от каждой нахии. При этом представители церковных общин и школьных учреждений не избирались, а входили в состав совета санджака (который принимал решение большинством голосов) напрямую на правах постоянных членов. Российский дипломат предусмотрел даже ротацию членов совета санджака с определенными аналогиями с существовавшей в США практикой частичной смены состава Конгресса: совет санджака должен был обновляться на одну треть списочного состава каждые два года.

Еще более радикальные меры предлагал Петряев в сфере формирования судебных и полицейских структур в балканских областях Османской империи. Суды должны были стать независимыми от правительства в Стамбуле, а состав жандармерии формироваться из числа представителей местного населения. Как справедливо отмечает российский балканист Ю.А. Писарев, «проект А.М. Петряева был направлен на защиту нетурецкого населения, обеспечивал административную автономию национальных районов Турции, где проживало христианское население»⁴.

Министерство иностранных дел России внесло в предложения Петряева лишь одну существенную поправку — прописав контроль за проведением реформ в Европейской Турции со стороны великих держав.

Однако предложения Петряева, даже «освященные» российским внешнеполитическим ведомством, не могли остановить запущенный Балканским союзом маховик антитурецкой войны. А сам российский дипломат уже в качестве представителя России в Международной контрольной комиссии в Албании, начиная с конца 1913 г., вынужден был действовать в тесном взаимодействии с представителями великих держав, имевших различные, но неизменно своекорыстные интересы на Балканах.

После завершения Балканских войн 1912—1913 гг. на повестку российской дипломатии встала задача по-новому выстроить систему и приоритеты союзнических отношений в регионе.

В данном контексте Петряев выступал за создание сильного югославянского государства, формирующегося вокруг Сербии, и призванного стать надежным союзником России. В это государство, по его мнению, могли бы войти и югославянские народы Австро-Венг-

рии. «Возникновение единой Великой Сербии или Сербохорватского государства было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась. Сильное славянское государство с 14 млн жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря, интересы коего нигде не сталкиваются с русскими, было бы, конечно, весьма желательным элементом в нашей будущей западноевропейской политике», — докладывал Петряев в Санкт-Петербурге в начале 1914 года ⁵.

Вышеуказанная позиция дипломата в целом пересекалась с предложениями российского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига. Последний, впрочем, выступал с еще более радикальных позиций, настаивая на формировании не абстрактного «югославянского государства», а конкретно максимально территориально расширившейся Сербии, в состав которой должны были войти не только югославянские области монархии Габсбургов, но и Черногория ⁶.

Вместе с тем, России следовало учитывать, что сербский вопрос на Балканах находился в тесной политической, территориальной, экономической и социо-культурной взаимосвязи с вопросом албанским. А последний относился к прямому ведению Совещания послов великих держав, открывшегося в Лондоне в декабре 1912 г., которое В.И. Ленин однажды весьма метко назвал «театром грызни и интриг так называемых великих держав» ⁷.

В рамках поиска решения албанской проблемы российское Министерство иностранных дел обратилось к дипломатам, работавшим на Балканах, с просьбой подготовить собственные предложения на этот счет. Наиболее проработанными в итоге были признаны проекты российского посланника в Софии А.В. Неклюдова и консула в Митровице Петряева. Оба документа были весьма близки по содержанию и, в частности, предусматривали сохранение верховного суверенитета турецкого султана над Албанией при одновременном расширении ее автономных прав. При этом Неклюдов настаивал на выводе с албанской территории турецких войск ⁸. Петряев же соглашался на их присутствие под командованием турецкого генерал-губернатора, но при этом предлагал установить контроль над ним со стороны специальной комиссии представителей шести великих держав ⁹.

Именно данная идея в итоге и была реализована в рамках Лондонского совещания — притом российское Министерство иностранных дел формально отказалось делать выбор в пользу какого-либо из двух проектов, сведя их в один документ и переслав обобщенный вариант в Лондон, где посол России А.К. Бенкендорф доложил о нем на совещании.

Следует особо отметить, что Петряев являлся в российском дипломатическом корпусе на Балканах одним из наиболее нестандартно мыслящих дипломатов, умевшим просчитывать неординарные политические комбинации. В частности, он выступал за максимально возможное территориальное расширение албанских границ в южном направлении — за счет Греции. Соответствующая идея (находившаяся в противоречии с общепринятым в российском внешнеполитическом ведомстве мнением в поддержку Греции) была озвучена Петряевым в частном письме из Лондона на имя директора 2-го политического

(Ближневосточного) департамента Министерства иностранных дел России князя Г.Н. Трубецкого от 12 марта 1913 года. Дипломат считал расширение территориальных пределов новообразованного албанского государства в южном направлении (в сторону Греции) выгодным для России в связи с тем, что подобное расширение способно сдерживать и компенсировать аналогичный процесс в направлении Сербии и Черногории, а также противодействовать росту националистических настроений в самой Албании. Кроме того, Петряев прямо обвинил сербов в том, что они своими действиями ужесточают позицию Австро-Венгрии в вопросе сербо-албанского территориального разграничения и, в частности, по поводу принадлежности города Джаловица. Вот фрагмент этого заслуживающего несомненного внимания письма:

«Проведение ее (Албании. — *П.И.*) южной границы представляет некоторые особенности по сравнению с северо-восточной границей. Население местностей к югу от р. Шкумбии, хотя этнически албанское, но столь давно находилось под исключительным влиянием греческой пропаганды и культуры, проникших туда при помощи культурных и школьных установлений, что оно носит несомненно ярко выраженный греческий характер. Вследствие этого расширение юго-восточной границы Албании введет во вновь создаваемое государство много эллинизированных элементов, которые явятся крупной помехой к развитию и процветанию албанского национализма.

Греческая пропаганда уже имеет в своем распоряжении готовые и прекрасно оборудованные школы, крепко сплоченные и богатые общины, разные благотворительные учреждения и т.п., между тем как албанским националистам придется все это создавать с начала. Таким образом при устройстве будущего самоуправления Албании — греческое влияние на местные дела будет очень значительно тем более что эллинизированные элементы южной Албании — почти единственный ресурс для вербования администрации и чиновничества. На этой почве между албанскими националистами и греками будет происходить упорная борьба. Влахи окажутся конечно на стороне албанских националистов.

Из разговоров с моим австрийским коллегой здесь, Ибкеном, я убедился, что австрийцы учитывают это обстоятельство и с этой точки зрения расширение Албании на юго-восток им не очень улыбается вследствие введения в большой дозе греческих элементов. С другой стороны им не нравится увеличение Албании на юг еще и потому, что этим как бы открывается большой район для экономического и политического проникновения Италии, которая уже имеет значительные коммерческие связи с югом. Они по-видимому ограничатся поддержкой итальянского проекта границ на юге по р. Каламас.

Если иметь в виду приведенные выше соображения, то окажется, что расширение Албании на юг для нас, может быть, вовсе не так нежелательно и мы могли бы уступить даже Корицу (Корча. — *П.И.*).

В южной Албании очень большое значение будет иметь церковный вопрос. Там находятся теперь 4 греческих митрополита (в Берате, Конице, Аргирокастре (Гирокастра. — *П.И.*) и Корице). Вся школьно-церковная организация, вместе с общинной, находится под верховным ведением Кон/польского Патриарха. Это обстоятельство также

говорит в пользу сохранения суверенитета Султана над Албанией. В случае признания этой области совершенно независимой, возникнет сложный вопрос об отношении греко-албанских митрополитов и их паствы к Кон/польскому Патриарху. В конце концов благодаря разным политическим интригам связь эта ослабнет и я не сомневаюсь, что албанские националисты из христиан, поддерживаемые Австрией, и совместно с влашско-румынской пропагандой будут стремиться к созданию албанской автокефальной церкви — то есть новой схизме.

Думается это — не в наших интересах. Мне кажется, что в будущем статуте Албании права и привилегии Вселенской Церкви должны быть особо оговорены. Выступая в роли защитников интересов православной церкви, представляемой Патриархом, мы только выполним нашу традиционную задачу.

Ваше сомнение относительно годности Дураццо (Дуррес. — *П.И.*), как административного центра, для меня не совсем ясно. Если на этот порт будет проведена сербская железная дорога и город будет обставлен разными международными гарантиями, то на мой взгляд он явится самым подходящим местом, по крайней мере на первое время, для правительства обставленного также разными гарантиями и международным контролем. Нужно иметь также в виду, что центр экономической и политической жизни Албании будет всегда тяготеть к адриатическому побережью. В крайнем случае можно напр. устроить так как это было сделано во времена реформ в Македонии, то есть Салоники были всегда административным и реформенным центром для Македонии, но в известные времена года. Ген. Инспектор и состоявшие при нем органы контроля переезжали на время в Монастырь (Битоли. — *П.И.*) и Ускуб (Скопье. — *П.И.*). Нечто подобное можно устроить и для Албании. Впрочем все это вопросы второстепенные в сравнении с теми, которые еще не решены»¹⁰.

Впрочем, и по вопросам сербо-албанского разграничения позиция Петряева далеко не всегда вписывалась в общую канву российских усилий на Лондонском совещании послов великих держав и оценок, преваляровавших в Санкт-Петербурге. В частности, он обвинял сербов в том, что они своими чрезмерно экспансионистскими планами территориального расширения обостряют проблему и ужесточают позицию Вены: «Я думаю, что австрийцы уступят Дьяково (Джяковица. — *П.И.*) и может быть давно бы сделали это, если бы не было со стороны сербов разных неуместных заявлений и выступлений qui indisposent les autrichiens (раздражают австрийцев. — *П.И.*)»¹¹.

Подобный гибкий и аналитический подход Петряева не теряет своей актуальности даже с точки зрения практики и реалий сегодняшнего дня. В частности, он вполне соотносится с концепцией, которую недавно озвучил российский исследователь А.Д. Богатуров. По его словам, «переговоры по поводу контроля над территориями могут иметь самостоятельное значение. Они воплощают мечты о совместном коллективном, в отличие от единоличного удовлетворения интересов. С равной вероятностью возможен прогресс элемента конфликта или сотрудничества в общей ситуации в зависимости от того, будет ли найдено объединяющее стороны решение. Конфликт в зависимости от сил, которые за ними стоят, может быть внутривнутриполитическим».

ческим или международным. Нарастание первого в современных условиях ведет к его превращению в конфликт второго рода. Обострение противоречий влечет вовлечение в него вооруженных сил иностранного государства»¹².

Петряев занимал гибкую позицию и еще по одному принципиальному международно-правовому вопросу, получившему свою особую актуальность накануне и в годы первой мировой войны — о принципах преемственности соглашений в случае перехода затрагиваемой ими территории от одного государства к другому. Он подчеркивал, что «принцип сохранения обязательств, заключенных одним государством по отношению к какой-нибудь территории, с переходом этой последней под власть другого, обыкновенно соблюдается, но что необходимо делать различие между обязательствами, уже получившими реальное осуществление, и теми, которые являются в некотором роде *in spe* [в надежде]»¹³.

В середине октября 1913 г., согласно решению Лондонского совещания послов великих держав, в Албании начала свою работу Международная контрольная комиссия. К чести ее делегатов — в том числе российского комиссара в Албании Петряева — они пытались объективно разбираться в сложной ситуации, и, в частности, не принимали на веру все те взаимные сербо-албанские обвинения, в которых подчас преобладали эмоции, а не факты. В частности, 21 октября 1913 г. Петряев весьма сдержанно сообщал в Санкт-Петербург, что «по имеющим здесь сведениям в разных городах Албании действительно теперь находятся несколько десятков тысяч беженцев из пограничных областей», не подтверждая при этом официально конкретные факты массовых антиалбанских репрессий в присоединенных к Сербии областях — не только в силу особого характера сербо-русских отношений, но и прекрасно понимая, как осторожно следует подходить к громким заявлениям, требованиям и обвинениям, которые рождаются в горячих балканских головах¹⁴. «Число самозванных правителей здесь увеличивается с каждым днем, — сообщал он в январе 1914 г. в российское Министерство иностранных дел. — Всякий набравший шайку в несколько вооруженных лиц провозглашает себя правителем до тех пор, пока его не сменил другой, более сильный. Беспристрастные наблюдатели из албанцев говорят о временах турецкого управления как о чем-то совершенном в сравнении с теперешнею анархией»¹⁵.

25 октября 1913 г. Петряев изложил в отдельной депеше из Влеры ситуацию, сложившуюся в Албании, и обрисовал усилия Австро-Венгрии и Италии, направленные на укрепление собственных позиций. По его данным, «временное правительство, председательствуемое здесь Измаил Кемаль Беем (Исмаил Кемали. — *П.И.*), поспешило до прибытия Контрольной комиссии в Валону (Влера. — *П.И.*) раздать разные концессии австрийским и итальянским предпринимателям.

На открытие Албанского банка, с приданием ему характера государственного учреждения выдана концессия австро-итальянской группе, дающей в равных долях около 20 000 000 франков. Соответствующее обязательство было подписано Измаил Кемаль Беем в Вене около шести месяцев тому назад. Последние же формальности были

выполнены позже, накануне прибытия европейских делегатов. Финансовые группы, подписавшие это соглашение, выговорили себе право окончательного утверждения его в течение трех месяцев.

Вторая концессия выдана на производство изысканий по проложению железнодорожного пути от Скутари (Шкодер. — П.И.) через Эльбасан на Валону.

Техническая комиссия, состоящая из австрийских и итальянских инженеров, уже выехала из Валоны.

Затем временное правительство, по-видимому, обещало предоставить австрийским предпринимателям преимущественное право на открытие и оборудование в Валоне албанской государственной типографии, некоторые машины для которой уже доставлены из Триеста. Четвертая концессия на проложение электрического трамвая от Валонской бухты до города, на протяжении приблизительно 4 километров, отдана итальянцам»¹⁶.

«Если не считать этой последней концессии, имеющей местный характер, — продолжает Петряев, — три остальные затрагивают жизненные интересы Албании, имеют громадное политическое значение и ставят Австрию и Италию в особое преимущественное положение. Не говоря уже о Банке, который будет держать в своих руках всю экономическую и финансовую жизнь страны, будущая государственная типография несомненно получит право выпуска марок, денежных знаков и государственных бумаг.

Главная роль в раздаче всех этих концессий принадлежит Кемалю Бео. Когда вопрос этот обсуждался в здешнем Совете министров, то некоторые члены кабинета отказались дать свои подписи.

Известие о выдаче концессий австрийцам и итальянцам вызвало взрыв негодования в большей части населения. Во многих местах были устроены митинги протеста. В письменных и словесных жалобах на Измаил Кемаль Бейя, поступающих в Комиссию, одним из главных пунктов обвинения стоит вопрос о незаконной выдаче концессий иностранцам.

Французский, английский делегаты и я, согласно полученным нами инструкциям, предполагаем поднять в Комиссии вопрос о признании всех этих обязательств. Надо думать, что мы встретим очень сильную оппозицию со стороны австрийского и итальянского делегатов...

Мне кажется, что концессии в Албании должны быть разделены на два рода — общегосударственного значения, как Банк, типография, и коммерческого характера, как постройка трамваев, дорог, оборудование портов и т.п. Первого рода концессии должны быть интернационализированы с предоставлением каждой великой державе соответствующей доли, а второго рода концессии должны лишь подлежать контролю Комиссии»¹⁷.

Тема особых отношений Исмаила Кемали с Веной и Римом получила свое дальнейшее развитие. 8 ноября 1913 г. Петряев сообщил из Влеры нижеследующее:

«Кроме тех более или менее официальных сношений, которые по разным делам Контрольная комиссия установила с председателем временного валонского правительства, австрийский и итальянский делегаты постоянно ведут с ним частные переговоры от имени своих

правительств, в целях обеспечения за ними разных особых прав и привилегий.

Из моих предыдущих донесений Вашему Превосходительству уже известно о концессиях, предоставленных валонским правительством итальянским и австрийским предпринимателям.

На днях до сведения английского делегата дошло, что итальянское правительство по соглашению с австрийским вступило в негласные переговоры с Измаил Кемаль Беем о приглашении им на службу австрийских и итальянских советников для устройства и упорядочения различных отраслей администрации и юстиции...»¹⁸

Назначение великими державами в Албанию в начале 1914 г. в качестве верховного правителя князя Вильгельма Вида и формирование при нем центрального правительства на первых порах вселили определенный оптимизм в европейские столицы. Однако радость оказалась преждевременной, о чем российский комиссар в Албании Петряев счел нужным сообщить на Певческий мост, подвергнув новый кабинет жесткой критике: «Первое, что бросается в глаза, — писал он в Санкт-Петербург 20 марта 1914 г., — при чтении этого списка, это число созданных министерств, не соответствующее ни размерам, ни финансовым ресурсам, ни просто потребностям Албании в данную минуту...

Князю при составлении его первого правительства, пришлось, очевидно, руководствоваться не столько действительными нуждами страны, сколько желанием удовлетворить честолюбие разных влиятельных беев, а также принять во внимание областную и религиозную рознь...

Безусловно, самую яркую личность в кабинете является Эссад Паша (Эссад-паша Топтани, военачальник и один из крупнейших албанских землевладельцев. — *П.И.*). По поводу последних событий я уже имел не раз случай говорить о нем. Положение занятое им теперь при князе лишь еще более подчеркивает его энергию, смелость и изворотливость, соединенные с нравственными качествами и замашками средневекового кондотьера. Несомненно, считаясь с опасностью иметь его против себя князь вынужден был назначить его на самый важный и ответственный пост министра внутренних дел с званием военного министра, данным очевидно для удовлетворения военного честолюбия генерала, который пользуясь этим не замедлит, вероятно, подкрепить свое положение созданием какой-либо вооруженной силы для своего личного распоряжения. Все знающие Эсада Пашу понимают, что фактическим правителем Албании, при настоящих условиях, будет он, а не князь. Это обстоятельство производит на благомыслящих и умеренных албанцев крайне тяжелое впечатление, так как административные приемы Эсада Паши и склонность к темным политическим авантюрам здесь хорошо известны»¹⁹.

Не случайно Петряев в своем обширном донесении уделил крайне мало места остальным членам албанского правительства, ограничившись, по сути, их перечислением и фразой о том, что «об остальных членах нового правительства остается сказать весьма немного, так как рядом с Эсадом Пашою они никакого значения иметь не будут»²⁰.

Что же касается общего направления внутренней и внешней политики нового кабинета, то на сей счет российский представитель был крайне сдержан: «Пока трудно сказать что-либо более положительное о будущей внутренней и внешней политике только что образованного албанского правительства, вероятно не имеющего никакой определенной программы. В виду того, что за последнее время Эсад Паша недвусмысленно высказывал свои симпатии к Италии, можно лишь предположить, что влияние этой державы на албанские дела теперь значительно усилится» ²¹.

Эссад-паша конфликтовал не только с принцем Видом и Исмаилом Кемали, но и с голландскими офицерами из состава международной жандармерии. Эта сторона его кипучей деятельности также не осталась незамеченной российским комиссаром в Албании Петряевым. Его донесение от 7 апреля 1914 г. наглядно демонстрирует, что буквально все вопросы обустройства Албании были завязаны на Эсаде. Возвращаясь к этому колоритному персонажу, российский дипломат, в частности, сообщил, что «сделавшись военным министром и министром внутренних дел, он (Эссад. — П.И.) для сохранения и укрепления своей власти по-прежнему оставил под своей командой иррегулярную милицию, набранную им из разных подонков.

На этой почве у него произошло недоразумение с генералом Де-Веером, организатором всей албанской жандармерии. Этот последний ни за что не хочет признать Эсада своим непосредственным начальником и еще менее допустить его вмешательство в дела, касающиеся организации, считая себя одного исключительно ответственным за успешное выполнение возложенной на него Европою миссии.

Между тем Эсад Паша, в свою очередь, игнорирует генерала и старается давать приказания жандармам помимо него. В некоторых местах произошли столкновения между жандармами голландской миссии и башибузуками Эсада.

Таким образом создалось очень тяжелое и неприятное положение для албанского правительства.

Не видя другого исхода, Турхан Паша (глава албанского правительства. — П.И.) обратился к Контрольной Комиссии со спешной просьбой приехать в Дураццо и уладить это дело. Прибыв туда в воскресенье, мы в тот же день вечером имели продолжительное совещание с председателем совета министров, в котором принимал также участие и Де-Веер. Эсад Паша уклонился от совместного обсуждения этого вопроса.

После обмена мнений мы признали совершенно правильною точку зрения генерала Де-Веера, что существование двух жандармерий — одной официальной, подчиненной голландским офицерам, а другой какой-то побочной, повинующейся Эсаду, — недопустимо. Мы высказались также за то, что командование жандармерией должно быть сосредоточено в руках генерала Де-Веера, который подчиняется непосредственно князю.

Зависимость жандармерии от министра внутренних дел определена в том смысле, что она будет находиться в распоряжении местных властей для обеспечения общественного порядка и безопасности. Турхан Паша согласился с такой постановкой вопроса и обещал сделать все от него зависящее для осуществления этих начал и в особен-

ности принять меры к роспуску иррегулярных отрядов. Генерал Де-Веер настаивал также на том, чтобы ему подчинена была и полиция, как вспомогательная сила жандармерии, но Турхан Паша отклонил это, сославшись на то, что Лондонские постановления ничего об этом не говорят.

Возник также вопрос, но оставлен открытым, о подчинении жандармерийского отряда, набранного специально для посылки на юг и потому как бы находящегося на особом положении. — Недоразумения, возникшие между двумя генералами (Де-Веером и Эссад-пашой. — *П.И.*), теперь устранены вышеуказанным компромиссом, но вероятно — на недолгое время. Эсад Паша едва ли откажется от набранной им вооруженной силы, которая представляет для него главную опору.

Теперь он является единственным человеком в Албании, могущим подкрепить свои слова действием. Создание же хорошей жандармерии, по европейскому образцу, но ему не подчиненной, конечно, не входит в его планы.

Интересно отметить, что в совете министров все члены правительства, во главе с Турханом, разделяют взгляд Де-Веера на постановку организации жандармерии, но они бессильны заставить Эсада подчиниться их точке зрения. Князь и Турхан Паша очень опасаются того, как бы дальнейшее развитие конфликта между Эсадом и Де-Веером не повело к отказу голландской миссии продолжать реорганизацию жандармерии, что поставило бы албанское правительство в крайне затруднительное и неловкое положение...»²²

Петряев был не единственным, кто весьма скептически оценивал деятельность Международной контрольной комиссии в Албании. Джордж Фред Уильямс, посол США в Афинах, вернувшись в конце июня 1914 г. из поездки по Северной Греции (Эпир), подверг работу Комиссии еще более жесткой критике, назвав со страниц нью-йоркской газеты «The Sun» ее действия «эпохальным скандалом анархии, некомпетентности, лицемерия и убийства»: «Я нашел князя — который сам себя именует королем — без власти, без территории и без подданных, за исключением его собственных жены и детей. Моим первым побуждением было найти албанское правительство. Я не обнаружил никого, за исключением шести военных кораблей — но и те застыли в молчании. Зато в поле зрения находились пять мнимых правительств: 1. Шесть великих держав со всей властью; 2. Международная комиссия, контролирующая гражданскую администрацию и финансы; 3. Голландская жандармерия, контролирующая военных; 4. Князь без какой-либо оставшейся власти и 5. Министерство без власти.

Каждое из этих правительств борется друг с другом, а первое (великие державы. — *П.И.*), по-видимому, настолько поражено разногласиями в своих рядах, что предоставило остальные их собственной судьбе...»²³

Начавшаяся первая мировая война перевела проблему обеспечения российских интересов на Балканах и в Центральной Европе в новую плоскость, поставив на повестку дня судьбу самой Австро-Венгрии как единого государства. И в этой связи предшествующие наработки Петряева оказались востребованными. Министр иностранных дел России Сазонов дал указание дипломату заняться изучением

положения славян в Австро-Венгрии и выработкой проекта будущего обустройства населенных ими территорий. В марте 1916 г. он получил назначение советником Второго (Ближневосточного) политического отдела Министерства иностранных дел — и проявил на этом посту все свои лучшие качества. Обратимся к документу под красноречивым названием «Список к наградам, испрашиваемым за служебные отличия по Министерству иностранных дел, за труды, понесенные при условиях военного времени. За выдающиеся отличия», обнародованному в начале 1917 года. В нем сообщается, что к ордену Святого Владимира четвертой степени представляется «советник Второго политического отдела Министерства иностранных дел, статский советник Александр Петряев. Вероисповедания православного. Кавалер орденов: Св. Анны 2 ст[епени] и Св. Станислава 3 ст[епени]. С выдающимся усердием заведует Вторым политическим отделом, деятельность которого, в особенности при современном политическом положении, требует особой подготовки, основательного знания дел Ближнего Востока и крайне напряженного труда»²⁴.

Февральская революция 1917 г. помогла Александру Михайловичу преодолеть еще одну ступеньку в заслуженном карьерном росте: он стал товарищем (заместителем) министра иностранных дел России во Временном правительстве А.Ф. Керенского. Этот пост он занимал с июля по октябрь 1917 года.

Однако вторая по счету революция 1917 г. не пришлась по душе Александру Михайловичу, который фактически отказался принять новую власть, хотя на первых порах воздерживался от «протестных акций». Российский дипломат Ю.Я. Соловьёв — первый секретарь миссий в Китае, Греции, Черногории, Румынии, Вюртемберге, а в 1911—1917 гг. советник посольства России в Испании — вспоминал, что «когда приехал представитель Советской власти принимать министерство, то оба товарища министра — Нератов и Петряев — ничем не проявили себя, оставшись безучастно стоять в дверях зала, где происходило собрание состава министерства» в отличие от многих их коллег, демонстративно покинувших помещение²⁵.

Тем не менее, 13 ноября 1917 г. за подписью тогдашнего наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого на свет появилась следующая грозная бумага, фактически ставившая крест на дальнейшей дипломатической карьере Петряева:

«ПРИКАЗ ПО МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

За отказ от подчинения Совету Народных Комиссаров увольняются от должности без права на пенсию:

Товарищ министра иностранных дел Анатолий Анатолиевич Нератов.

Директор канцелярии Борис Алексеевич Татищев.

Товарищ министра Александр Михайлович Петряев и чиновники министерства: Герман Павлович Ухтомский, Владимир Борисович Лопухин, Николай Петрович Юдин, Василий Иоаннович Шавельский, Григорий Григорьевич Епифанов, Алексей Николаевич Орлов, Яков Лазаревич Барсков, Иван Карпович Лысенко, Александр Николаевич Раевский, Александр Эдуардович Ньюман, Григорий Евгеньевич Пашенко, Фёдор Андреевич Семенченко, Алексей Константинович Беляев, Владимир Иванович Некрасов, Алексей Алексеевич

Губарь, Николай Николаевич Маслов, Михаил Иванович Муромцев, Алексей Васильевич Блинов, Константин Карлович Фетерлейн, Евгений Карлович Памерский, Карл Владимирович Циглер, Александр Оттович Струве, Юрий Геннадиевич Удинцов, Николай Николаевич Щелкунов, Александр Николаевич Марисов, Александр Владимирович Григорьев, Василий Иванович Беляев, Николай Михайлович Старченко, Лев Владимирович Урусов, Владимир Владимирович Таубе.

Список остальных увольняемых чинов будет опубликован завтра.

Народный комиссар по иностранным делам Л. Троцкий.

13 ноября 1917 года»²⁶.

Вот как описал настроения самого Петряева и его коллег по «старой» дипломатической школе в те переломные для России дни один из ведущих современных российских дипломатов А.И. Кузнецов:

«Большевики в лице Троцкого, конечно же, не искали политической поддержки со стороны наиболее “старорежимного” в их глазах государственного ведомства России и ожидали от него лишь временного исполнения “технических” функций. В условиях намеченного ими курса на слом старой государственной машины царская дипломатическая служба была заведомо обречена. Да и сами чиновники МИД, встретившись с Троцким, поняли, что эпохе “старой дипломатии” в России приходит конец. Тем не менее, решающую роль в их отказе сотрудничать с новой властью вновь сыграло неприятие “пораженчества” и измены союзническим обязательствам. Можно предположить, что такой же отказ встретил бы любой оказавшийся у власти в России политический режим, который взял бы курс на заключение сепаратного мира. Подтверждением может служить, в частности, свидетельство Г.Н. Михайловского (начальник Международно-правового отдела Министерства иностранных дел. — П.И.) о том, что еще при Временном правительстве после ухода Милюкова с поста министра иностранных дел товарищ министра А.М. Петряев заявил коллегам, что в случае сепаратного мира (с Германией. — П.И.) никто из высших чинов не останется в Министерстве».

Старая русская дипломатия сошла с исторической сцены с чувством исполненного профессионального и патриотического долга. «Плохо ли, хорошо ли мы понимали интересы России, — писал уже в эмиграции князь Г.Н. Трубецкой, — пусть об этом рассудят другие, но мы служили им честно, в меру разума, совести и сил... Когда-нибудь придется воздать должное русской бюрократии, которая для людей, живущих трафаретами, представляется просто бранной кличкой. Тогда, я не сомневаюсь, получит признание огромная патриотическая и культурная работа, ею проделанная, и те сокровища государственного опыта и самоотвержения, которые были с нею связаны. Они, без сомнения, опирались на лучшие традиции русского служилого сословия и не могут быть затушеваны темными сторонами интриг и личных страстей, которые находили себе почву в некоторых общих нездоровых условиях государственного строя»²⁷.

Последующие годы жизни и деятельности Петряева были тесно связаны с белым движением и эмиграцией. В 1919 г. в так называемом «Правительстве при главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России» (ВСЮР) А.И. Деникине он занял пост помощника прекрасно знакомого ему по работе в Министерстве иностранных

дел князя Трубецкого по управлению ведомством вероисповеданий. С января 1920 г. Петряев — официальный дипломатический представитель генерала Деникина в Болгарии. В этом качестве он внес заметный вклад в решение задач гуманитарной, правовой и социальной помощи беженцам из России.

Однако активная деятельность миссии Петряева привела к нарастанию противоречий с болгарским правительством лидера «Земледельческого союза» А. Стамболийского, питавшего симпатии к большевистской России. Осенью 1922 г. власти Болгарии наложили арест на русский депонированный фонд объемом в 11 млн левов, а также приступили к конфискации имущества белогвардейских офицеров и их высылке за пределы страны.

В этих условиях Петряев принял решение переехать в Белград, где к этому времени наладил связи в среде российских офицеров, воевавших в армии барона Врангеля. Именно в Югославии Петряев смог вернуться к своей основной, дипломатической, деятельности, получив работу в местном Министерстве иностранных дел.

Там же — в Белграде — Петряев и скончался 9 ноября 1933 года.

Примечания

1. МИТЮШЕВ В.П. Тогда ему было 45 лет. — Герценка: Вятские записки. Вып. 23. Киров. 2013.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Политархив, оп. 482, д. 5296, л. 52.
3. Там же, д. 129, л. 68.
4. ПИСАРЕВ Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М. 1985, с. 73.
5. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 161, л. 24—26, 33.
6. Там же, д. 5270, л. 8—9.
7. ЛЕНИН В.И. Полное собрание сочинений. Т. 23. М. 1973, с. 38.
8. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 1349, л. 142—143.
9. Там же, ф. Комиссия, оп. 910, д. 195, л. 86—87.
10. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 2087, л. 269—272.
11. «Которые портят настроение австрийцам». АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2087, л. 272.
12. БОГАТУРОВ А.Д. Процессы мира и войны. — Международные процессы. 2016, № 3, с. 30.
13. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сб. документов. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула. 2014, с. 127.
14. АВП РИ, ф. Канцелярия, 1913 г., оп. 470, д. 19, л. 11.
15. Цит. по: Краткая история Албании. М. 1992, с. 257.
16. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2113, л. 10.
17. Там же, л. 10—11.
18. Там же, л. 12.
19. Там же, л. 30.
20. Там же.
21. Там же, л. 31.
22. Там же, ф. Канцелярия, 1914 г., оп. 470, д. 6, л. 32.
23. The Sun. 27.VI.1914.
24. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны..., с. 762.
25. СОЛОВЬЁВ Ю.Я. Воспоминания дипломата, 1893—1922. М. 1959.
26. Известия. 14.XI.1917.
27. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны..., с. 15.

Город как место спецпоселения

А.С. Иванов

Аннотация. В работе исследуется проблема возникновения городского спецпоселения, раскрываются характеристики городского режимного пространства и особенности формирования городской идентичности в условиях спецучета. Автор показывает, что вынужденное пребывание спецпереселенцев в городах представляет собой частный случай режимной урбанизации.

Ключевые слова: спецпереселенцы, режимная урбанизация, депортация, наказанные народы, репрессии.

Abstract. The work explores the problem of the emergence of urban specialsettlements, reveals the characteristics of the urban regime space and features of the formation of urban identity in the context of special accounting. The author shows that the forced stay of specialsettlers in cities is a special case of regime urbanization.

Key words: special resettlers, regime urbanization, deportations, punished peoples, repression.

Историография истории городского спецпоселения сегодня находится в стадии становления. Осмысление комплекса проблем, связанных с нахождением спецпереселенцев в городских поселениях, направлено на преодоление устойчивого представления о городе как месте, подлежащем «зачистке» от различного рода «маргинальных элементов», в число которых входят, в первую очередь, различные «социально-чуждые элементы». Мейнстримом здесь выступают исследования паспортной системы и различных форм территориальной дискриминации в СССР (авторы: Н. Муан, Ш. Фицпатрик, Д. Ширер, В.П. Попов, С.А. Красильников), конечной целью которых являлось выдворение «маргиналов» из особо режимных местностей, в число которых входил ряд городских центров¹.

Основная масса авторов (Ж.Ю. Гаевская, Н.М. Игнатова, Н.Н. Макарова, М. Г. Меерович, А.Б. Суслов), затрагивающих вопросы

Иванов Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель Сургутского государственного университета. E-mail: 88d@bk.ru.

Ivanov Alexander S. — candidate of historical sciences, senior lecturer at the Surgut State University. E-mail: 88d@bk.ru.

пребывания представителей различных групп спецконтингента в городах, видит в них, в первую очередь, источник рабочей силы для «экономике принудительного труда». Под таким углом зрения группы спецпереселенцев — «лишь» строители и рабочие различных предприятий, расположенных в городской черте ². И, в целом, местность, где они размещались (поселок, деревня, город), не имеет особого значения, поскольку анализ проводится на уровне региональных производственных и лагерных комплексов, которые использовали труд спецконтингента в сельской местности и в городах ³.

Единственным исследованием, посвященным непосредственно городским спецпереселенцам, является монография С.Х. Ахметзянова ⁴. Объектом изучения автора стали ссыльные крестьяне, местом принудительного поселения которых стал г. Магнитогорск. Исследователем был собран и обработан большой пласт источников устной истории (интервью очевидцев) и фотоматериалов. Перекрестный анализ указанных данных вкупе с документами магнитогорского городского архива позволил установить наличие в городской черте четырех спецпоселков, а также их пространственно локализовать (картографировать) ⁵. На основании собранных Ахметзяновым сведений М.Г. Меерович предложил типологию барачного жилья ⁶.

Большинством авторов город воспринимается не столько как социокультурный и административно-политический центр, сколько как обычный территориально-производственный комплекс, к которому механически прикреплены спецпереселенцы. Фундаментальные вопросы, связанные со временем появления практики постановки спецпереселенцев на учет в городах, характеристикой городского режимного пространства и особенностями формирования городской идентичности, остаются открытыми. Освещению данной проблематики и будет посвящено данное исследование.

Современные авторы, определяют понятие «режим», как принудительное предписание, которое являлось доминирующей формой государственного регулирования. Так, существовавший с начала 1930-х гг. паспортный режим служил инструментом сегментации территории страны и создания множества дискриминируемых по разным признакам групп ⁷. Одной из таких групп являлись спецпереселенцы, жизнь которых определялась режимом спецкомендатуры. Режим поселения, основные административные функции комендантов и обязанности спецпереселенцев были определены во «Временном положении о правах и обязанностях спецпереселенцев» (от 25 октября 1931 г.) ⁸, «Положении о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД» (от 7 февраля 1944 г.) ⁹, Постановлении СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» (от 8 января 1945 г.) и сохранились с незначительными изменениями ¹⁰.

Нужно полагать, что одной из скрытых интенций государственной политики 1930—1950 гг. было регулирование процесса урбанизации и состава городского населения. Уже 30 января 1930 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) промышленным наркоматам и ВЦСПС поручалось «принять немедленные меры по очистке промышленных предприятий в городах от отдельных кулацких элементов...» ¹¹ Введенная в конце 1932 г. паспортная система фактически разделила сельское и городское пространство.

Паспортный режим органично дополнялся режимом спецпоселения, базовой установкой которого, закрепленной в «Положении» от 7 февраля 1944 г., являлся запрет на выезд или уход за пределы административного района расселения, для чего в паспортах (в тех местах, где существовал паспортный режим) спецпереселенцев делалась отметка: «Действителен для проживания только в таком-то районе или городе»¹². Самовольное оставление района поселения каралось в уголовном порядке.

Как показывают архивные материалы военных лет, нахождение в городе любого спецпереселенца воспринималось властями как скрытая угроза. Репрессированные попадали в города, лишь преодолев значительное количество административных барьеров¹³. В случае со спецпереселенцами-немцами (позднее эта практика была распространена на другие этнические и социальные группы) разрешение на переезд в другие районы и районные центры давали райисполкомы, а направление на работу в города областного подчинения могло быть получено лишь в отдельных случаях с санкции облисполкома. Имевшие такое разрешение переселенцы устраивались на работу в «общем порядке»¹⁴.

Мониторинг ситуации, сложившейся в двух западносибирских областях — Омской и Тюменской — позволяет установить факт массового проникновения спецпереселенцев в городские центры в послевоенное время (1945—1949 гг.). Показательны цифры по Омской области: к началу Великой Отечественной войны в городах области спецпереселенцев не было, на 1 июля 1945 г. на городском поселении находилось 375 спецпоселенцев (0,9% от общего числа), а к июлю 1949 г. — 8239 (10%). Первое место по данным показателям занимал г. Омск (7410 спецпоселенцев и 10 спецкомендатур), который в конце войны не входил в число местностей проживания ссыльных и депортированных.

В Тюменской области численность спецпоселенцев-горожан выросла в указанный период не столь существенно: с 4421 (7,4%) до 4820 чел. (9,3%), поскольку инфильтрация лиц, находившихся на учете, началась здесь ранее, чем в Омской области. Причиной тому послужила, во-первых, устоявшаяся практика направления на поселение в районы Крайнего Севера и, среди прочих, в Салехард, получивший в 1938 г. статус города. Рыбопромышленные предприятия данного населенного пункта стали одним из основных мест приложения труда ссыльных. В послевоенные годы северный город «растерял» часть своих невольных обитателей, однако эти «потери» были восполнены усилением присутствия «невольных горожан» в областном центре — г. Тюмени. С 1945 по 1949 г. численность спецпереселенцев в столице области возросла на 54% и достигла 2102 человек. За этот период количество спецпереселенцев возросло и в других городах области: в Тобольске — на 13% (до 256 чел. на 1 июля 1949 г.); в Ялуторовске — на 145% (411); в Ишиме — на 227% (191). По численности спецпереселенцев Тюмень обошла Салехард, единственный городской центр, где число ссыльных сократилось (с 2469 до 1860 чел.), и вышла на первое место по этому показателю. Центр соседней Омской области, к концу войны находившийся вне системы режимных поселений, испытал в послевоенные годы еще больший наплыв невольных горожан — к середине 1949 г. резидентами города Омска состояли уже 7430 репрессированных. При этом в

областном центре проживало 90% спецпереселенцев-горожан области. Их число увеличивалось (в сравнении с июлем 1945 г.) и в других городах: в Таре — на 56% (217 чел., на 1 июля 1949 г.); в Тюкалинске — на 293% (118); в Исилькуле — на 130 (474). Таким образом, крупнейшими местами спецпоселения в двух сибирских областях в послевоенные годы стали столичные города ¹⁵.

Имеющиеся сведения о «дислокации трудпоселков» на 1 июля 1941 г. отражают существовавшую политику «защиты» городов от спецпереселенцев. Не случайно под заголовками «г. Тара» и «г. Салехард» в документе приводятся цифры по всем населенным пунктам упраздненного в 1940 г. Тарского и существовавшего Ямало-Ненецкого округов, исключая указанные городские поселения, так как ссыльные крестьяне официально в городах области не проживали ¹⁶.

Слом подобной политики и практики начался с принудительным переселением немецкого населения. Депортированных в 1941 г. немцев Поволжья планировалось расселять в райцентрах и городах Омской области, исключая областной центр ¹⁷. Запрет на расселение в Омске продержался до конца войны, в военные годы город играл роль распределительного пункта для депортированных ¹⁸.

В годы войны под влиянием все новых потоков принудительной миграции (немцы, финны, калмыки, чеченцы, ингушы и др.) централизованная сеть расселения спецпереселенцев в труд(спец)поселках была разрушена ¹⁹. Вынужденный отход от практики закрепления переселенцев за отдельными поселками и домами, вкуче с острым дефицитом рабочей силы, привел к трансформации режимного пространства. В условиях войны и в первые послевоенные годы в систему спецпоселений вошел ряд городов. Город Салехард формально стал крупнейшим городским спецпоселением Северо-Западной Сибири, после того как к нему были приписаны спецпереселенцы, трудившиеся на Салехардском консервном комбинате и отмечавшиеся в комбинатской комендатуре еще с 1930-х годов. Рост городского населения здесь произошел в результате расширения административных границ города и охвата пригородного режимного населения.

В других случаях происходила инфильтрация спецпереселенцев в неизменное городское пространство. Символом массивированного проникновения «режимных людей» в города послевоенной эпохи стало появление городских спецкомендатур. Примечательно, что лидировали по их количеству областные центры. В Омске к 1949 г. функционировало 10 подобных комендатур; в Тюмени — 3 ²⁰. Ситуация, сложившаяся в Западной Сибири, не была уникальной. По данным Н.М. Игнатовой, к осени 1945 г. крупнейшим спецпоселением немцев в Коми АССР была республиканская столица — г. Сыктывкар, где на учете состояло 1640 человек ²¹.

Говоря о формировании городской идентичности у репрессированных, необходимо учитывать, что для системы спецпоселений не имело никакого значения, в какой комендатуре состоит на учете переселенец — в городской или районной. Гораздо важнее, что, передвигаясь из сельского в городское пространство, спецпереселенец, не проходил ритуал смены социального статуса, поскольку его режимный статус оставался неизменным. Проиллюстрируем это примером из воспоминаний А.В. Гилевича. Летом 1941 г. он был депортирован

из Бессарабии на юг Омской области, оказавшись под г. Заводоуковском. Там прошел своеобразный «ритуал инициации» спецпереселенца: «Следующая команда милиционера прозвучала так: “У кого какие есть документы, бумаги письма или еще что — все положить на землю перед собой, ничего не оставлять. Найду плохо будет. Понятно? Давай!” Шеренга зашевелилась... и появились на зеленой траве разноцветные, разного формата документы, бумаги, паспорта, письма. Тут же какой-то парень собрал все эти человеческие судьбы в мешок. Люди остались безымянными, безликими, без каких либо документов, свидетельств, без вида на жительство. А бесправных людей в древности называли рабами. Это были советские рабы»²². В 1946 г. Гилевич оказался на городском поселении: «В Тобольске меня опять поставили на учет, опять два раза в месяц я ходил на отметку в комендатуру в качестве поселенца. Эта спецпоселенческая эпопея закончилась в 50-х гг.»²³.

Проявление режимности в повседневной и трудовой жизни было наиболее дискомфортным и связывалось, в первую очередь, с «походом на отметку» в комендатуру, что в сталинском СССР вызывало немало подозрений и меняло отношение окружающих к «отмечавшемуся». Таким образом, переход в режимный статус сопровождался «ритуалом изъятия документов» лишь однажды (по прибытии на поселение), а для подростков — началом «походов на отметку» в комендатуру (с 16 лет).

Пребывание в городе не маркировалось особым образом. Как отмечает американский антрополог, профессор университета Дж. Вашингтона Хью Гастерсон, «мы всегда отмечаем переходы между пространством и ролями» — «это сущность человеческой природы»²⁴. Формирование новой идентичности, без подобных маркеров-ритуалов, происходит значительно медленнее.

Тем не менее, формально, количество спецпереселенцев-горожан росло. Одной из причин этого роста было увеличение числа населенных пунктов, получавших статус города. В Северо-Западной Сибири в начале 1950-х гг. такой статус имел ряд рабочих поселков — мест поселения депортированных. Одним из новых городов был Ханты-Мансийск (с 1950 г.). Его описала калмычка Н.Н. Савельева (Овшинова): «Ханты-Мансийск состоял из двух частей: центр находился в северной части. Спецпереселенцы жили в барачном поселке в пяти километрах от центра города, куда ходить без разрешения комендатуры не имели права. Перед поселком возвышалось двухэтажное деревянное здание нарсуда, сзади — длинный барак спецкомендатуры, куда все ходили отмечаться, что они никуда не выехали. Недалеко возвышалась огромной высоты наблюдательная вышка. Собственно и убежать было некуда: вокруг города — река Иртыш и дремучая тайга. Южную часть города составляло бывшее село Самарово, вошедшее в состав города в 1950 году...»²⁵

Переселенцы, формально находившиеся в городской черте, отделялись режимной стеной от остального пространства. Это деление травмировало репрессированных и не давало сформироваться городской идентичности.

Показателен перечень объектов, которые посещали и считали «своими» спецпереселенцы г. Тюмени. Одна из них — в начале 1950-х гг.

учительница начальных классов школы № 17 Г.У. Степанова — вспоминала: «В парк мы ходили тюменский городской, а потом в детский пионерский парк, туда ходили и прекрасно там проводили время. Танцы были, в кинотеатры мы ходили, цирк, по-моему, приезжий был, цирковые выступления были. Футбол был — мальчишки ходили...»²⁶ Ощущение «нормальности» было важным условием «огороживания» и позитивного восприятия городского пространства «режимными» людьми. Степанова завершает свой рассказ о Тюмени следующими словами: «Все нравилось в городе Тюмени и до сих пор мы считаем город Тюмень своей второй родиной — это прекрасный город и добрые там люди...»²⁷ Только при условии полноценного пользования городским пространством и при положительном опыте межличностного взаимодействия человек мог осознать себя горожанином, а город — считать родиной.

Жесткость режима, как и жестокость (или человечность) комендантов также существенно варьировались. По сведениям И. Джухи, в 1947 г. в общежитиях Свердловского мединститута комендантами проводились ночные проверки наличия студентов-спецпереселенцев, а в 1952 г. установилась практика, при которой за нескольких обучающихся спецпереселенцев мог отмечаться утвержденный комендантом «старший»²⁸. Подобное смягчение требований можно связывать с передачей системы спецкомендатур в ведение МГБ и общим ослаблением режима в начале 1950-х годов²⁹.

Воспоминания Гилевича завершаются следующей ремаркой: «Вот этот первый вечер на Тропинском лесоучастке, процедура превращения граждан в рабов врезалась в мою память, никогда не забуду образ хромающего, косноязычного милиционера и документы на зеленой траве»³⁰. Пример противоположного восприятия системы и иной стратегии выстраивания позитивной идентичности находим в рассказе Степановой: «Нам попадались очень хорошие коменданты, люди такие прямо добрые, нас нисколько не ущемляли, наоборот, успокаивали, даже уговаривали (когда брали расписку. — А.И.), чтоб мы не озлоблялись...»³¹

В результате, для одних спецпереселенцев режим комендатуры — строго лимитированное пространство, поддерживаемое жестокими сотрудниками карательных органов, для других — территория, где несмотря на все ограничения спецпереселенцы приобретали позитивный коммуникативный опыт, сталкиваясь с людьми (в том числе «добрыми комендантами»), относившимися к ним «по-человечески» и предоставлявшими возможности для самореализации в рамках городского пространства.

Причина противоположного восприятия режимной действительности кроется не только в личностном факторе («плохой» или «хороший» комендант), но и в дифференцированных принципах организации режимного городского пространства и практиках встраивания режимной вертикали в городскую среду. Обобщение данных, представляемых руководством УНКВД-УМВД о «дислокации спецпереселенцев» по Омской и Тюменской областям, при сопоставлении их с рассказами очевидцев, позволяет выделить два основных принципа организации административного режима в условиях городской среды: 1) «классический поселковый» — переселенцам предоставлялось

право перемещения от производственной зоны предприятия (организации) до находившегося в городской черте барачного поселка спецпереселенцев (пос. Перековка в Ханты-Мансийске; пос. Рыбкомбината в Салехарде). Тем самым находившиеся на спецпоселении граждане отделялись «режимной стеной» от остального городского пространства; 2) «городской» — Тюмень, Омск, где городские комендатуры покрывали все городское пространство, благодаря чему для спецпереселенцев не существовало «внутригородских режимных стен», запрещался «лишь» несанкционированный выезд за пределы населенного пункта ³².

Детализацию данных о состоянии и особенностях режима городских спецкомендатур содержит уникальный источник информации — «Акты проверок спецкомендатур», сохранившие информацию о содержании режимного пространства отдельных городов СССР 1950-х годов. Данный вид источников указывает на то, что режимное пространство города было наполнено множеством особым образом переплетавшихся барьеров. Специфику организации режимного пространства дает понять пример города Фрунзе (современный Бишкек), который, несмотря на свой статус республиканской столицы, относился к «классическому поселковому» типу организации режимного пространства, имея одну городскую спецкомендатуру, обслуживавшую весь город, а также прилегающие к городу поселки, население которых было закреплено за заводом им. Фрунзе ³³.

К началу 1952 г. большинство спецпереселенцев здесь имели собственные дома, либо проживали в ведомственных домах и квартирах. Как и в сельской местности, они отмечались раз в месяц в городской комендатуре, однако сама процедура явки была «растянута» по времени. Все спецпереселенцы города успевали пройти так называемую «регистрацию» за 3—4 дня, будучи закрепленными за определенными городскими участками (районами города). При этом в их паспортах в обязательном порядке ставилась отметка о возможности проживания только в данном городе ³⁴.

Спецкомендант, его помощники и надзиратели в промежутках между ежемесячными явками проводили периодические подворные обходы домов поднадзорных. Надзиратели закреплялись за объектами с наиболее сложными жилищно-бытовыми условиями. Через старших общежитий, барачков и десятидворок они проводили поголовную проверку спецпереселенцев и строго следили за соблюдением режима ³⁵.

По результатам обходов составлялись акты и рапорты, в которых фиксировались все нарушения, в число которых попадало несообщение администрации (лично или через старших десятидворок, старших общежитий) об изменениях в составе семьи (смерти или рождении родственников), отсутствии ночью в месте постоянного (предписанного) жительства и т.д. ³⁶.

Пример другого города — Инты (Коми АССР) — показывает, что спецпереселенцы, прикрепленные к определенному городу, могли проживать и за его пределами (к апрелю 1957 г. 685 подопечных интинской спецкомендатуры селились на семи «участках»: непосредственно в Инте — 615; остальные — в четырех совхозах, поселке Абезь и руднике Кожем). Регистрация спецпереселенцев в спецкомендатуре здесь также имела свои особенности: в Инте регистрацию производил сам спецкомендант, а на «загородных участках» — уполномо-

ченные милиции ³⁷. Аналогичная практика надзора сложилась в другом городе республики Коми — Ухте. Примечательно, что почти за полтора года (с января 1956 по май 1957 г.) ухтинской спецкомендатурой не было наложено ни одного административного взыскания ³⁸.

Спецпереселенцы-горожане имели некоторые преимущества перед селянами. Городские жители снабжались через систему горторга, в которой ассортимент товаров был шире и продавались они по более доступным ценам. Кроме того, город давал больше возможностей для реализации своего профессионального потенциала. Так, например, отец Нины Николаевны Савельевой смог в условиях г. Ханты-Мансийска использовать навыки фотографа, обеспечив семье достаточный для выживания уровень дохода. Важным фактором, побуждавшим репрессированных стремиться в города, являлась возможность получения образования (наличие семилетних школ, техникумов и ВУЗов) ³⁹. В свою очередь, получение квалификации давало не только возможность улучшить материальное благосостояние, но и сменить место жительства, получив вызов от какого-либо предприятия, расположенного в более крупном городском центре.

Возможность попадания в тот или иной город определялась статусом населенного пункта — его режимностью. Так, спецпереселенцу Б. было отказано в приеме в Красноярский мединститут, поскольку для спецпереселенцев въезд в этот режимный город был закрыт. Прокурор не стал оспаривать подобный запрет, так как «место отбытия спецпоселения определяется органами МГБ» ⁴⁰. Подобный подход прокуратуры был продиктован ее ограниченными возможностями при действиях в отношении органов НКВД-МВД-МГБ в сталинский период ⁴¹. Прокурорские работники имели основания опротестовать действия руководства местного УМГБ, ведь им было известно о наличии в Красноярске нескольких городских спецкомендатур (как следует из смежных документов надзорного ведомства ⁴²). К тому же, спецпереселенцы формально обладали всеми правами граждан СССР, об этом в прокуратуре СССР знали, но предпочли «забыть» ⁴³.

Спецпереселенцы из других населенных пунктов по прибытии в город были обязаны встать на временный учет и подчинялись режиму на общих началах. Основанием для постановки в городе на временный учет являлась производственная необходимость или обучение в образовательном учреждении. К марту 1952 г. в г. Фрунзе на временном спецучете состояло 100 спецпереселенцев ⁴⁴.

Были и другие побудительные мотивы, заставлявшие репрессированных стремиться в город: наличие там отсутствующей в сельской местности социальной инфраструктуры (больниц, домов престарелых и др.). Так, в Караганде в конце 1953 г. было завершено строительство дома инвалидов для представителей спецконтингента ⁴⁵. Там, где подобных специализированных домов не было, спецпереселенцев направляли в учреждения для престарелых на общих основаниях (г. Ухта Коми АССР) ⁴⁶.

Воссоздать жизнь спецпереселенцев помогает тематика жалоб, поступающих от них в периферийные органы МВД. Осенью 1953 г. в Петрозаводске Карело-Финской ССР проводилась проверка жалоб и заявлений, которые поступили в МВД республики с января по ноябрь месяцы. Результаты рассмотрения 410 обращений позволяют

выделить ключевые просьбы репрессированных: изменение места жительства (18,5%); отпуск — за пределами мест поселения (15,9%); воссоединение с родственниками (12%); снятие с учета спецпоселения (11,7 %); перемена места работы (6,6%)⁴⁷.

Спецпереселенцы-горожане стремились покинуть пределы города. Вскоре после смерти Сталина группа молодых спецпереселенцев-немцев направила анонимное письмо министру юстиции СССР К.П. Горшенину, в котором среди прочего писала: «Все преступники по амнистии выпущены на свободу и могут ехать куда хотят. А мы вот уже 10—11 лет не имеем права выехать на 15 км за город, не можем поехать в отпуск повидать близких, а поездка на лечение и учение связана с такой длительной перепиской, что и [желание у] человека пропадет и время уйдет»⁴⁸. Стремление покинуть городское поселение могло быть также связано с тяжелым положением части ссыльных, ведь некоторые из них нищенствовали (например в г. Минусинске Красноярского края)⁴⁹.

В целом же за некоторые преимущества в снабжении, зачастую мнимые, и возможность получить образование или качественное медобслуживание городские спецпереселенцы вынуждены были платить еще более существенным (в сравнении с теми, кто проживал на селе) ограничением свободы передвижения, поскольку для них «район поселения» ограничивался городской чертой. В сентябре 1952 г. руководство прокуратуры Тюменской области указало на то, что коменданты города Тюмени неправильно трактуют Постановление СНК «О правовом положении спецпереселенцев» от 8 января 1945 г. и налагают денежные штрафы и аресты на спецпереселенцев за то, что они покинули пункт поселения (то есть г. Тюмень)⁵⁰, в то время как в Постановлении говорилось о возможности передвигаться в «районе расселения»⁵¹.

Однако подобная практика сохранялась и в последующие годы. Более того, коменданты воспринимали претензии прокуратуры очень болезненно и пытались противостоять притязаниям прокуроров на свою власть. Так, в 1952 г. прокурор Фрунзенской области отказал в даче санкции на арест спецпереселенца, проживавшего в г. Фрунзе, поскольку гражданин Х. являлся шофером и выехал за пределы городского поселения по указанию начальника учреждения, в котором он работал⁵². После этого комендант наложил на указанного гражданина денежный штраф — 100 руб., прокурор не возражал, поскольку комендант имел право налагать штрафы до 100 руб., согласно «Положению о спецкомендатурах НКВД»⁵³. В ценах тех лет это, вероятно, составляло около $\frac{1}{3}$ зарплаты спецпереселенца. Аналогичные случаи (денежные взыскания за исполнение поручений администрации) имелись и в других республиках, краях и областях⁵⁴. Подобного рода карательное воздействие режима на отдельных репрессированных и спецпоселенческий социум в целом являлось неотъемлемой частью процесса функционирования городского режимного пространства.

Два принципа организации городской режимной среды («классический поселковый» и «городской») дополнялись двойственной практикой вписывания режимной вертикали в городское пространство. Именно практика надзора в одних случаях превращала города в «муль-

тиучастковые» (Фрунзе, Ашхабад, Тюмень и т.д.) — территории, на которых все спецпереселенцы проживали в городской черте, отмечаясь по участкам (районам города), а в других — придавала им «моноучастковый характер», когда основная масса спецпереселенцев, закрепленная за определенным городским поселением, и отмечалась на одном городском участке (Инта, Ухта). Строгость режима была очень вариативна и зависела от времени, населенного пункта и личностных характеристик того или иного коменданта.

Анализ рассказов очевидцев показывает, что вариантом реализации «мультиучастковости» была практика «рассеянной комендатуры»: коменданты отбирали требуемые расписки при объезде мест работы спецпереселенцев, при этом опекаемые могли и не знать о месте дислокации самой комендатуры, ассоциируя режим лишь с личностью спецкоменданта. Особое распространение «моноучастковая практика» организации надзора получила, видимо, на завершающем этапе истории спецпоселения (1954—1960 гг.), когда система административного контроля находилась в состоянии распада.

Полноценное «вращение» спецпереселенцев в городскую среду началось в период Великой Отечественной войны, когда государство вынуждено было размещать ссыльных в городах при предприятиях. В послевоенный период этот процесс ускорился под воздействием сохранявшегося дефицита рабочей силы.

Если в крупных исторических городских центрах (Омск, Тюмень), обладавших ключевыми компонентами городской среды и лишенным «режимных стен» внутригородским пространством, «огороживание» проходило относительно быстро и имело все шансы на успех к моменту ликвидации режима спецкомендатуры (конец 1950-х гг.), то в «молодых» северных городах (Салехард, Ханты-Мансийск), в условиях сохранения «поселкового» принципа организации городского режимного пространства, неразвитости инфраструктуры спецпереселенцы продолжали оставаться носителями локальной поселковой идентичности — селянами в городской черте. Шансов на их быстрое «огороживание» почти не было.

Парадоксальным образом созданная в начале 1930-х гг. система спецпоселений, одной из задач которой являлась разгрузка городских центров от различного рода «нежелательных элементов», к началу 1950-х гг. превратилась в свою противоположность — распространившись на областные и республиканские центры, превратив отдельные столичные города (Тюмень, Омск) в крупнейшие места спецпоселения своих регионов.

Среди современных урбанистов все большим влиянием пользуется концепция «ведомственной урбанизации» и «квазиурбанизации»⁵⁵. Сравнение данных теоретических построений, наложение их на фактический материал, позволяет говорить о невозможности описания процессов, происходивших на городском спецпоселении, только исходя из указанных систем взглядов. Полагаем, что вынужденное пребывание спецпереселенцев в советских городах может быть описано как частный случай режимной урбанизации.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-11-86009 а(р).

1. КРАСИЛЬНИКОВ С.А. Спецпереселенцы. В кн.: Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920—1930-е годы). Новосибирск. 2007, с. 287—373; МУАН Н. Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему. В кн.: Режимные люди в СССР. Сб. статей. М. 2009, с. 257—276; ПОПОВ В.П. Паспортная система в СССР (1932—1976 гг.). — Социологические исследования. 1995, № 9, с. 3—13; ШИРЕР Д.Р. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе. 1924—1953 гг. М. 2014, с. 304—357; ФИЦПАТ-РИК Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М. 2008, с. 150—163.
2. ГАЕВСКАЯ Ж.Ю. Роль спецконтингента в восстановлении предприятий военно-промышленного комплекса Сталинграда в 1942—1953 гг. По материалам государственных архивов Российской Федерации. — Вестник Архивиста. 2015, № 1, с. 46—63; ИГНАТОВА Н.М. Спецпереселенцы в республике Коми в 1930—1950-е гг. Сыктывкар. 2009; ЕЕ ЖЕ. Феномен ударного и стахановского труда спецпереселенцев. — Вопросы истории. 2017, № 3, с. 129—138; МАКАРОВА Н.Н. «Первый в СССР чисто советский город...»: Магнитогорск в условиях реализации идеи нового социалистического города (1929—1935). В кн.: Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: Сборник материалов международной научной конференции. Магнитогорск, 10—11 декабря 2010 г. Магнитогорск. 2010, с. 97—117; МЕЕРОВИЧ М.Г. Индустриализация в СССР. Жилище первостроителей городов-новостроек. В кн.: Сибирские строители: события и судьбы. Сборник статей Всероссийской научной конференции (г. Сургут, 25—26 ноября 2016 г.). Курган. 2017, с. 407—411; СУСЛОВ А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929—1953 гг.). М. 2010.
3. СУСЛОВ А.Б. Ук. соч., с. 245.
4. АХМЕТЗЯНОВ С.Х. Спецпереселенцы — первостроители Магнитогорска: монография. Магнитогорск. 2015.
5. Там же, с. 23—24, 76.
6. МЕЕРОВИЧ М.Г. Ук. соч., с. 413.
7. КОНДРАТЬЕВА Т.С. Введение. Режимные люди в СССР: Сб. статей. М. 2009, с. 13.
8. Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев (25 октября 1931 г.). В кн.: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930—1940. Кн. 2. М. 2006, с. 536—540.
9. Положение о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД с указанием прав и обязанностей спецпереселенцев (7 февраля 1944 г.). В кн.: История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов. Спецпереселенцы в СССР. Т. 5. М. 2004, с. 400—402.
10. Постановление № 34-14 Совнаркома СССР об утверждении «Положения о спецкомендатурах НКВД» (8 января 1945 г.). — В кн.: Ссылка калмыков: как это было: сб. док. и мат-лов. Т. 1. Кн. 1. Элиста. 1993, с. 183—184.
11. КРАСИЛЬНИКОВ С.А. Ук. соч., с. 293.
12. История сталинского Гулага, с. 403.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 9479, оп. 1, д. 87, л. 114об.
14. БЕЛКОВЕЦ Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941—1945 гг.: историко-правовое исследование. Новосибирск. 2003, с. 102.
15. Подсчитано по: ГА РФ, ф. 9479, д. 260, л. 41, 50, 72, 92об., 94, 100об.—101, 109; д. 513, л. 73, 82, 93—94, 107, 113 об., б/л.
16. Из справки отдела труда и спецпоселений ГУЛага НКВД о дислокации трудпоселков по краям и областям. В кн.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939—1945 гг. Новосибирск. 1996, с. 275—285.
17. БЕЛКОВЕЦ Л.П. Ук. соч., с. 56.
18. Исторический архив Омской области (Иса ОО), ф. 437, оп. 21, д. 131, л. 76.
19. ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 161, л. 171.

20. Там же, д. 513, л. 93—94.
21. ИГНАТОВА Н.М. Спецпереселенцы в республике Коми в 1930—1950-е гг. Сыктывкар. 2009, с. 189.
22. ГИЛЕВИЧ А.В. Воспоминания бывшего спецпереселенца: от Бессарабии до Тобольска. — Тобольский хронограф. Сборник. Екатеринбург. 2004, с. 446—447.
23. Там же, с. 461.
24. Interview with prof. Hugh Gusterson (by Ray Vin). BBC World Service Radio. The Documentary. Remote Control War. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/p04n5lyh>.
25. САВЕЛЬЕВА (ОВШИНОВА) Н.Н. Мне приходилось драться, чтобы доказать: мы тоже люди. В кн.: Мы — из выселенных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943—1957 гг.). Элиста. 2003, с. 267.
26. Воспоминания Степановой Галины Урусовны (1926 г. р.). Интервью автора (20 ноября 2016 г.).
27. Там же.
28. ДЖУХА И.Г. Спецэшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб. 2008, с. 300, 304.
29. БЕЛКОВЕЦ Л.П. Ук. соч., с. 275—276.
30. ГИЛЕВИЧ А.В. Ук. соч., с. 447.
31. Воспоминания Степановой Галины Урусовны.
32. ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 513, л. 73, 82, 93, 94, 107, 113об., б/л; САВЕЛЬЕВА (ОВШИНОВА) Н.Н. Ук. соч., с. 265—268.
33. ГА РФ, ф. 8131, оп. 32, д. 1596, л. 29.
34. Приказ НКВД СССР № 00127 о введении в действие положения о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД. В кн.: История сталинского Гулага, с. 400—403.
35. ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 464, л. 238.
36. Там же, ф. 8131, оп. 32, д. 1596, л. 29.
37. Там же, ф. А-461, оп. 8, д. 3973, л. 22.
38. Там же, л. 28—29.
39. САВЕЛЬЕВА (ОВШИНОВА) Н.Н. Ук. соч., с. 268—271.
40. ГА РФ, ф. 8131, оп. 32, д. 1596, л. 118.
41. КУДРЯВЦЕВ В.И., ТРУСОВ А.И. Политическая юстиция в СССР. СПб. 2002, с. 304.
42. ГА РФ, ф. 8131, оп. 32, д. 2914, л. 204.
43. ИсА. ОО, ф. 2164, оп. 2, д. 46, л. 214; ГА РФ, ф. 8131, оп. 32, д. 1596, л. 119.
44. Там же, л. 30—31.
45. Там же, д. 2915, л. 94.
46. Там же, ф. А-461, оп. 8, д. 3973, л. 29.
47. Там же, ф. 8131, оп. 32, д. 2914, л. 184.
48. Там же, д. 2913, л. 182.
49. Там же, д. 1596, л. 261.
50. Там же, л. 145.
51. Постановление СНК № 35 «О правовом положении спецпереселенцев». В кн.: 40—50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР). — История СССР. 1992, № 1, с. 125—126.
52. ГА РФ, ф. 8131, оп. 32, д. 1596, л. 30.
53. Депортации народов СССР (1930—1950-е годы). Ч. 1: Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской Революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. М. 1992, с. 77—80.
54. ГА РФ, ф. 8131, оп. 32, д. 2914, л. 203.
55. ИСУПОВ В.А. «Квазиурбанизация» в сталинской стратегии модернизации Сибири: конец 1920-х — конец 1930-х гг. В кн.: Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегиональной научной конференции. Новосибирск. 2013, с. 238—245; СТАСЬ И.Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960 — начало 1990-х гг.). Сургут. 2016, с. 91, 215—218.

Осетия в образовательном пространстве Российской империи во второй половине XIX в.

Е.И. Кобахидзе

Аннотация. В работе анализируются вопросы, касающиеся хода и итогов реализации правительственной образовательной политики в Осетии в пореформенный период. Особое внимание уделено начальной ступени системы народного просвещения как основной форме организации учебного дела для беднейших слоев местного населения. Изучение разнохарактерных документальных источников (в том числе законодательных актов) показало, что развитие региональной системы образования во многом было обусловлено реформами Министерства народного просвещения и духовного ведомства, но при этом отличалось своей спецификой. В результате активности образовательных ведомств и региональной администрации в сфере народного просвещения к концу XIX в. Осетия оказалась полностью интегрирована в общегосударственное образовательное пространство.

Ключевые слова: Осетия, Кавказский учебный округ, образовательные реформы, Общество восстановления православного христианства на Кавказе, начальная школа.

Abstract. The work discusses the issues of development and results of the governmental educational policy in post-reform Ossetia. Especial attention is paid to primary level of the public education system as a main form of organization of educational process for poorest layers of indigenous population. The analysis of various sources (including legislation acts) revealed that evolution of the regional educational system was largely determined by both the Ministry of public education and Holy Synod reforms, but was characterized by its specifics. As a result of the state educational institutions and regional administration activities in the sphere of public education Ossetia was quite integrated into the state educational area.

Key words: Ossetia, Caucasian educational district, educational reforms, Society for the Orthodox Christianity Restoration in the Caucasus, primary school.

Пореформенный период для Северного Кавказа стал временем формирования новой культуры: гражданской, политической, хозяйственной и т.п. В результате проведения Великих реформ, хотя и с заметным опозданием и не в полной мере по сравнению с центральными

Кобахидзе Елена Исааковна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. Владикавказский научный центр РАН. E-mail: elena_k11@mail.ru.

Kobakhidze Elena I. — doctor of historical sciences, leading researcher at the North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies named after V.I. Abaev. Vladikavkaz Science Center of RAS. E-mail: elena_k11@mail.ru.

российскими губерниями, край все более и более вовлекался в круговорот общественно-политической и хозяйственно-экономической жизни страны. Одним из важнейших инструментов реализации правительственных установок по включению Северного Кавказа в российскую государственность стало образование, развитие которого как в регионе в целом, так и в его отдельных областях было в значительной степени обусловлено правительственной образовательной политикой в самой Российской империи и на Северном Кавказе как ее неотъемлемой части.

Первые спонтанные шаги в формировании учебного дела на Кавказе связывались преимущественно с христианизацией местного населения, чем активно занималась Осетинская духовная комиссия (1745 г.). Начальные школы, открывавшиеся силами Комиссии в осетинских приходах ¹, были не только образовательными центрами, но и оплотами православия в местной среде, содействуя приобщению горского населения к русской «культуре и гражданственности».

Однако уже в 40-е гг. XIX в. — период наиболее напряженного противостояния в Кавказской войне — задачи образования заметно усложнились. Кроме выполнения собственно просветительских функций, оно должно было эффективно противостоять мусульманскому влиянию в крае и в то же время пропагандировать идеи российской государственности среди горцев. Эти задачи можно было решить только объединив разрозненные казенные учебные заведения под одним управлением и действуя на основе единой образовательной политики, разработанной специально для Кавказского региона. С приходом на Кавказ М.С. Воронцова и учреждением Кавказского наместничества правительственная политика в сфере народного просвещения обрела внутреннюю целостность. Более того, в условиях Кавказской войны образование рассматривалось как один из важнейших факторов преодоления конфликтного потенциала региона ². В первую очередь был решен вопрос о введении единообразия в порядок управления учебной частью на Кавказе и приведении его в соответствие с общероссийским. По «Положению о Кавказском учебном округе» от 18 декабря 1848 г. все учебные заведения Кавказа объединялись в административном отношении и переходили в непосредственное ведение самого наместника ³. Кроме того, что Положение расширяло учебные программы гимназического курса, оно предусматривало также увеличение количества казенных уездных и приходских училищ для низших слоев населения, причем приходские школы оставались в ведении местных органов Св. Синода ⁴, хотя и открывались с разрешения наместника. К 1860-м гг. на территории Осетии действовало семь приходских школ, подведомственных Осетинской духовной комиссии ⁵.

Однако ведущиеся на Северном Кавказе боевые действия значительно осложняли полноценное развитие в регионе системы народного просвещения, хотя край остро нуждался в кадрах для формирующегося административного аппарата. Недостаток в казенных учебных заведениях должны были отчасти компенсировать школы совершенно нового типа, создаваемые при штабах полковых и линейных батальонов отдельного Кавказского корпуса ⁶. Не требуя специальных вложений казны, школы военных воспитанников дополняли систему светского образования, будучи предназначенными для

обучения «юношества и других почетных сословий Закавказского края и горских племен»⁷. В 1848 г. во Владикавказе при Навагинском полку открылась первая подобная школа⁸. 30 из 50 вакансий предназначались для детей горцев, и основную их часть заняли выходцы из знатных осетинских семей⁹. В октябре 1857 г., из-за смены штаб-квартиры и перевода полка на Сунжу, Навагинская школа военных воспитанников перешла в ведение Тенгинского полка¹⁰, а в конце декабря 1860 г. была закрыта в связи с началом работы Владикавказской горской окружной школы, которая готовила кадры для административной службы в местных учреждениях¹¹.

Создание Кавказского учебного округа и подчиненность единому центру прежде разрозненных учебных заведений Кавказа положили начало процессу централизации управления образованием в наместничестве по общероссийскому образцу. Новое «Положение о Кавказском учебном округе» от 29 октября 1853 г. фиксировало принципы унификации системы образования на Кавказе и подведения его под общероссийские стандарты, хотя и содержало некоторые отступления, вызванные «местными условиями» (включение в учебные программы гимназий местных языков и истории, формирование учебных программ по согласованию с наместником, создание специальных классов для детей из местной среды, выделение мест в пансионах для этой же категории учеников и т.п.)¹². В Положении оговаривался комплекс вопросов, связанных с организацией в крае среднего и начального образования, и определялись типы уездных училищ (на Северном Кавказе — окружных).

Деятельность нового наместника — князя А.И. Барятинского — видоизменила организационную структуру региональной системы народного просвещения. Принятое им «Положение об управлении учебной частью на Кавказе» от 2 июля 1860 г. упраздняло Кавказский учебный округ, а главным распорядителем учебного дела становился сам наместник¹³. Главное же достижение Барятинского заключалось в учреждении на Северном Кавказе сети горских школ, соответствовавших окружным училищам. Такие специфические для российской образовательной системы учебные заведения, какими являлись полковые и горские школы, некоторым образом отвечали местным образовательным потребностям. С другой же стороны, правительство демонстрировало готовность вкладываться в образование горцев, воспитывая таким образом местную торгово-экономическую элиту, способную эффективно действовать в новых обстоятельствах.

По Уставу, разработанному в главном штабе Кавказской армии и утвержденному 20 октября 1859 г.¹⁴, цель этих учебных заведений заключалась в «распространении гражданственности и образования между покорившимися мирными горцами, и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средства к воспитанию и обучению детей»¹⁵. Основанные поначалу во Владикавказе (1860), Нальчике (1860), Темир-Хан-Шуре (1861), а позже — в Усть-Лабе, кр. Грозной, Сухуме, Майкопе, Назрани, Шатое, Хасав-Юрте¹⁶, горские школы стали первыми специально созданными для местных народов центрами светского образования, долго оставаясь единственными казенными учебными заведениями на северокавказской окраине. Общий надзор над ними осуществлялся местными воен-

ными властями. Преимущественное право зачисления в горские школы принадлежало местным уроженцам и детям из семей русских военных и гражданских чинов, но в них дозволялось учиться и мальчикам «из всех других свободных сословий без различия вероисповеданий»¹⁷.

30 ноября 1867 г. горская школа во Владикавказе в полном составе перешла к учрежденной в городе реальной прогимназии, открытой по инициативе начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова 1 января 1868 г., сохранив при этом свою организацию и подчиненность окружному управлению. Но уже через год после открытия реальная прогимназия из ведения Военного министерства была переведена в учебное ведомство. С 1 января 1870 г. реальная прогимназия во Владикавказе повысила свой статус, будучи преобразована в семиклассную реальную гимназию¹⁸.

Однако опыт Барятинского в осуществлении учебно-административной реформы оказался неудачным — децентрализация управления учебным делом на Кавказе негативно сказалась на учебном процессе. Новый наместник — великий князь Михаил Николаевич — пошел по пути восстановления прежнего организационного единства в системе образования и сближения региональной образовательной политики с общероссийской. Эти идеи нашли отражение в новом «Положении об учебной части на Кавказе и за Кавказом» от 25 июня 1867 года¹⁹. В декабре того же года был восстановлен Кавказский учебный округ²⁰, а 13 января 1868 г. — и должность попечителя округа²¹. Средние учебные заведения Кавказского учебного округа стали опираться на общий устав гимназий и прогимназий ведомства МНП от 19 ноября 1864 г. и делились на классические и реальные гимназии²². Низшие учебные заведения руководствовались «Положением о начальных народных училищах» от 14 июля того же года²³.

Окончание Кавказской войны открыло пути для расширения поля политического влияния империи в регионе, который все активнее вовлекался в орбиту внутренней правительственной политики. Теперь перед правительством и кавказской администрацией стояли задачи мирного развития края. «Самой важной и самой радикальной» мерой в ряду тех, которые могли быть приняты «в целях прочного нравственного скрепления горских народностей с Россиею»²⁴, являлось образование. Одним из приоритетных направлений в административной деятельности кавказского руководства становилось создание школ «для народа».

В Осетии этим занялось Общество восстановления православно-го христианства на Кавказе (ОВПХ), учрежденное указом Александра II от 9 июня 1860 года²⁵. Помимо собственно миссионерских, Общество решало также образовательные задачи, открывая в осетинских приходах начальные школы для сельского населения. В организационном отношении оно находилось под управлением кавказского наместника, а практическими делами занимался совет Общества под вице-председательством экзарха Грузии.

Начиная с 1860-х гг. ОВПХ играло ведущую роль в становлении в Осетии начальной народной школы. В его ведение перешли все учебные заведения упраздненной Осетинской духовной комиссии (ко времени создания Общества в приходах Владикавказского округа действовало уже 10 таких школ), а также новые приходские школы.

«Правилами о приходских школах ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе», утвержденными Михаилом Николаевичем 16 мая 1863 г., приходская школа объявлялась основным типом учебных заведений для горского крестьянства, предназначенных для «воспитания детей горских семейств в духе православной христианской веры и распространения необходимых по образу жизни горцев, нуждам и занятиям их сведений»²⁶. «Правила...» в полной мере отразили взгляды кавказского руководства на цели просвещения в горской среде, имевшие не столько образовательный, сколько миссионерский характер.

В планах ОВПХ было открытие новых школ в 27 осетинских приходах²⁷. Однако при его довольно скудных материальных возможностях осуществление всех инициатив в полном объеме было практически невозможно, поэтому число школ, открытых в Осетии при поддержке Общества, в том числе и в отдаленных горских приходах, не было постоянным: школы то открывались, то закрывались в силу разных причин (недостаток учеников, отсутствие учителей и т.п.). В целом в 60—70-е гг. XIX в. в Осетии действовало от 16 до 20 школ, которые не могли охватить даже начальным образованием все горское население края. Но уже в этот ранний период становления в регионе школьного дела местное крестьянство было заинтересовано в том, чтобы дети могли обучаться в школе. Когда, например, в 1871 г. из-за плохих условий закрылась приходская школа в высокогорном сел. Нар, местные жители решили на собственные средства в том же году выстроить новое, удобное для занятий, школьное здание²⁸.

Преподавание в приходских школах поручалось местному духовенству, а первоначальным языком обучения признавался «природный» язык «как более удобный для элементарного образования». Русский язык, как и другие предметы, становился факультативным и преподавался только по достижении учениками определенного уровня в освоении грамоты родного языка²⁹. Официально находясь в непосредственном управлении кавказского наместника, ОВПХ согласовывало свои шаги в педагогической сфере, в том числе и при составлении программ для начального обучения горцев, с местной администрацией³⁰. Именно усилиями Общества была создана сеть начальных, в том числе женских, школ для беднейших слоев горского крестьянства, ставших «ближайшим проводником твердых и основательных начал гражданской и духовной жизни» в крае³¹. Правительственное же ведомство в лице Министерства народного просвещения практической стороной организации начальной школы для горцев не занималось. Приходские школы стали доступной альтернативой казенных элементарных училищ.

Уже упоминавшееся Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом 1867 г. стало последним специально разработанным для Кавказа нормативным документом. Оно четко определило цели образовательной политики в крае и регламентировало систему мер, направленных на слияние образовательного пространства Кавказского наместничества с общероссийским. В 1870-х гг. правительство предприняло еще более активные действия в заданном направлении. Но в Кавказском учебном округе, который находился в ведении наместника, проводилась более гибкая политика, в определенной мере при-

нимавшая во внимание местные условия. В организации учебного дела в крае учитывалась необходимость подготовки специалистов среднего звена, которые могли бы эффективно работать в новых социально-политических и экономических обстоятельствах. Этим объяснялось внимание к средней ступени образования, сформированной в округе последующими актами МНП.

На рубеже 60—70-х гг. XIX в. в правительственных кругах разгорелась полемика по поводу соотношения классического и реального образования и путей развития среднего образования. После долгих дискуссий в стране началась реформа системы гимназического и среднего образования. 19 июня 1871 г. были приняты «Изменения и дополнения в Уставе гимназий и прогимназий 1864 г.», а 30 июля 1871 г. был утвержден новый «Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения»³². Единственным типом общеобразовательного учебного заведения объявлялась гимназия, и только ее выпускники имели право поступления в университеты.

Другие учебные заведения, которые по Положению 1867 г. по своим образовательным программам приближались к гимназиям, но при этом ориентировались на профессиональное обучение, относились к разряду училищ. Для регламентации их деятельности 15 мая 1872 г. был принят «Устав реальных училищ ведомства Министерства народного просвещения»³³, заложивший основы системы среднего образования в России и на Северном Кавказе. Особенностью нового устава была декларация зависимости типа училища и формы обучения от потребностей того региона, в котором оно открывалось. По новому уставу реальные училища заменяли реальные гимназии. В циркулярах МНП от 31 июля и 7 августа того же года разъяснялись основные положения нового устава, согласно которым реальные училища рассматривались как своеобразные малые или средние политехнические институты, призванные приносить пользу торговле и промышленности. С другой стороны, по замыслу инициатора реформы, министра народного просвещения Д.А. Толстого, реальные училища не должны были превращаться в профессиональные школы, которые сосредоточены исключительно на подготовке учеников к одной «промышленной» профессии. Напротив, как подчеркивалось в разъясняющих документах, реальные училища сохраняли общеобразовательный характер³⁴.

Новый гимназический устав в Кавказском учебном округе вступил в силу в начале 1872 года. Практически одновременно, в начале января 1872 г., Владикавказская реальная гимназия была преобразована в реальное училище с сохранением при нем горского пансиона. Однако искусственно пониженный статус учебного заведения не повлиял на качество образования — его воспитанники получали довольно основательную подготовку, особенно по естественным наукам, что привлекало к училищу представителей разных сословных и этнических групп. Впрочем, несмотря на всесословный характер, доступ в училище низшим слоям населения был закрыт из-за высокой платы за обучение, и подавляющее большинство учеников происходило из дворянской и чиновничьей среды³⁵.

Ход реформы в Кавказском учебном округе определялся особыми «Правилами о применении к учебным заведениям Кавказского

учебного округа общих уставов гимназий, прогимназий и реальных училищ ведомства Министерства народного просвещения» от 22 ноября 1873 года ³⁶. Документ подтверждал тот факт, что Кавказский учебный округ окончательно влился в общероссийскую систему народного просвещения, хотя здесь и практиковались некоторые отступления от общих правил. Так, сохранялось реальное отделение (Горское) при Ставропольской гимназии, по-прежнему организовывались дополнительные классы для гимназий и реальных училищ, при реальных училищах оставались приготовительные классы для детей горцев, а в четырех низших классах всех учебных заведений разрешалось преподавание местного языка.

Отдельный цикл министерских реформ касался начальной школы. 25 мая 1874 г. было принято «Положение о начальных народных училищах» ³⁷, ставшее последним в столетии основным законом о начальном образовании. К низшим учебным заведениям относились все начальные школы ОВПХ, школы ведомства МНП и других министерств, а также все низшие правительственные, общественные и частные учебные заведения, перешедшие в ведение МНП. Положение меняло систему управления начальными училищами, которое возлагалось на уездные и губернские училищные советы под председательством уездных и губернских предводителей дворянства. Директор народных училищ каждой губернии избирался попечителем учебного округа; помощниками директора становились инспекторы училищ.

Впрочем, новая система управления не распространялась на Кавказский учебный округ, поскольку на его территории не было введено земское управление. Но количественный рост начальных школ, особенно на Северном Кавказе, где они находились в ведении ОВПХ, заставил власти предпринять шаги для упорядочения надзора за этими школами. 3 апреля 1873 г. Государственный совет принял, а Александр II утвердил предложение об учреждении должности инспектора школ ОВПХ при управлении Кавказским учебным округом ³⁸. Его надзору подлежали также все правительственные училища на восточном Причерноморье.

Особое внимание правительства и кавказского руководства было сосредоточено на местной начальной школе — «краеугольном камне нравственного и материального благосостояния всего края» ³⁹. Только в ней могла получать начальное образование основная масса горского населения. С начала 1870-х гг. в Кавказском учебном округе отмечалась стойкая тенденция к увеличению количества начальных училищ и общей численности учащихся, что объяснялось в первую очередь активной деятельностью ОВПХ.

В дальнейшем развитие народного просвещения в регионе шло поступательно, по пути расширения сети образовательных учреждений за счет не только начальных школ, но и учебных заведений среднего звена. Реформы 1870-х гг. сыграли отведенную им роль. Позитивные сдвиги произошли в системе начального образования, предназначенного для основной массы кавказского населения, а принципы среднего специального образования на многие десятки лет определили его развитие.

После убийства императора Александра II внутренняя политика правительства резко изменилась. Перемены затронули и систему на-

родного просвещения, сложившуюся в предшествующее десятилетие. Новые взгляды на образовательный процесс и роль народного просвещения в жизни общества в целом сменили прежние либеральные принципы, на которых были основаны реформы 1870-х годов. Теперь ведущая роль организатора и координатора образовательного процесса была отведена церкви и духовенству. В наибольшей степени нововведения коснулись начальных ступеней образования, представленных приходскими школами.

Эти учебные заведения оказались в центре реформы 1884 г., переименовавшей бывшие приходские школы в церковно-приходские. Правила о церковно-приходских школах от 13 июня 1884 г. главной их целью определяли воспитание народа в духе православной веры и лишь затем обучение «первоначальным полезным знаниям»⁴⁰. И если прежде школы, учреждаемые в православных приходах, в педагогическом отношении все же зависели от Министерства народного просвещения, которое утверждало учебные программы всех начальных школ, то теперь это право переходило к Св. Синоду. От духовного ведомства требовалось только следовать перечню учебных предметов, определенных Положением о начальных народных училищах 1874 года. И если прежде к преподаванию в приходских школах допускались лишь те, кто имел педагогическое образование (в Осетии в школах ведения ОВПХ это требование закреплялось Правилами начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе, утвержденными наместником в декабре 1874 г.⁴¹), то теперь в них могли работать только лица духовного звания.

Переориентация государственной политики в сторону клерикализации образования имела следствием изменение статуса и функций учреждений духовного ведомства, имевших непосредственное отношение к образовательному процессу. По предложению обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева, Общество восстановления православного христианства на Кавказе, которое со дня своего основания существовало независимо от духовного ведомства, подчиняясь непосредственно кавказскому наместнику, в феврале 1885 г. перешло в ведение духовных властей, оказавшись в управлении экзарха Грузии⁴². В ведении Св. Синода находились и церковно-приходские школы ОВПХ, поскольку должность инспектора училищ ОВПХ, надзору которого они подлежали, в мае 1886 г. также была передана в духовное ведомство⁴³. После того как в 1894 г. из грузинского экзархата выделилась самостоятельная Владикавказская епархия, церковно-приходские школы Северной Осетии перешли в непосредственное ведение Владикавказского епископа.

Переподчинение духовному ведомству, впрочем, не сказалось на общей направленности работы ОВПХ. Общество продолжало активно заниматься организацией начального образования и распространением азов грамотности в Осетии. В 1886—1894 гг. здесь действовало от 15 до 21 церковно-приходской школы. Усилиями Общества в осетинских приходах открывались и новые школы. К 1898 г. их число выросло до 32.

В церковно-приходских школах Владикавказской епархии преподавались Закон божий, русский язык, арифметика, осетинский язык, во многих школах — география и русская гражданская история и цер-

ковное пение; в некоторых школах курс дополнялся церковно-славянским чтением⁴⁴. При школах часто имелся садово-огородный участок, а вырученные от продажи урожая деньги шли на ремонт помещений и приобретение учебников и учебных пособий⁴⁵.

Несмотря на довольно скудные знания, которыми обеспечивали горцев церковно-приходские школы, они были единственными доступными для горской бедноты учебными заведениями. Сельчане, заинтересованные в том, чтобы обучить своих детей грамоте, готовы были жертвовать для постройки школы всем самым необходимым, не только предоставляя помещения, но и участвуя в возведении новых зданий, ремонтируя уже использующиеся, в складчину обеспечивая содержание учителям и покупая для своих детей школьные учебники и необходимые принадлежности⁴⁶. К примеру, в рапорте инспектора школ ОВПХ архимандрита Леонида за 1893 г. говорилось о готовности жителей горного и малодоступного Стыр-Дигорского прихода Северной Осетии устроить у себя церковно-приходскую школу, построить для нее на свои средства «приличное помещение» и самим обеспечить половину жалованья учителю в размере 150 руб. в год. Архимандрит считал, что это желание общества нужно встретить «очень сочувственно», поскольку ввиду полной безграмотности местного населения здесь «начинает свивать широкое гнездо» мусульманство⁴⁷. Положительно было воспринято и желание жителей Санибанского общества устроить у себя церковно-приходскую школу и выстроить для нее помещение за счет общественных сумм, по поводу чего в 1898 г. был составлен общественный приговор⁴⁸.

В Ардонском отделении Владикавказского епархиального училищного совета особо отмечали «сочувственное», «желательное и приятное» отношение населения к церковно-приходским школам. «Сельские общества, при всей своей нередко крайней бедности, сами на свой счет без всяких пожертвований и помощи со стороны строят удобные помещения для школы и учителей, дают отопление и ремонт всему помещению, дают жалованье по 300 руб. в год учителям и потом внимательно относятся ко всему школьному делу, — писал Косьма Токаев, наблюдатель над церковно-приходскими школами Осетии, в отчете за 1897—1898 учебный год. — Сами просят и молят, чтобы открыли у них хотя какую-нибудь школу... И они... стараются устроить у себя школы, гораздо более ревнуя о школьном просвещении, чем соседи их русские казаки, живущие в гораздо более выгодных условиях...»⁴⁹

Церковно-приходские школы Осетии испытывали острый недостаток в квалифицированных учителях. Их подготовкой занимались ОВПХ, руководившее Владикавказским духовным училищем, Тифлисская семинария, где обучалось все осетинское духовенство, учительская школа в Тифлисе (открытая в 1866 г. и преобразованная в Александровский учительский институт в 1872 г.) и Кубанская учительская семинария. Но даже в совокупности эти учреждения не могли обеспечить потребности края в подготовленных учительских кадрах.

Чтобы как-то компенсировать недостаток в учителях для церковно-приходских школ, а заодно и в священниках для осетинских православных приходов, 29 марта 1887 г. Св. Синод издал указ об открытии в Осетии духовного училища⁵⁰. В соответствии с указом от

11 октября того же года, было открыто Ардонское Александровское осетинское духовное училище⁵¹, находившееся в ведении Владикавказского епископа под главным управлением Св. Синода. В начале 1895—1896 учебного года духовное училище было преобразовано в Александровскую миссионерскую духовную семинарию⁵². Целью семинарии была подготовка «местных юношей к служению, в звании священноцерковнослужителей и учителей, миссионерским целям Общества восстановления православного христианства на Кавказе в пределах Владикавказской епархии и южной Осетии»⁵³. Абитуриентами семинарии становились выпускники церковно-приходских школ и духовных училищ. Учебный курс семинарии был рассчитан на шесть классов и строился по довольно широкой учебной программе: наряду с богослужебными семинаристы изучали и предметы светского цикла (преподаваемые хорошо подготовленными учителями, среди которых были даже выпускники Казанского университета⁵⁴): всеобщую и русскую историю, педагогику и дидактику (с включением психологии и логики), географию, математические дисциплины, русский и осетинский языки (причем осетинский язык и проповедь на нем изучались всеми учениками⁵⁵), пение, иконопись, а также «противо-мусульманскую полемику», предполагавшую знакомство учеников с основами ислама. Шестиклассный учебный курс и солидная духовная и общеобразовательная подготовка обеспечивали воспитанникам семинарии возможность поступления в высшие учебные заведения.

Именно эти обстоятельства привлекали в семинарию представителей не только духовного, но и других сословий, хотя семинария могла вместить не более 150 учеников (с ежегодным выпуском до 15 воспитанников⁵⁶): к примеру, в 1898—1999 учебном году только 15 чел. происходили из среды духовенства, остальные же — из крестьянского, ремесленного и казачьего сословий. Основную часть учащихся составляли осетины — в том же году их было 106 чел., среди остальных 39 чел. были русскими, 4 — грузинами и 1 — кабардинцем⁵⁷.

Несмотря на то, что одной из основных задач Александровской миссионерской духовной семинарии была подготовка преподавательских кадров для церковно-приходских школ Владикавказской епархии, не все ее выпускники посвящали себя учительскому делу. С другой стороны, не было достаточным и количество самих церковно-приходских школ, где бы беднейшие слои местного населения могли получить элементарное образование, хотя в горской среде уже давно сформировался запрос на образование. Помимо того, что образование (даже в том минимальном объеме, который предлагали церковно-приходские школы ОВПХ), становилось надежным ресурсом социализации в общеимперском пространстве, выводя общинника за пределы традиционности и открывая возможности для интеграции в иную цивилизацию, вполне реальными становились карьерные перспективы и на локальном уровне. Знание русской грамоты не только значительно поднимало общественный вес общинника в глазах односельчан, владея русским языком, рядовой горец мог повысить и собственный социальный статус, заняв место в сельской администрации либо став учителем, дьяком или даже священником⁵⁸. Мотивация к получению образования подпитывалась еще и льготами, поначалу предоставляе-

мыми тем местным уроженцам, кто отправлял своих детей учиться дальше: к примеру, семьи, отсылавшие детей в высшие духовные училища, освобождались от всех общественных повинностей⁵⁹.

Но государство не справлялось с задачами «народного» просвещения. Не под силу это оказалось и духовному ведомству, на которое была переложена организация начального образования.

Альтернативой церковно-приходской школе стали так называемые школы грамоты, которые, по предположениям синодального училищного совета, должны были распространиться по всем епархиям империи⁶⁰. Свою правовую основу школы грамоты получили в виде специально утвержденных «Правил о школах грамоты» от 4 мая 1891 года⁶¹. По существу, «они не давали своим воспитанникам никаких прав и свидетельств, не имели постоянного помещения (пусть даже съемного), почти не контролировались властью (хотя формально состояли под надзором приходских священников) и всецело воплощались в учителе, работавшем за плату от родителей своих учеников по договору с ними и в предоставленном ими помещении — как правило, в избе, где жил один из учеников... Единственным преимуществом таких школ была их доступность: завести школу, то есть нанять грамотного человека для обучения своих детей, могли в складчину даже несколько крестьянских дворов»⁶².

В 1890-х гг. школами грамоты стала покрываться вся территория Осетии. Учебный курс в таких школах рассчитывался на один год, а преподавали в них преимущественно выпускники церковно-приходских школ. Поскольку специального плана по развитию сети школ грамоты у духовного ведомства и его учреждений не было, они появлялись и закрывались спонтанно. В то же время школы грамоты оказались чрезвычайно популярны среди населения именно ввиду их доступности. Каждую из них посещало от 40 до 60 чел., и, по свидетельству духовной училищной администрации, это число с каждым годом только увеличивалось⁶³.

В соответствии с Правилами о церковно-приходских школах, под надзором Св. Синода оказались и воскресные школы, которые прежде находились в ведении МНП как обыкновенные начальные училища⁶⁴, а теперь были отнесены к разряду церковно-приходских школ. Представляя совершенно иной тип начальных учебных заведений, воскресные школы организовывались как для тех, кто не мог ежедневно посещать церковно-приходскую школу или городское начальное училище, так и для взрослых, желавших обучиться грамоте. Однако особого внимания ни правительство, ни само духовное ведомство воскресным школам не уделяло, и их открытие, как и сама деятельность, всецело зависело от общественной инициативы, хотя в МНП полагали организацию подобных школ полезным делом и позволяли им размещаться в зданиях гимназий и уездных училищ⁶⁵.

В Кавказском учебном округе идея воскресных школ нашла поддержку в лице самого попечителя, особым циркуляром рекомендовавшего учреждать подобные школы по селам и станицам⁶⁶. Они открывались в Терской и Кубанской областях при поддержке чинов местных дирекций народных училищ. По характеру обучения сельские воскресные школы ничем не отличались от городских. Их учебная программа была достаточно простой и формировалась на основа-

нии распоряжения МНП от 30 декабря 1860 г. «О предметах преподавания в воскресных школах»⁶⁷. В нее входили Закон божий (преподаваемый священником), русская грамота (в том числе письмо), арифметика, а при достаточных средствах — и основы естествознания, географии и истории; в женских школах обучали еще и рукоделию.

Первые воскресные школы в Осетии (мужская и женская) открылись при Николаевском училище во Владикавказе в марте 1891 г. «в ознаменование 10-летия благополучного царствования Государя Императора»⁶⁸. Следом появились школы в Моздоке; в селениях Садон, Алагир, Кадгарон, Ардон. Крупные владикавказские промышленники устраивали воскресные школы при предприятиях — к примеру, воскресная школа открылась при винокуренном заводе Сараджева. В 1898 г. в Осетии воскресные школы посещало 1230 чел. (650 мужчин и 580 женщин)⁶⁹. Ввиду наплыва желающих учиться Терское областное правление 12 июля 1895 г. приняло решение об открытии вечерних классов для взрослых и воскресных — для детей при всех сельских и городских училищах⁷⁰.

Открывавшиеся помимо церковно-приходских и казенных учебных заведений низшего уровня воскресные школы и школы грамоты некоторым образом отвечали возросшим образовательным потребностям населения, органично влившись в образовательную систему и расширив само образовательное пространство.

Таким образом, переориентация правительственной политики в сфере народного просвещения в годы контрреформ в сторону клерикализации образования повлияла на конкретные организационные формы учебного процесса. В наибольшей степени изменения коснулись начальной школы, оказавшейся в центре конкурентной борьбы МНП и Св. Синода за приоритет в деле начального народного просвещения. В то же время государство выступало лишь в роли законодателя, исполнением же на практике принятых законов и постановлений занимались преимущественно не государственные учреждения, а институты духовного ведомства, представленные на Кавказе Обществом восстановления православного христианства, которое взялось за организацию начальной образовательной сети в горской сельской среде. В результате перемен 80–90-х гг. в МНП остались лишь некоторые разряды начальных училищ, в том числе и Кавказского учебного округа, включая горские школы Терской области, находившиеся в ведении окружных администраций и переданные в министерство в марте 1892 года⁷¹. Однако основное бремя по содержанию «министерских» училищ лежало на обществах, сословиях и земствах.

Весьма ограниченное государственное финансирование заставляло училищную администрацию Терской дирекции требовать от населения постройки дорогостоящих школьных зданий и отказывать в открытии школы там, где для нее нанимались частные дома (как это случилось в сел. Зильги в 1895 г.). Естественно, не имея средств на возведение новых школьных зданий, жители вынуждены были обращаться к помощи ОВПХ, «ограничиваясь простыми школами грамоты, или отдавать детей в частные школы, где обучают писаря (как, например, в селении Балте Владикавказского округа) или прохожие учителя»⁷².

Безусловно, нехватка казенных ассигнований заметно тормозила развитие системы светского начального образования во всей империи, что сказывалось, прежде всего, на ее окраинах. В то же время, официально признавая приоритет духовного ведомства в деле начального образования, государство мало способствовало и его продвижению в этом направлении. Однако стремление населения к получению знаний ставило и само МНП, и духовную учебную администрацию перед необходимостью прикладывать все усилия для открытия начальных школ, причем каждая из сторон исходила из собственных интересов. Духовное ведомство, например, было заинтересовано в расширении поля для миссионерской деятельности, которая велась преимущественно через церковно-приходские школы. «Если церковная школа имеет просветительское значение среди русских, то среди туземцев — это миссионерский стан, откуда единственно, можно сказать, распространяется свет веры Христовой, и в то же время школы в ауле единственное просветительное учреждение, откуда распространяется широкое знакомство с русскою речью и влияние на улучшение нравов, — писали в 1898 г. в училищный совет при Св. Синоде из Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета. — Открытие министерских школ в Осетии прямо не желательно, ибо таковые школы обещают насадить прямо рационализм, далекий от христианского влияния, что имеет благоприятную почву у осетин и отчасти готовые семена от лиц, получивших образование в светских учебных заведениях... министерская школа в Осетии будет парализовать миссионерское дело»⁷³. Поэтому в Ардонском отделении были уверены, что «никакую другую, как строго церковную [школу] нужно насаждать в Осетии... И учителя поэтому здесь должны быть со строго церковным образованием и настроением»⁷⁴. И любая экономия в данном вопросе считалась по меньшей мере неуместной, поскольку могла побудить горцев к открытию у себя «министерской» школы⁷⁵.

И в самом деле, жители осетинских селений настойчиво хлопотали об открытии у них школ — все равно, церковных или «министерских» — так как и те, и другие давали хотя бы элементарное образование и потому были одинаково значимы для сельчан. Со временем, однако, из тех сел Владикавказского округа, где уже действовали церковно-приходские школы, исходили ходатайства об устройстве там светской школы. Сельские общества Ногкау, Зильги, Хумалагского, Шанаевского и Галиатского приходов просили об открытии у них казенных общеобразовательных школ, а ардонцы даже выражали желание об учреждении низшей сельскохозяйственной школы⁷⁶. На сельских сходах в Карджине, Беслане, Заманкуле — осетинских селах с преимущественно мусульманским населением — принимались общественные приговоры об открытии школ МНП⁷⁷.

Все эти факты свидетельствовали о растущих образовательных потребностях, вызревших в горской сельской среде. Администрация Терской области, понимая практический интерес местного населения к школе, полагала, что его нужно поддерживать всеми имеющимися средствами и способствовать открытию возможно большего числа школ, потому что «народная школа, приспособленная к характеру и потребностям населения, является одним из могущественнейших орудий культуры и водворения гражданственности»⁷⁸.

В результате, после десяти лет застоя учебное дело в Осетии к концу столетия заметно оживилось. Уже в 1899 г. здесь действовало 63 школы, находившиеся под управлением духовного ведомства и МНП, а с учетом воскресных и частных школ их число достигало 72. В 1898 г. в Осетии насчитывалось уже 6493 грамотных (включая тех, кто обучался за пределами Владикавказского округа) ⁷⁹.

Единственными доступными образовательными учреждениями для подавляющей массы населения края были учебные заведения начального уровня (церковно-приходские школы, духовные семинарии, воскресные школы, школы грамоты, начальные школы ведомства МНП), являвшиеся в то же время необходимыми звеньями системы всеобщего начального образования, основы которой были заложены реформами 70-х гг. XIX века. Однако недостаточное внимание центральных ведомств к начальному образованию негативно сказывалось на его качестве, а усилия, предпринимаемые властями Терской области, не могли обеспечить образовательные нужды большинства местного населения. Кавказ все еще оставался в числе регионов с крайне низким уровнем грамотности ⁸⁰.

Таким образом, становление и развитие системы народного просвещения в Осетии шло в русле общероссийских тенденций, отражая смену ориентиров в правительственной образовательной политике как в стране в целом, так и на Северном Кавказе и в его отдельных областях в частности. В то же время, эти процессы характеризовались своей спецификой, заключавшейся в значительной роли учреждений духовного ведомства в развитии начальной народной школы в Терской области и значительном интересе к получению образования со стороны самих местных обществ, который привел к появлению и функционированию в самых отдаленных уголках края начальных школ, пусть и дающих всего лишь элементарные знания. Главным итогом деятельности образовательного и духовного ведомств и местной администрации в сфере народного просвещения стала интеграция системы начального образования, сложившейся в Осетии к концу XIX в., в общероссийскую образовательную среду.

Примечания

1. См., например: Материалы по истории осетинского народа. Сб. документов по истории народного образования в Осетии. Т. V. Орджоникидзе. 1942, с. 30—34.
2. УРУШАДЗЕ А.Т. Образование в политике М.С. Воронцова на Кавказе (1844—1854 гг.): место и значение. — История. Электронный научно-образовательный журнал. Вып. 4(27). <http://www.history.jes.su/s207987840000741-4-1>.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗ—II), т. XXIII, отд. 2-е, № 22 838.
4. Там же, с. 97.
5. Материалы по истории осетинского народа, с. 10.
6. Там же, с. 91—93.
7. Там же, с. 91.
8. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН (НА СОИГСИ), ф. 10, оп. 1, д. 43.
9. Материалы по истории осетинского народа, с. 93—94.
10. Там же, с. 94.
11. Там же, с. 103—104.

12. ПСЗ—II, т. XXVIII, отд. 1-е, № 27 646.
13. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб. 1902, с. 351.
14. Материалы по истории осетинского народа, с. 94—102.
15. Там же, с. 94.
16. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А), ф. 123, оп. 1, д. 28, л. 1—1об.
17. Материалы по истории осетинского народа, с. 95.
18. Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Первое пятилетие. 1867—1871. Тифлис. 1891, с. 222—224.
19. ПСЗ—II, т. LXII, отд. 1-е, № 44 748.
20. ГАТАГОВА Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М. 1993, с. 65.
21. МОДЗАЛЕВСКИЙ Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год. В кн.: Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис. 1880, отд. I, с. 60.
22. ПСЗ—II, т. XXXIX, отд. 2-е, № 41 472.
23. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, с. 450.
24. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военноподданному управлению за 1863—1869 гг. СПб. 1870, с. 98.
25. ПСЗ—II, т. XXXV, № 35 897.
26. Материалы по истории осетинского народа, с. 116.
27. Там же, с. 127.
28. НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 69, л. 5—6.
29. Материалы по истории осетинского народа, с. 115, 124.
30. Там же, с. 128.
31. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею, с. 123.
32. ПСЗ—II, т. LXVI, отд. 2-е, № 49 860.
33. Там же, т. LXVII, отд. 1-е, № 50 834.
34. См.: Циркулярное предложение г. министра народного просвещения: По поводу введения в действие устава реальных училищ. 31 июля 1872 года. В кн.: Сборник распоряжений... Первое пятилетие, с. 807—808.
35. К примеру, еще до реорганизации, во Владикавказской реальной гимназии в 1871 г. обучалось 280 учеников, из которых 222 были детьми чиновников и дворян, 10 чел. — из духовного сословия, 44 — городских обывателей, 5 — сельских, 11 — «иностранным подданных». В горском пансионе в 1869 г. из 167 воспитанников 76 происходило из дворян и чиновников, 28 — из казачьего сословия, 60 детей — из «почетных» горских фамилий, 3 — из духовенства. ЦГА РСО-А, ф. 136, оп. 1; д. 17, л. 11—11об.
36. ПСЗ—II, т. XLVIII, отд. 2-е, № 52 808.
37. Там же, т. XLIX, отд. 1-е, № 53 574.
38. ГАБЕЕВ А.Я. Основные этапы развития народного образования в Осетии (1740—1917 гг.). В кн.: Материалы по истории осетинского народа, с. 17.
39. МОДЗАЛЕВСКИЙ Л. Ук. соч., с. 73.
40. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (ПСЗ—III), т. IV, № 2318.
41. Материалы по истории осетинского народа, с. 134—137.
42. ПСЗ—III, т. V, № 2726.
43. Там же, т. VI, № 3686.
44. НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 73, л. 6.
45. Там же, л. 10.
46. Там же, д. 74, л. 2.
47. Там же, л. 1.
48. Там же, д. 7, л. 55—56.
49. Материалы по истории осетинского народа, с. 163—164.
50. НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 71, л. 36.
51. Материалы по истории осетинского народа, с. 249.
52. ПСЗ—III, т. XV, № 11 999.

53. Там же, с. 539.
54. Подробнее см.: Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. 1880—1901. Тифлис. 1903, с. 287—297.
55. Впрочем, уже в начале XX в. преосвященный Кирион, миссионер-инспектор школ ОВПХ, по поручению экзарха Грузии, давшего отзыв на отчет Ардонской семинарии, высказал пожелание, чтобы воспитанники из «не-осетин» вместо осетинского языка занимались изучением русского раскола, старообрядчества и сектантства. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. 1880—1901, с. 313.
56. Материалы по истории осетинского народа, с. 164.
57. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. 1880—1901, с. 297—298.
58. Материалы по истории осетинского народа, с. 139—140.
59. Там же, с. 81—82.
60. Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Пятое пятилетие. Ч. 2. 1887—1891. Тифлис. 1892, с. 1184.
61. ПСЗ-III, т. XI, № 7665, с. 235—238.
62. ЗУБКОВ И.В. Система начальных и средних учебных заведений в России (1890—1916 гг.). В кн.: Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М. 2012, с. 105—106.
63. НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 7, л. 30.
64. См.: ПСЗ-II, т. XLIX, отд. 1-е, № 53 574.
65. Сборник распоряжений... Первое пятилетие, с. 743.
66. АБРАМОВ Я.В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб. 1900, с. 285.
67. Сборник распоряжений... Первое пятилетие, с. 743.
68. Терский календарь на 1894 год. Кн. 1. Владикавказ. 1893, с. 112.
69. ЦГА РСО-А, ф. 123, оп. 1, д. 219, л. 43.
70. КАНУКОВА З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ. 2002, с. 118.
71. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1893 год. Владикавказ. 1894, с. 57.
72. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1895 год. Владикавказ. 1896, с. 66.
73. НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 7, л. 29—30.
74. Материалы по истории осетинского народа, с. 164.
75. НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 7, л. 29.
76. Всеподданнейший отчет начальника Терской области... за 1895, с. 65—66.
77. Терские ведомости. 1896, № 82.
78. Всеподданнейший отчет начальника Терской области... за 1893 год, с. 58.
79. НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 7, л. 1.
80. См.: Энциклопедический словарь. Т. II. СПб. 1907, с. 485.

Примирение сторон у донских казаков во второй половине XIX в.

С.Ю. Краснов, Я.В. Трофимов

Аннотация. На современном этапе совершенствования и развития судебной системы в России государством признана и на законодательном уровне закреплена необходимость развития альтернативных способов разрешения споров. Чтобы этот процесс был результативным, следует учитывать, в том числе, и традиционные историко-этнографические аспекты правовой культуры донского казачества, своеобразие представлений донских казаков об урегулировании различного рода конфликтов, которые вполне могут быть применимы и сегодня для разрешения споров на территориях компактного проживания потомков донских казаков.

Ключевые слова: обычное право, донские казаки, примирительные процедуры, история права России.

Abstract. At the present stage of development and improvement of the judicial system in Russia, the state recognized and enshrined in law the need to develop alternative dispute resolution. For this process to be effective, it should be considered, including the traditional historical and ethnographic aspects of the legal culture of the Don Cossacks, the uniqueness of representations of the Don Cossacks on the settlement of various conflicts that reflect the originality of law and law enforcement and it may well be relevant for the resolution of current conflicts in the areas of compact residence of the descendants of Don Cossacks.

Key words: Customary law, Don Cossacks, particular proceedings, history of Russian law.

В отличие от большинства научных исследований последних лет, в которых авторы, не проводя анализа конкретно-исторического материала, создают умозрительные конструкции механизма действия норм обычного права, данная публикация опирается на обширный фактологический материал, касающийся особенностей примирительных процедур у донских казаков во второй половине XIX в., извлеченный

Краснов Сергей Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент Института права Волгоградского государственного университета. E-mail: Krasnov@volsu.ru; *Трофимов Ярослав Валерьевич* — кандидат юридических наук, доцент Института права Волгоградского государственного университета. E-mail: Trofimov@volsu.ru.

Krasnov Sergey Yu. — PhD (Law), associate professor at the Institute of the Law, Volgograd State University. E-mail: Krasnov@volsu.ru; *Trofimov Yaroslav V.* — PhD (Law), associate professor at the Institute of the Law, Volgograd State University. E-mail: Trofimov@volsu.ru.

из сообщений периодической печати, издававшейся в Области войска Донского в исследуемый период времени. Это позволяет увидеть реальную картину осуществления примирительных процедур глазами современников и придает данному исследованию объективный и достоверный характер.

На современном этапе развития Российской Федерации одним из перспективных и развивающихся направлений в разрешении межнациональных и межконфессиональных конфликтов становится внедрение в правовую систему концепции полиюридизма, которая давно известна и широко применяется в большинстве стран Запада, в частности, в США, Канаде, Австралии и др. Полиюридизм рассматривается специалистами, как учеными, так и практиками, как оптимальная форма урегулирования общественных отношений, а также как одно из эффективных направлений, устраняющих на начальном этапе многие из социальных причин возникновения преступности и порождаемых ею последствий. Под полиюридизмом принято понимать наличие дополнительных по отношению к официальному писаному праву самостоятельных систем права со своим особым механизмом действия правовых норм. Ряд зарубежных исследователей прямо говорит о том, что правовой плюрализм — это «... не только взаимоотношения между правовой системой государства и другими типами права, но и взаимодействия этих различных негосударственных систем права между собой»¹.

По мнению отдельных специалистов, занимающихся изучением полиюридизма, «навязанная писаным правом нормативность не всегда стыкуется с нормативностью традиционной, что с неизбежностью порождает ситуацию, когда закон либо не работает, либо не достигает обозначенных целей»². Однако несмотря на то, что в целом развитие и использование концепции полиюридизма в России оценивается специалистами как положительный факт, они допускают существенные ошибки в оценке реального состояния дел с внедрением данной концепции на отдельных территориях Российской Федерации. В их ошибочных утверждениях иногда явно просматривается некая национальная обида, которая полностью противоречит самой концепции полиюридизма.

«Развитие и реализация концепции должны произойти за счет совершенствования федерального законодательства, расширения вопросов законодательного разрешения, относящихся к ведению субъектов Федерации»³. На самом же деле, и в XIX в., и в настоящее время в изучении традиционных форм примирения на уровне общинного самоуправления в России и роли примирения в традиционных практиках разрешения конфликтов объектами и предметом исследования всегда выступали, прежде всего, народы Северного Кавказа, Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также российское крестьянство⁴.

Современные зарубежные исследователи, занимающиеся восстановительной юстицией, следуют в русле сложившихся стереотипов и не уделяют никакого внимания исследованию традиционных примирительных процедур, практиковавшихся у донских казаков во второй половине XIX века⁵.

Ни в одном из вышедших в свет в последнее время выпусков специализированного издания, нет ни одной статьи, посвященной

исследованию примирительных процедур, которые практиковались у донских казаков во второй половине XIX века. Подобный перекокс трудно объяснить, поскольку «проблема выделения особых субэтнических групп (национальностей) в составе русского народа (русской нации) ярко проявилась в ходе проведения Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов. Казаки и поморы добились своего признания в качестве самостоятельной национальности»⁶.

Систематическое научное изучение и обобщение юридических обычаев народов, населяющих Российскую империю, началось только в XIX веке. Хотя большая часть населения страны издревле применяла в своем быту обычаи, в том числе юридические, это игнорировалось в официальных кругах, которые как бы не замечали их и не признавали источником права. Положение стало меняться в период подготовки и проведения буржуазных реформ 60—70-х гг. XIX в., причем начало этому процессу было положено «сверху». Материалы по обычному праву стали активно собираться, по инициативе правительства, в начале 40-х гг. XIX века. В 50—80-х гг. XIX в. появились серьезные научные статьи и монографические исследования, посвященные обычному праву, разрабатывались программы для сбора и изучения народных юридических обычаев, проводились этнографические экспедиции в различные регионы Российской империи⁷.

Доказательством огромного интереса к изучению обычного права народов Российской империи во второй половине XIX в. могут служить знаменитые указатели Е.И. Якушкина «Обычное право. Материалы для библиографии обычного права»⁸. В них содержится почти исчерпывающая информация об обычном праве народов Российской империи (7189 названий книг, журнальных и газетных статей). В третьем и четвертом выпусках библиографического указателя представлены в основном работы по обычному поземельному праву русских крестьянских общин.

Анализ информации, помещенной в четырех выпусках библиографического указателя Якушкина, позволяет сделать вывод о том, что именно во второй половине XIX в. наметились приоритетные направления в изучении обычного права отдельных народов, населяющих Российскую империю. Это, прежде всего, обычное право русского крестьянства, народов Кавказа, Крайнего Севера, Сибири и др. Изучение обычного права донских казаков, особенно второй половины XIX в., к сожалению, никогда не было приоритетным ни в дореволюционной, ни в современной историографии. В обширнейшем указателе Якушкина содержатся сведения всего о нескольких работах, в которых рассматриваются те или иные вопросы обычного права донских казаков во второй половине XIX в., а основной массив информации по данной проблематике, по мнению составителя, можно почерпнуть только из газет, выходивших в Области войска Донского в рассматриваемый период времени, многочисленные ссылки на которые имеются в указателе.

Для изучения обычного права донской казачьей общины представляет интерес и научную ценность оригинальная по жанру работа известного историка и этнографа, члена Областного войска Донского статистического комитета И.В. Тимошенко «Общественный быт и

народные обычаи Казанской станицы». Автор, уроженец станицы Каменской, хорошо знал быт и жизнь донских казаков, лично объездил с научными целями многие округа Области войска Донского. В небольшой по объему работе он собрал значительный материал о быте Казанской станицы⁹. Работу отличает научная достоверность, квалифицированное описание фактов.

Исключительное значение для изучения обычного права донских казаков во второй половине XIX в. имеют еще две работы Тимошенко: «Урюпинская станица и прилегающие к ней местности»¹⁰ и «Усть-Медведицкая станица и прилегающие к ней местности»¹¹, в которых автор показал обычно-правовое регулирование владения и пользования различными видами общинных угодий и обязательственных отношений у донских казаков во второй половине XIX века.

Особый интерес представляет также работа одного из членов Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — М.Н. Харузина. В 1881—1883 гг. по заданию общества он посетил все «типические местности Области войска Донского», а также сделал копии с 2 тыс. всевозможных документов, которые он обнаружил в станичных архивах¹². Проведя исследование Области войска Донского по программе изучения обычного права и обобщив огромный материал, Харузин выпустил в 1885 г. книгу «Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права».

Таким образом, при отсутствии современных серьезных научных исследований, некоторые авторы высказывают не совсем верные суждения о примирительных процедурах донских казаков и то только в узком контексте рассмотрения публичного примирения перед всем миром в крестьянской среде.

«Наиболее острые конфликты, которые стороны не могли разрешить самостоятельно или при посредничестве уважаемых односельчан, выносились на суд всего “мира” — общины. Обычно житейские ссоры разбирали избираемый крестьянами староста единолично, либо совместно с другими выборными или назначаемыми должностными лицами, образующими правление. У казаков для этих целей существовало специальное должностное лицо — судья, который наряду с атаманом, есаулом, писарем и хорунжим входил в число высших чинов казацкого самоуправления»¹³.

О том, как и кем реально осуществлялись примирительные процедуры, и какие они имели особенности у донских казаков во второй половине XIX в., и идет речь в данной работе.

Суд хуторского схода являлся высшей судебной властью для казаков. Он состоял из атамана и граждан хутора мужского пола, имеющих право голоса. Роль атамана была незначительной: он только наблюдал за порядком, посылал за свидетелями и сторонами (истцом и ответчиком), иногда докладывал дела и объявлял решение схода; в остальном же он пользовался одинаковыми с другими казаками правами. Хуторские сходы обычно собирались в праздничные дни, по большей части около какого-нибудь дома сами собой, безо всякого приглашения казаков участвовать в них. Но иногда атаман собирал сход и в будничные дни. Вместо казака-домохозяина в сходе мог принимать участие его сын или зять. Для решения серьезных уголов-

ных и гражданских дел требовалось созвать полный сход. Хуторской сход принимал к своему рассмотрению все споры и тяжбы без определения цены иска, дела об обидах, кражах и т.п. В некоторых случаях хуторские сходы отказывались разбирать тяжкие уголовные преступления, заставляя своего атамана доложить о случившемся преступлении войсковому начальству. Этим выражалось желание казаков подвергнуть обвиняемого более строгому наказанию: продолжительному тюремному заключению или ссылке на поселение в Сибирь.

Все жалобы и просьбы принимались к рассмотрению только во время проведения схода. Случалось, что один из присутствующих казаков, обращаясь к другому, упрекал его в том, что тот не платит такому-то долга, что напрасно удерживает такую-то вещь. В этих случаях обиженный казак не просил сход восстановить свое нарушенное право, но сход сам, видя явную несправедливость, беззащитность казака, разрешал возникшее дело. Иногда ищущий защиты казак сам обращался к сходу: «Господа-старики! Разберите мое дело с таким-то». В этом случае сход сначала рассматривал основательность жалобы, а уже потом посылал за ответчиком, если его не было на сходе. В случае уклонения ответчика от явки в суд, сход или отказывался рассматривать дело, или выносил заочный приговор и сам немедленно приводил его в исполнение.

При наличии особого, установленного обычаем порядка ведения судебных дел, когда каждый казак, знающий что-нибудь относящееся к делу, мог свободно говорить, несмотря на шум и беспорядок, обстоятельства дела выяснялись настолько, что не оставалось места никаким сомнениям в справедливости вынесенного решения. При этом почти исключалась возможность привлечения ответчиком подкупленных свидетелей. Например, на суд хуторского схода являлся истец и просил присудить ему с ответчика за потраву урожая хлеба или травы определенную сумму денег, а ответчик отказывался. После бурного рассмотрения дела представитель большинства судей говорил: «Миритесь», диктуя при этом условия мира: «Ты — ответчик, заплати столько-то, а ты истец больше не требуй, потому что твоя потрава больше не стоит». В этих условиях мира суд хуторского схода и выражал свой приговор.

Не каждый решался пойти против воли всего общества, поэтому большая часть дел заканчивалась подобным миром. Стороны добровольно соглашались исполнить приговор суда, завершая его обрядом примирения (кланялись в ноги, целовались, покупали водку и т.п.), даже если они обе были недовольны вынесенным решением. Конечно, дела заканчивались миром и в обычном смысле этого слова, если истец и ответчик соглашались помириться без рассмотрения дела. Иногда истец отвечал ответчику: «Не желаю, как старики рассудят, так пусть и будет». После этого начинался разбор дела. Нередко обсудив гражданское дело, сход предлагал истцу самому исполнить решение суда. В случае, если ответчик «супорствовал», сход сам приводил свое решение в исполнение. В частности, если решали наказать ответчика денежным штрафом, то тут же на сходе требовали денег, а при их отсутствии — раздевали ответчика или отнимали у него какую-либо вещь, закладывали ее в кабаке и на

вырученные деньги покупали водки. После угощения судей водкой дело считалось решенным окончательно, и отказ от выполнения решения суда был для ответчика не только бессмысленным, но и позорным. Угощал водкой преимущественно ответчик. Наказание «напоем», то есть штрафом в виде покупки водки, действительно считалось очень тяжелым. Ответчик должен был поить целый сход в течение одного или нескольких дней, в зависимости от совершенного проступка.

На некоторых хуторах, когда невозможно было немедленно исполнить решение суда хуторского схода, заключались письменные мировые записи, в которых излагались условия примирения. Кроме того, в них всегда оговаривалось, что если какая-либо сторона подаст заявление в официальный суд по тому же делу, то должна заплатить противной стороне крупный штраф. То же наказание предусматривалось в случае обращения с заявлением в станичный суд, который обычно уже не рассматривал это дело.

На вопрос о том, как разрешались судебные споры между сторонами, донские казаки обычно говорили: «... больше решаем миром», «... все дела кончаем миром», «... стараемся склонить к миру» и т.п. Из таких ответов можно заключить, что обычные суды у донских казаков являлись лишь посредниками между сторонами, которые сами разрешали возникшие между ними спорные отношения, и что все дела в указанных судах оканчивались добровольным примирением сторон. Но подобное заключение было бы ошибочным и не соответствовало действительности.

На самом же деле, в большинстве случаев стороны добровольно исполняли или соглашались исполнить приговор суда. Обоюдного же, добровольного согласия разрешить возникший спор так, как разрешил его хуторской сход, между сторонами практически не бывало. Часто обе стороны были недовольны решением, однако они исполняли его здесь же на сходе и мирились между собой; но этим миром разрешалось не само спорное дело, которое уже до этого было разрешено судом хуторского схода, а те неприязненные личные отношения, которые возникли на фоне спорного дела. В данном случае мир не предшествовал разрешению дела, а следовал за ним.

При этом хуторской сход хотел из врагов сделать друзей, поэтому заставлял их примириться, «потоптать своего врага». Таким образом, тот «мир», которым разрешалось, по словам казаков, большинство дел в их обычных судах, не являлся добровольным и обоюдным соглашением сторон, направленным на разрешение возникшего спорного отношения, а представлял собой приговор с продиктованными донской казачьей общиной условиями мира.

Конечно, и на хуторских судах дела оканчивались миром в обычном смысле этого слова. Иногда стороны соглашались помириться так, как они хотят, а не так, как им предлагают. Речь идет о заключении между сторонами мировой сделки, основанной на договоре между ними.

Следует сказать, что в хуторских судах дел, оканчивавшихся примирением сторон, было несравнимо меньше, чем в станичных судах, куда потерпевший часто являлся вместе с вором и заявлял, что они между собой примирились, и станичный суд прекращал дело, не под-

вергая обвиняемого наказанию. Кроме того и сам станичный суд старался склонить стороны к примирению.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что в донских казачьих общинах санкционировалось к применению несколько вариантов процедур примирения сторон, что полностью соответствовало механизму действия норм обычного права у донских казаков во второй половине XIX века.

Обычным правом предусматривалась возможность для казаков, совершивших какое-либо правонарушение, полностью избежать наказания. Большею частью это касалось преступлений против общественной собственности.

«В Клетской и Кременской станицах, если гражданин провинится чем-либо перед обществом, то выходит на сход, становится на колени и говорит: “Честная станица, прости!” Станица непременно прощает. Но, много однако, находится таких из граждан, которые не просят прощение у станицы таким образом, предпочитая иногда разорительное взыскание и ответственность»¹⁴.

«Между тем как в других случаях общество наше не прочь щегольнуть щедростью, хотя бы, например, при взыскании штрафа с хищников-парубщиков, на которых пропадают сотни рублей по одному нашему сердоболю»¹⁵.

«Но если даже блюстители леса и ловили в своем участке самовольного порубщика, то дело о нем всегда отлагалось на неопределенное время до полного сбора, на котором порубщик, признавая за собою вину, выставлял обыкновенно свою нужду и оканчивал просьбу о прощении. Часто его поддерживал атаман и со своей стороны тоже просил о пощаде, как не разжалобиться станичникам, и вот общество в один голос отрежет: “В добрый час!”»¹⁶

«Несколько времени назад станичное общество уплатило в доход войска 567 рублей 39 копеек, следуемые с некоторых граждан станицы за распашку ими войсковой части аксайско-донского займища и зачислило на них эту сумму долгом станичному обществу. Несмотря, однако, на такую льготу, эти лица задумали было совсем отделаться от сказанного долга, почему и обратились к сбору с слезной мольбой. Сбор разжалобился и постановил совсем сложить долг, но окружной атаман не утвердил приговор, так как бюджет станицы и без того плох»¹⁷.

Возможность избежать наказания предоставлялась провинившимся казакам в период празднования Масляной недели, а также при проведении воскресных и праздничных станичных сходов. «Последний день, воскресенье, называется “прощальным днем”. Когда предстоит отъезд или отлучка обряд “прощания” совершается и в прочие дни Масляной. Обряд этот имеет умиротворяющее значение: провинившийся в чем-либо перед другим лицом идет первый с извинениями и первый делает поклон: если обиженная сторона отвечает тем же, то прежний разлад между ними прекращается, и почти никакое дело после того не доходит до суда»¹⁸.

«Воровство у нас все продолжается. Для искоренения этого зла наше станичное правление позаботилось составить приговор на удаление из среды граждан нескольких лиц, преимущественно заме-

ченных неоднократно в воровстве. Приговор прочитан и общество единогласно решило “в добрый час”. Из числа приговариваемых один К. С-в был на этом же сходе. В следующий затем праздничный день граждане были приглашены станичным атаманом на сход для общественных надобностей, как вдруг является К. С-в становится перед обществом на колени и со слезами просит о помиловании. Тут же был написан приговор и прочитан обществу. С-в берет каждого под руку и подводит к столу. Затем по окончании этой церемонии пошли гурьбою в ближайший кабак выпить “магарычи” и поздравить С-ва с радостью»¹⁹.

На вопрос о том, может ли указанный опыт примирения сторон в судопроизводстве по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX в. быть востребованным современным законодателем и правоприменителем, следует ответить утвердительно. Однако в настоящее время этот уникальный опыт не только не используется, но и практически не изучается, подтверждением чему может служить почти полное отсутствие серьезных научных исследований по данной проблеме.

В заключение, можно выразить пожелание, что когда-нибудь различные варианты использования примирительных процедур все-таки будут востребованы, как отражение этнических, национальных традиций и обычаев донских казаков.

Примечания

1. БЕНДА-БЕКМАНН Ф. фон. Правовой плюрализм в международном контексте. Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М. 2002; КАРБОНЬЕ Ж. Юридическая социология. Благовещенск. 1998.
2. САЙГИТОВ У.Т. Полиюридизм — оптимальная форма урегулирования общественных отношений. На примере Дагестана. — Закон и право. 2005, № 12, с. 35.
3. Там же, № 12, с. 36.
4. КУДРЯВЦЕВ М. Традиционные формы примирения в обычаях русского народа (из истории общинного самоуправления в России). — Вестник восстановительной юстиции. 2014, № 11, с. 64—74.
5. ЗЕР Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М. 2002; КРИСТИ Н. Конфликты как собственность. В кн.: Восстановительная ювенальная юстиции. М. 2007; ОППЕНГЕЙМЕР Г. Историческое исследование о происхождении наказания. М. 2012; ПРАНИС К., СТЮАРТ Б., УЕДЖ М. Круги примирения: от преступления к сообществу. М. 2010; РЕЦИНЖЕР С., ШЕФФ Т. Стратегия для общинных конференций: эмоции и социальные отношения. — Вестник восстановительной юстиции. 2004, № 3.
6. КУДРЯВЦЕВ М. Традиционные формы примирения в обычаях русского народа (из истории общинного самоуправления в России). — Там же. 2014, № 11, с. 64.
7. ВОВИНА О.П. Из истории изучения сельской общины и обычного права в 70—80-е годы XIX века (Программы Вольного экономического общества и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии). — Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб. 1993, вып. 1, с. 76—88; ЛАВРОВ В.К. К истории изучения обычного права в дореволюционной России. — Вестник С-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Политология. Социология. 1996, вып. 4; ЛАПТЕВА Л.Е. Исследования обычного права народов Российской империи в XIX веке. — Государство и право. 1997, № 8, с. 101—102.
8. ЯКУШКИН Е.И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Ярославль-М. 1875—1909, вып. 1—4.

9. ТИМОЩЕНКОВ И.В. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы. — Труды Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск. 1874, вып. 2.
10. ЕГО ЖЕ. Урюпинская станица и прилегающие к ней местности. — Донские областные ведомости. 1875, № 77—89.
11. ЕГО ЖЕ. Усть-Медведицкая станица и прилегающие к ней местности. — Донская газета. 1878, № 42—50.
12. ХАРУЗИН М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права. М. 1885, вып. 1, с. V.
13. КУДРЯВЦЕВ М. Традиционные формы примирения в обычаях русского народа (из истории общинного самоуправления в России). — Вестник восстановительной юстиции, 2014, № 11, с. 71.
14. ТИМОЩЕНКОВ И.В. Усть-Медведицкая станица и прилегающие к ней местности. — Донская газета. 1878, № 50.
15. КАМЕННОВ В. Из Распопинской станицы. — Донские областные ведомости. 1874, № 2.
16. ПОЛЯКОВ Р. Станица Гутнинская и ее темные леса. — Донские областные ведомости. 1874, № 33.
17. Приазовский край. 1900, № 200.
18. Из быта донецкого станичника. Масляная. — Донская газета. 1876, № 97.
19. Ч-Н И. Из Иской станицы. — Донские областные ведомости. 1874, № 47.

Доходы Русского государства от сибирской пушнины в XVII в.

В.Д. Пузанов

Аннотация. Вопрос о стоимости сибирской пушнины интересовал общество уже в XVII веке. Годовой доход казны от пушнины составлял от нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч рублей. Григорий Котошихин оценивал доход государственной казны от сибирской пушнины более чем в 600 тыс. руб., что составляло около трети всего бюджета Российского государства. Эти данные вызвали критику П.Н. Милюкова, который считал, что доход Сибирского приказа не превышал 150 тыс. руб. в год. Однако В.О. Ключевский, М.К. Любавский, Н.Н. Фирсов, Г.В. Вернадский и другие исследователи поддерживали данные Котошихина о величине сибирского ясака. В свою очередь взгляды Милюкова развивали историки Сибири С.В. Бахрушин и П.Н. Павлов. По данным доклада Сибирского приказа 1691 г., в 40—80 гг. XVII в. государство привозило из Сибири пушнину на сумму в 80—100 тыс. руб. в год.

Ключевые слова: пушнина, ясак, уезд, воевода, служилые люди.

Abstract. The question of the cost of Siberian furs was of interest to the public already in the 17th century. The annual income of the treasury from furs was estimated from several tens of thousands to several hundred thousand rubles. Grigory Kotoshikhin estimated the income of the state treasury from the Siberian furs in more than 600 thousand rubles, which was about a third of the total budget of the Russian state. These data aroused criticism of P.N. Miliukov, who believed that the income of the Siberian Order did not exceed 150,000 rubles a year. However, V.O. Kliuchevsky, M.K. Lyubavsky, N.N. Firsov, G.V. Vernadsky and other researchers shared Kotoshikhin's data on the magnitude of the Siberian yasak. In turn, the views of PN Milyukov were developed by Siberian historians SV Bakhrushin and PN Pavlov. According to the report of the Siberian order of 1691, in 40—80 years 17th century. From Siberia, the state brought furs in the amount of 80—100 thousand rubles a year.

Key words: fur, tax (yasak), district (uyezd), commander (voevoda), military people.

В научной литературе справедливо отмечается, что «сведениями о российском бюджете XVI—XVII вв., которые базировались бы на прочном фундаменте делопроизводства приказных учреждений Московского государства, мы почти не располагаем»¹. Это положение характерно также для доходов и расходов русской Сибири XVII в. и ее

Пузанов Владимир Дмитриевич — доктор исторических наук. Шадринский государственный педагогический университет. E-mail: Alan1971@bk.ru.

Puzanov Vladimir D. — doctor of historical sciences. Shadrinsk State Pedagogical University. E-mail: Alan1971@bk.ru.

места в общем бюджете Русского государства. При этом известно, что в бюджете России пушнина играла особую и очень значительную роль. По данным австрийского посла барона фон Герберштейна, посетившего Москву в 1517 и 1526 гг. и хорошо знакомого с русской жизнью, пушнина, особенно дорогая, доставлявшаяся из северных областей России и Сибири, была важнейшим продуктом внутренней и внешней торговли. В самой России меха, «которые у них в изобилии», по его замечанию, традиционно играли важную роль в торговых операциях, часто выступая заменой драгоценных металлов — золота и серебра, которые в стране еще не добывались². К началу XVI в. пушнина и воск были основными продуктами вывоза из Русского государства в Германию, Литву и Турцию. Русские экспортировали и другой северный продукт — «рыбий зуб» (клыки моржа)³.

В конце XVI в., после присоединения Сибири к Русскому государству, роль пушнины в хозяйстве страны только увеличилась. Годовой доход казны от пушнины составлял от нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч рублей. Наибольшую известность в Европе XVII в., а затем и в российской историографии получили данные бежавшего в 1664 г. в Польшу, а затем в Швецию подьячего Посольского приказа Григория Котошихина, который хорошо разбирался во многих вопросах русской жизни XVII в., в том числе, и в политике Русского государства в Сибири. Он отмечал, что «присылается из Сибири царская казна, ежегодно, соболи, мехи соболю, куницы, лисицы черные и белые, горностаи, белка в розни и мехами, бобры, рыси, песцы черные и белые, и зайцы, и волки, бабры; барсы»⁴. В целом, Котошихин оценивал доход государевой казны от сибирской пушнины более чем в 600 тыс. руб., отмечая, впрочем, «сколко числом тое казны придет в году, того описати не в память, а чаять тое казны приходу в год болши шти сот тысяч рублев»⁵. При этом другие доходы Русского государства, собиравшиеся приказами, кроме денег, отданных на расходы в городах, составляли, по его данным, только 1311 тыс. руб. «окромя Сибирские казны»⁶.

Таким образом, согласно Котошихину, доходы от сибирской пушнины в середине XVII в. составляли около трети всего бюджета Российского государства. Эти данные получили распространение в Западной Европе, в первую очередь в Швеции, уже в 70-х гг. XVII века. Так, участник шведского посольства в Россию 1673—1674 гг. Кильбургер оценивал доходы Русского государства от Сибири в 600 тыс. руб., опираясь на данные Котошихина, который посетил Швецию и дал там консультации по вопросам политики и жизни Русского государства. Кильбургер отмечал, что «Сибирь занимает большую часть русского царства», и «в Москве говорят, как верное, что она приносит ежегодно до 600 тыс. рублей, чему без сомнения способствует соболина ловля»⁷.

Надо отметить, что в XVII в. иностранцами были оставлены и другие оценки государственных доходов от пушнины Сибири. Так, еще до бегства Котошихина в Европу, в 1653 г. шведский представитель в России Иоганн де Родес в докладе, предназначенном для королевы Швеции Христины, оценил общий доход казны Русского государства от всей пушнины в 20—30 тыс. руб. в год, который складывался как из налога десятины, налагаемого на частных торговцев, так

и из других источников. По данным Родеса, пушнина, кроме соболей, добывалась по всей России, особенно в Казанской области, но основные доходы поступали от сибирской пушнины — «больше всего и наилучшие меха добываются в Сибири, как-то соболи, куницы, черные, красные и белые лисицы, рыси, белки, горностаи и норки»⁸.

Позднее, в 1675 г., сотрудник посольства Нидерландов Бальтазар Койэтт именовал Сибирь «золотое дно его царского величества». По его данным, «в Сибири есть река, называемая Лена, которая ежегодно доставляет налогов соболями на 90 000 рублей или дукатов». По сведениям Б. Койэтта, только из района р. Лены Якутского уезда правительство получало дохода на сумму в 90 000 рублей⁹.

Значение территорий по р. Лене во второй половине XVII в. отмечалось и русскими авторами. Так, Котошихин сообщал, что к середине XVII в. лучшие соболи добывались в Восточной Сибири на р. Лене: «И ныне самых добрых соболей от Москвы в ближних городех звериной лов помешался, а ловят соболи середине и плохие, потому что многие звери отпужаны и умалелось; а доставают самые добрые соболи и иные звери в самых далних отстатних Сибирских городех, на Лене; и от того соболи почали быть перед старою ценою дороже»¹⁰.

Однако наиболее известной стала именно оценка, данная Котошихиным. В результате, без специальных исследований по этой теме его данные о роли сибирской пушнины в российском бюджете, как и многие другие сведения беглого подъячего Посольского приказа были приняты на веру. Так, например, именно данные Котошихина, в том числе о 600 тыс. руб. в качестве доходов от сибирской пушнины, были приведены в работе по истории русского права М.Ф. Владимирского-Буданова¹¹.

Первым с критикой сведений Котошихина о величине сибирского ясака выступил П.Н. Милюков, который изучал финансовое хозяйство России в эпоху Петра I и в эпоху до реформы XVII века. Милюков нашел данные о доходах казны от сибирской пушнины, но, к сожалению, только по отдельным годам. По мнению исследователя, «быстрый рост ясачного сбора» объяснялся присоединением новых земель Сибири в это время. По данным ученого, в 1635 г. пушнина Сибири принесла казне 63 518 руб., в 1640 — 81 648, в 1644 — 102 021, при этом оклад составлял 143 610 рублей. В 1680 г. Сибирский приказ собрал 102 026 руб., в 1698 — 143 676, в 1699 г. — 131 522 рублей. Причем, эти суммы состояли не только из доходов от сбора ясака. Так, в 1698 г. сбор пушнины составил 103 467 руб., а остальные 40 209 руб. были таможенными доходами Сибири. В доходах 1699 г. сибирская пушнина составила сумму в 74 983 руб., а таможенные доходы выросли до 56 539 рублей. В целом, по данным Милюкова, «в среднем доход Сибирского приказа в XVII в. вряд ли был более 150 000 руб.». Из этой суммы доход от сибирской пушнины редко достигал и 100 тыс. рублей. Ученый полагал, что «показание Котошихина» о доходах казны от Сибири в 600 000 руб. «нужно признать совершенно неверным»¹².

Однако данные Милюкова не оказали большого влияния на историков даже Московской школы, к которой принадлежал исследователь. Даже В.О. Ключевский, научный руководитель магистерской диссертации Милюкова, в лекции, посвященной финансам Московского государства XVII в., привел данные как Милюкова, так и Ко-

тошихина о доходах казны в 1660-е гг. от сибирской пушнины в 600 тыс. руб., как достаточно достоверные¹³.

Другие исследователи как бы не заметили выводов Милюкова о более скромной роли сибирской пушнины в бюджете Русского государства XVII века. Так Любавский — ученик Ключевского (так же как и Милюков) — в известном курсе лекций по исторической географии России, изданном автором в 1909 г., отмечал, что сибирская пушнина стала «большим подспорьем для московского государственного казначейства» уже с царствования Фёдора Ивановича, а позднее, «по свидетельству Котошихина, при Алексее Михайловиче из Сибири поступило разнообразных мехов в царскую казну на сумму в 600 тыс. рублей, т.е. по нынешнему миллионов на 9 рублей»¹⁴.

В дальнейшем доверие исследователей к показаниям Котошихина о громадном доходе Русского государства от сибирской пушнины еще больше выросло, а выводы Милюкова о величине сибирской пушнины в бюджете были подвергнуты критике в историографии. Так, в 1921 г. Н.Н. Фирсов полагал, что данные Милюкова, отрицающие сообщение Котошихина о выручке казны от сибирской пушнины, сами нуждаются в проверке — «полны ли те “сметные списки”, которые послужили почтенному исследователю цифровым материалом для его утверждения»? По мнению исследователя, «едва ли такой деловой и знающий человек, каким был бывший подъячий Посольского приказа, так на много мог ошибиться, как это выходит, если принять приводимые г. Милюковым канцелярские данные»¹⁵.

Крупнейший исследователь российской истории в эмиграции Г.В. Вернадский тоже с доверием принял данные Котошихина и с большим сомнением — критику этих данных Милюкова. Историк отмечал, что «оценка ежегодного дохода от сибирских мехов», данная Котошихиным, в 600 тыс. руб. значительно превосходит сумму, отмеченную Милюковым в 102 тыс. рублей¹⁶. Вернадский характеризовал Котошихина как «хорошо осведомленного чиновника Посольского приказа» и поддержал достоверность его данных по стоимости ясака Сибири, защитив от критики Милюкова и Раймонда Фишера, который полагал, что эта цифра ошибочна и появилась в результате «бездоказательных воспоминаний». Вернадский отмечал, что весь труд Котошихина — это результат его воспоминаний, при этом «Котошихин откровенно утверждал, что он не помнит точной цифры разновидностей собираемых шкур». В результате — полагал Вернадский — «мы еще в большей степени можем доверять приведенной им цифре денежного выражения ценности сибирских пушных сокровищ», так как цифру в 600 тыс. руб. «ему легко было запомнить»¹⁷.

Историки Сибири — С.В. Бахрушин, а позднее П.Н. Павлов — в результате работы с материалами Сибирского приказа пришли в целом к цифрам, близким к тем, которые приводил Милюков. Бахрушин справедливо отмечал, что пушнина была «запасным золотым фондом» Русского государства, откуда брали средства на жалование, торговые операции и подарки иностранным правителям. Всего, по оценке Бахрушина, «общая стоимость мягкой рухляди, поступавшей из Сибири в казну», в XVII в. составляла в среднем 100—150 тыс. рублей¹⁸. Позднее Павлов оценивал доходы сибирской казны в 7—8% государственного бюджета, отмечая: «и все же, учитывая малочис-

ленность населения Сибири, удельный вес меховой казны надо признать огромным»¹⁹.

Однако именно оценка Котошихина роли сибирской пушнины в российском бюджете была принята в советской историографии. Так, в статье Н.П. Ерошкина «Финансы в дореволюционной России и СССР» в «Советской исторической энциклопедии» в качестве доходов от сибирской пушнины были указаны данные Котошихина — 600 тыс. рублей²⁰. Эти данные без критики приводятся и в разделе Л.Н. Вдовинной, посвященном охоте и другим добывающим промыслам России в XVII в., в фундаментальном труде по истории русской культуры²¹.

К сожалению, до нас не дошли материалы Сибирского приказа с данными о сборе и оценке государевой пушнины за всё время добычи. В итоге остаются открытыми вопросы о стоимости сибирской пушнины и значении сибирских доходов в бюджете Русского государства XVII века. В этой связи важное значение представляет доклад Сибирского приказа 1691 г., в котором дается общая оценка дохода казны от поступления сибирской пушнины, а также отмечается, на какие цели направлялась пушнина в государственных расходах. В 1691 г. к государю обратились с челобитной служилые люди «всяких чинов» Тобольска и всех сибирских городов, которые жаловались, что служат они «всякие службы тяжелые... ходят зимою на лыжах и нарты на себе таскают, и будучи на тех службах всякую нужду и бедность терпят и кору и всякую скверность едят и тем души свои сквернят, и детей своих бухарцом и татарам некрещеным закладывают»²². При этом, по данным челобитной, за службы из Сибирского приказа «посылают денег и товаров малое число» — меньше, чем полагалось по окладам. В результате частых «недодач» «против их полных окладов» служилые люди «оскудали и одолжали великими долгами». Служилые люди просили выплатить полное государево жалование на 1690—1691 г., чтобы им «в дальней государевой вотчине в Сибири без жалования в конечной скудости не быть и великих государей служб не отбыть» и выкупить своих детей у иноземцев.

Сибирский приказ составил доклад по челобитной, в котором содержались важные данные относительно государственного хозяйства Сибири. По данным Сибирского приказа, к 1691 г. в Сибири имелось 8916 жалованных людей, служилых людей, ружников и обротчиков. В год им по окладам полагалось жалование в 53 995 рублей. Кроме того, на различные неокладные расходы в Сибири требовалось в год 15 208 рублей. Таким образом, всего в год на окладные и неокладные расходы в Сибири правительству необходимо было тратить 69 203 рубля²³. По данным доклада, к этому времени из уездов Сибири правительство собирало около 18 000 руб. в год различных доходов, кроме главного — ясачной пушнины. Таким образом, каждый год в Сибирь требовалось присылать около 51 000 руб. для платы жалования служилым людям и на другие расходы. Однако эти деньги поступали не в полном объеме. В результате, за 18 лет — с 1673 по 1691 г. — правительство не выплатило денежного жалования в оклады служилым людям Сибири на значительную сумму в 143 000 рублей²⁴.

В Сибирский приказ не поступали деньги, собранные в городах Сибири, которые в них и расходовались. В приказ присылали «натуральные сборы с населения, главным образом меха». Большие запасы

пушнины привозились в приказ и затем расходовались по царским указам ²⁵. Надо отметить, что даже в столице Сибири — в разрядном центре Тобольске — воеводы постоянно жаловались на недостаток денег для содержания служилых людей, других групп, получавших государево жалование, и вообще решение самых важных задач управления краем Сибири с первых десятилетий XVII века. Денег на выплату жалования в Сибири не хватало в Смуту и в 20-е гг. XVII века. В это время воеводы занимали деньги и хлеб на жалование у торговцев. По данным Н.И. Никитина, «расходы на содержание ратных людей в течение всего XVII в. составляли в большинстве городов главную, а в некоторых — почти единственную статью расходов» ²⁶. В материалах Сибирского приказа часто отмечается недостаток денег у воевод на самые важные нужды. Так в 1626 г. назначенные воеводы Тобольска — князь А.А. Хованский и М.А. Вельяминов — просили государя Михаила Фёдоровича выслать дополнительно 5821 руб. на прибавку жалования архиепископу Сибири, служилым людям, ружникам и обротчикам и средства на подмогу крестьянам, указывая, что на это нет денег в казне города. Михаил Фёдорович распорядился послать в Сибирь 6000 рублей. 6 января 1628 г. по царскому указу в Тобольск было прислано денег по пометному списку из Казани «на всякие сибирские расходы» 5966 руб. 31 алтын. Однако эти деньги были быстро истрачены ²⁷.

23 марта 1628 г. в Тобольск приехали новые воеводы: князь А.Н. Трубецкой и И.В. Волынский-Птица, которые обнаружили в городской казне только 1350 руб. 6 алтын 4 деньги, присланных из Казани для отправки экспедиции Якова Хрипунова в Восточную Сибирь для поиска металлов, «а тобольских твоих государевых никаких денежных доходов мы, холопы твои, не заехали и одной деньги, потому что которые твои государевы денежные доходы до нашего холопей твоих приезде в Тобольске были собраны по сметному списку и те твои государевы денежные доходы вышли в расход сибирским служилым людям в твое годовое денежное жалование для твоих государевых служб и посылок и на всякие неокладные расходы до нашего холопей твоих приезде» ²⁸. Позднее, 17 сентября 1628 г., воеводы Тобольска писали царю, что они не могут выполнить царский указ в Тобольске и во «всех сибирских пашенных городах и острогах и в слободах строить государеву пашню», приглашая пашенных крестьян и давая им подмогу «против прежних твоих государевых пашенных крестьян», так как в Тобольске в государевой казне осталось «подможных денег всего 15 рублей и пашенных крестьян подзывать на твою государевую пашню нечем». По данным воевод, ранее в Тобольск присылалось по государеву указу денег для пашенных крестьян из Казани по 800 и по 1000 руб. на год. Воеводы отмечали, что в 1628 г. в государевой казне Тобольска нет денег даже для выплаты жалования служилым людям, «а из сибирских денежных доходов тем новым крестьянам денег на подмогу дать нечего, потому что и служилым людям твоего государева жалования дать сполна нечего» ²⁹.

30 сентября 1628 г. воеводы писали, что в пометном списке, посланном князем Андреем Хованским в 1628 г., к денежным доходам сибирских городов и острогов прошлых годов на всякие окладные и неокладные расходы помечено дослать денег 17 878 руб. 2 алтына, а

из Казани по пометному списку было послано всего 5966 руб. 31 алтын, и те государевы деньги были розданы тобольским и других сибирских городов служилым людям в государево денежное жалование, в результате в городах образовалась значительная недостача за 1626—1627 год. Воеводы просили на 1627—1628 г. дослать в Сибирь на жалование служилым людям 11 911 руб. 4 алтына, но не получили ответа. Трубецкой и Волынский были вынуждены раздать деньги, оставшиеся от экспедиции Хрипунова, на жалование служилым людям на 1627—1628 и 1628—1629 гг. по причине того, что к их приезду «твоего государево денежного жалования не додано и в города не дослано». На царское имя «безпрестанно бьют челом» о денежном жаловании Макарий, архиепископ Сибирский и Тобольский, ружники, и «всякие служилые люди, да изо всех сибирских городов и острогов пишут ко мне холопу твоему в Тобольск воеводы, что в тех городах твоего денежного жалования на нынешний 7136 г. служилым людям для твоих государевых служб и посылок и тем служилым людям, которые остаются за службами, ружником и оброчником дать им нечего». Служилые люди писали, что «без государева жалования им служилым людям твоих государевых служб служить за бедностью невозможно»³⁰.

Особенно тяжелое положение с жалованием служилым людям сложилось в Томске. В сентябре 1628 г. воевода Томска писал в Тобольск, что они «приходят в съезжую избу, бьют челом великому государю, чтоб ты их пожаловал велел им дать свое государево недодаточное денежное жалование» за 1626—1627 и 1627—1628 гг., угрожая покинуть город, «говорят только не дать им государево денежного жалования и им неотлучно нынешней весны 1628 г. из Томского города брести розно». Воевода хотел починить острог Томска, но служилые люди отказались «без твоего денежно жалования им города и острога делать нечем» Воевода отмечал: «в твоей государевой казне денежных доходов нет», челобитчики из Томска прибыли в Тобольск³¹.

Сибирских доходов не хватало на жалование, и в Тобольск часто направлялись средства из доходов Казанского дворца. Сибирский приказ постоянно занимал там крупные суммы для выплаты жалования и на другие расходы, к 1639—1640 гг. долг достиг 45 тыс. рублей.³² Проблемы с выплатой жалования служилым людям продолжались и в середине XVII века. Так, 18 марта 1652 г. из Москвы в Тобольск было прислано только 2 000 руб. в добавку к доходам города для дачи на жалование служилым людям. В результате, служилые люди получили небольшую часть своих окладов — от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$. Однако после этой раздачи денег в казне больше не было. Из городов Поморья не прислали денег за хлебные запасы, которые ранее привозили в Сибирь. В результате этого воеводы не могли взять денег на нужды разряда. В апреле 1652 г. воевода Тобольска писал в Москву, что денег в казне города нет, а служилые люди приходят к ним и требуют выплаты жалования³³.

Некоторое улучшение ситуации произошло в конце 50—60-х гг. XVII в., когда в Тобольск государство отправило крупные суммы медных денег, на которые были организованы полки «иноземного строя» — полк рейтар и полк солдат. Однако после отмены медных денег их пришлось распустить, и финансовое положение старых служилых

людей ухудшилось. По мнению Никитина, благополучное положение с выдачей жалования в уездах Тобольского разряда продолжалось до 60-х гг. XVII в., затем произошли изменения: «ухудшение государственного обеспечения сибирских гарнизонов проявлялось, прежде всего, в практике замены денежного жалования товарами» (тканями и припасами), однако и товаров не хватало для выплаты всей суммы³⁴. Позднее служилые люди Сибири получали жалования в оклады еще меньше. Особенно тяжелым стало положение служилых людей в начале XVIII века. В это время расходы Сибирского приказа на содержание гарнизонов с приказными людьми и ямщиков составляли 68 000 руб. в год³⁵. Так, в январе 1712 г. служилым людям Тобольска полагался годовой денежный оклад в 13 053 рубля. В 1711 г. из Москвы было выслано 150 руб. деньгами и на 4373 руб. товаров — всего 4523 рубля. Кроме того, на жалование разрешалось взять 306 руб. из казны Тобольска. Всего на жалование планировалось направить деньгами и товарами 4829 рублей³⁶. В результате оклады служилых людей Тобольска были оплачены всего на 37%. Служилым людям Тары полагалось в оклады 4 871 рубль. Из Москвы было выслано 91 руб. и товаров на 1407 рублей³⁷. Кроме того, на 2200 руб. были посланы товары из Тобольска. В результате было выдано денег и товаров на 3700 руб. — 76% окладов. В Берёзове служилые люди имели оклады, общей суммой 1773 рубля. Из Москвы было послано 47 руб. и товаров на 410 руб. — всего 26% оклада. В Сургуте оклады служилых людей составляли 1083 рубля. Из Москвы прислали 29 руб. и на 210 руб. товаров — 22% окладов. Всего из Москвы в Сибирь было послано на жалование 811 руб. и товаров на 12 365 рублей. Кроме того, в городах Сибири из доходов было приказано выдать 1306 руб., ткани на 4893 руб., хлеба на 422 руб. — всего на 6621 рубль. Для жалования было послано 19 797 рублей³⁸. Кроме того, планировалось направить товаров на 2380 руб. из казны купцов. Однако и в этом случае, по данным администрации, сумма жалования служилым людям оказалась на 10 796 руб. меньше, чем в 1710 году. Проблемы с деньгами заставляли Сибирский приказ выдавать часть жалования товарами. Служилые люди Тобольска еще в 1652 г. жаловались на то, что часто половину жалования им приказывают взять товарами. При этом они проигрывали в цене. К началу XVIII в. только 10% жалования платилось деньгами.

Главный доход от Сибири казна получала при продаже ясачной пушнины. По данным доклада Сибирского приказа 1691 г., из Сибири привозили «соболоиной казны и всякой мягкой рухляди» в год на суммы в 80 000, 90 000 и 100 000 рублей³⁹. Эти сведения относятся к 40—80-м гг. XVII в., когда администрации удалось добиться выплаты ясака с громадных пространств Восточной Сибири. Благодаря исследованиям Бахрушина и Павлова, были найдены данные по сбору ясачной пушнины за отдельные годы XVII века. Так, в 1613 г. удалось собрать государевой пушнины на 20, 2 тыс. руб., в 1627 — на 27 тыс., в 1628 — на 32 тыс., в 1629 — на 34, 6 тыс., в 1642 — на 74, 8 тыс., в 1657 — на 92 тыс., в 1658 — на 95,5 тыс., в 1698 — на 60 тыс., в 1699 г. — на 60 тыс. рублей⁴⁰. Эти данные имеют большое значение, несмотря на неполноту сведений. Материалы доклада Сибирского приказа 1691 г. позволяют окончательно заполнить лакуны между

отдельными годовыми данными по вопросу о цене собранной ясачной пушнины. В 40—80-х гг. XVII в. из Сибири привозили пушнины на 80—90 тыс. руб. в год. В 90-е гг. XVII в. произошло уменьшение добычи ясачной пушнины до 60 тыс. руб. в год в результате массового истребления пушного зверя за Уралом. В 1690 г. из Сибири привезли ясачной пушнины всего на 58 762 рубля⁴¹. Правительство для защиты поступления ясака в конце XVII в. ввело государственную монополию на торговлю пушниной в Сибири.

Оценка Иоганна де Родеса доходов Русского государства от пушнины в 20—30 тыс. руб. в год может быть признана верной, но только для первых десятилетий XVII в., к 1653 г., когда Родес представил эти данные королеве Христине, они уже сильно устарели и не отвечали доходам от ясачной пушнины того времени. Московское государство умело хранить тайны от иностранцев. Данные Котошихина наоборот являются сильно завышенными.

Данные доклада 1691 г. о величине годового дохода казны от сибирской ясачной пушнины в 80—100 тыс. руб. подтверждаются и более поздними материалами по ясаку Сибири в XVIII веке. В 1730-е гг. там с 42 426 плательщиков ясака правительство собрало только 76 481 рубль. По данным переписи 1753—1756 гг., в Сибири, кроме Камчатки и Охотского уезда, где ясачные люди восстали против правительства, было учтено 98 412 чел. муж. пола, на которых был наложен ясак в 126 439 рублей. К 1769 г., по новой переписи, было найдено 133 945 ясачных людей муж. пола и положен ясак в 157 128 рублей⁴².

Представляют интерес данные доклада Сибирского приказа 1691 г. по расходу сибирской пушнины. Котошихин отмечал, что пушнина Сибири используется для многих важных дел — «та казна посылается во окрестные государства и к potentatom в дарех, и платять Персицким и Греческим купчинам и купетцким людем за товары, и кому что будет от царя приказано дати. А когда бывает той казне умножение, а расход бывает малой, продают торговым и всякого чину людем и дают в долг с поруками, по указной цене, а цену на них кладут они что чего стоит; а которой год лову и привозу тем зверям за чем бывает иных годов менши, и тогда соболей не продают и цену накладывают свыше прежнего, с царского повеления. Да что присылается в Казанской Дворец мяхкие рухляди, и то отдают в Сибирской же Приказ; а что той казны будет продано, и те денги выдают на всякие расходы и на жалованье подьячим и сторожем»⁴³. Борец за славянское единство и глубокий знаток русской жизни Юрий Крижанич, проживший 15 лет в ссылке в Тобольске, отмечал, что именно в Южной Европе русские меха пользовались большим спросом — «...турки и греки охотно покупают соболей и другие дорогие меха, которые немцы не очень любят»⁴⁴. Интересно, что в России XVII в. дорогие соболя меха носили даже представители низов, но, по мнению Крижанича, не очень удачно — турки, греки и поляки надевали соболий мех для украшения на шапки и воротники, «а русские люди, даже низшего сословия, подбивают соболями целые шапки и целые шубы, но так неудачно, что снаружи ничего не видно, и таким образом они делают большие расходы совершенно всуе, поскольку эта отделка остается скрытой и нисколько их не красит»⁴⁵.

По данным доклада 1691 г., значительная часть сибирской пушнины — на 40—50 тыс. руб. — отдавалась в «купецкую палату для продажи и мены». Из этой пушнины в год удавалось продать или обменять товара на сумму в 20—30 тыс. рублей. Однако такое количество пушнины не могли привозить каждый год. В конце XVII в. добыча ясачной пушнины из Сибири заметно снизилась. В итоге из этой «государевой казны» в купецкую палату было отдано товара всего на 16 тыс. руб., а там продать и выменять на товары пушнину удалось всего на 11 200 рублей. Из этой суммы 4 200 руб. было издержано «на всякие расходы» Сибирского приказа и осталось денег и товаров всего на 7 тыс. рублей⁴⁶. В 1690 г. большая часть пушнины Сибирского приказа на сумму в 46 500 руб. «новой и старой казны» — в том числе и присланная ранее 1690 г. — была отпущена в государевы мастерские палаты. Крупные партии пушнины на сумму в 15 тыс. руб. пересылались в Посольский приказ, Иноземский приказ и Разряд на жалование ратным людям, старцам в монастыри Палестины и грекам для выкупа русских пленных⁴⁷. Таким образом, всего в 1690 г. на различные государственные цели было отправлено пушнины на сумму в 61 500 руб., «а в иных годах и больше», как отмечает доклад. Правительство использовало пушнину Сибири для важных государственных дел. Меха отправляли запорожским черкасам и в качестве жалования донским казакам. Кроме того, много пушнины отпускалось торговым людям.

В 1691 г. в приказ было привезено пушнины на 77 365 руб. по сибирской цене. Кроме того, имелись запасы «соболей и иной рухляди» прошлых лет на 12 тыс. руб. и 450 пудов моржового зуба на 13 500 рублей. Всего резервы Сибирского приказа в 1691 г. состояли из пушнины и других товаров на 102 865 рублей. В 1690 г., по государеву указу, из приказа Большой казны планировалось послать в Сибирь служилым людям 45 000 рублей. Однако в реальности удалось собрать 20 000 рублей. В результате, вопрос о жаловании на 1691 г. был отдан на решение великих государей. 18 января 1691 г. Иван Алексеевич и Пётр Алексеевич решили отправить на 1691 г. в Сибирь на жалование служилым людям из приказа Большой казны 15 000 руб. к сибирским доходам⁴⁸. В это время на востоке Сибири, в Нерчинске, находились отряды служилых людей годовальщиков, посланных для защиты края от Китая. 13 февраля 1691 г. государи решили выслать для них дополнительно 5000 рублей. Кроме того, было решено отправить на восток товары для жалования ружникам и обротчикам. Таким образом, даже после рассмотрения вопроса о жаловании государями Иваном Алексеевичем и Петром Алексеевичем, служилые люди могли получить только часть денег по своим окладам.

Однако возникает вопрос, откуда же взялась сумма в 600 тыс. руб. в качестве дохода от сибирской пушнины, приводимая Котошихиным? На протяжении XVII в. большая часть поступавшей из Сибири пушнины собиралась не государством в качестве ясака, а частными лицами — «промышленными людьми». Государство учитывало и эту частную пушнину, получая с нее десятую часть в качестве таможенной пошлины. В общем объеме сибирской пушнины частная пушнина составляла в 20—50-х гг. XVII в. очень крупную величину — от 65 до 74%. В 40—60-е гг. XVII в. добыча ясачной и частной пушнины

увеличилась ⁴⁹. Так, в 1642 г. было добыто пушнины на 263 тыс. руб. (из них на 42 тыс. руб. ясачной и 221 тыс. частной), в 1657 — на 262 тыс. (из них на 63 тыс. руб. ясачной и 199 тыс. руб. частной), в 1658 — на 278 тыс. (из них на 65 тыс. руб. ясачной и 213 тыс. руб. частной). В целом, до 70-х гг. XVII в. происходил рост поступлений пушнины в казну за счет обложения новых групп ясачных людей. В конце XVII в. добыча частной пушнины сократилась, как отмечал Павлов, по причине «резкого сокращения численности соболя и других ценных зверей пушные промыслы сделались невыгодными для русских» ⁵⁰. Кроме того, существовала разница, часто довольно большая, между приемной ценой, по которой пушнина принималась в уездах у ясачных людей, и московской разборной ценой сибирской пушнины, которая достигала от 5 до 90%. По данным Сибирского приказа, предназначавшимся для Сената, еще в 50-е гг. XVIII в. в большей части уездов Сибири оценка ясачной пушнины была в половину стоимости, «что те звери действительно стоят и между партикулярными людьми и купечеством покупаются» ⁵¹.

Эти очень большие для середины XVII в. суммы годовых поступлений государственной и частной пушнины в Россию, видимо, широко обсуждались среди чиновников не только Сибирского приказа, но и других приказов Москвы. Для небогатого бюджета Русского государства XVII в. сибирские доходы от пушнины казались современникам просто огромными. Так, по подсчетам Д.В. Лисейцева, общий бюджет Русского государства в конце правления Михаила Фёдоровича составлял только 875 тыс. рублей ⁵². Котошихин во время службы в Посольском приказе в Москве помнил общий порядок доходов, полученных из Сибири, но в эмиграции он по памяти объединил предельные доходы казны и частных лиц и еще увеличил их в 2 раза и всю эту сумму представил доходом исключительно государства.

Примечания

1. ЛИСЕЙЦЕВ Д.В. Государственный бюджет Московского царства рубежа 1630—1640 гг. Опыт реконструкции. — Российская история. 2015, № 5, с. 25.
2. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Записки о Московии. Т. 1. М. 2009, с. 273.
3. Там же, с. 277.
4. КОТОШИХИН Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1884, с. 104.
5. Там же, с. 104.
6. Там же, с. 138.
7. КУРЦ Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев. 1915, с. 170.
8. ЕГО ЖЕ. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М. 1914, с. 161.
9. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Фёдору Алексеевичу. СПб. 1900, с. 340.
10. КОТОШИХИН Г. Ук. соч., с. 105.
11. ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ М.Ф. Обзор истории русского права. М. 2005, с. 250.
12. МИЛЮКОВ П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб. 1905, с. 113.
13. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Сочинения в 9 томах. Курс русской истории. Т. 3. М. 1988, с. 221.
14. ЛЮБАВСКИЙ М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб. 2000, с. 229.

15. ФИРСОВ Н.Н. Чтения по истории Сибири. М. 1921, с. 38.
16. ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Московское царство. Тверь-М. Т. 2. с. 376.
17. Там же, с. 68.
18. БАХРУШИН С.В. Научные труды. Т. 4. М. 1959, с. 53.
19. ПАВЛОВ П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск. 1972, с. 101.
20. Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М. 1974, с. 130.
21. Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. Материальная культура. Государственный строй. М. 1979, с. 67.
22. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 214, ст. 1110, л. 153.
23. Там же, л. 154.
24. Там же, л. 155.
25. Очерки истории СССР. XVII в. М. 1955, с. 373.
26. НИКИТИН Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск. 1988. с. 117.
27. РГАДА, ф. 214, ст. 16, л. 206.
28. Там же, л. 237.
29. Там же, л. 168.
30. Там же, л. 241.
31. Там же, л. 201.
32. ЛИСЕЙЦЕВ Д.В. Ук. соч., с. 13.
33. РГАДА, ф. 214, ст. 408, л. 230—232.
34. НИКИТИН Н.И. Ук. соч., с. 121.
35. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., с. 114.
36. РГАДА, ф. 214, кн. 1512, л. 21.
37. Там же, л. 23.
38. Там же, л. 25.
39. Там же, ст. 1100, л. 155.
40. ПАВЛОВ П.Н. Ук. соч., с. 133.
41. РГАДА, ф. 214, ст. 1100, л. 155—156.
42. ТРОИЦКИЙ С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М. 1956, с. 147—148.
43. КОТОШИХИН Г. Ук. соч., с. 105.
44. КРИЖАНИЧ Ю. Политика. М. 1965, с. 390.
45. Там же, с. 469.
46. РГАДА, ф. 214, ст. 1110, л. 155—157.
47. Там же, л. 171.
48. Там же, л. 159.
49. ПАВЛОВ П.Н. Вывоз пушнины из Сибири в XVII в. Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск. 1962, с. 130.
50. Там же, с. 130—138.
51. ПАВЛОВ П.Н. Вывоз пушнины..., с. 132; ТРОИЦКИЙ С.М. Ук. соч., с. 146.
52. ЛИСЕЙЦЕВ Д.В. Ук. соч., с. 25.

Колониальное прошлое Бельгии

Г.М. Сидорова, И.К. Харичкин

Аннотация. В работе исследуются проблемы колониальных захватов XIX в. на примере Бельгии. Именно тогда европейцы стали активно интересоваться Африканским континентом и проникать вглубь центрального региона Африки. В борьбе за бассейн реки Конго наибольшего успеха достигла Бельгия, благодаря политическим спекуляциям короля Леопольда II. В работе анализируется коллективная политика европейских держав за передел границ Африки, превративших центральную Африку в своего рода Клондайк времен Золотой лихорадки в США. Иллюстрацией затронутых проблем служит анализ переписки колониальных деятелей, а также другие сохранившиеся документальные материалы. Публикация базируется на документах из архива Бельгийского королевского музея Африки, а также Национального архива Демократической Республики Конго.

Ключевые слова: Африка, Бельгия, Независимое Конго, колониализм, колониальные выставки, метрополия, природные ресурсы, национально-освободительная борьба.

Abstract. The problems of colonial conquest of the XIX century are disclosed in the article on the example of the Kingdom of Belgium. That's when the Europeans began to take an active interest in the African continent and to get deeper into the central region of Africa. In the struggle for the Congo Basin of the Congo river, Belgium, thanks to the political speculations of King Leopold II, achieved the greatest success. The European collective policy of the redefinition of the African borders, that can be described as some kind of Klondik Gold Rush in the USA, is analyzed in the work. The publication is based on archival sources, which were got in the archives of the Belgian Royal Museum for Central Africa, as well as the National Archives of the Democratic Republic of the Congo.

Key words: Africa, Belgium, Independent Congo, colonialism, colonial exhibitions, metropolis, natural resources, struggle for national liberation.

В конце XIX в. раздел мира между великими державами был почти завершен, а фонд «ничейных» земель быстро сокращался. В то время

Сидорова Галина Михайловна — доктор политических наук, заведующая кафедрой Московского государственного лингвистического университета, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: gal_sid@mail.ru; *Харичкин Игорь Константинович* — доктор философских наук, профессор Московского государственного лингвистического университета. E-mail: harichkin@starlink.ru.

Sidorova Galina M. — PhD (2nd degree), head of the chair at the Moscow State Linguistic University, leading researcher at the Institute for African Studies RAS. E-mail: gal_sid@mail.ru; *Harichkin Igor K.* — PhD (2nd degree), professor of the Moscow State Linguistic University. E-mail: mo.kafedra@yandex.ru.

как прибрежные районы Африки были освоены европейцами, Центральная Африка оставалась *terra incognita*. Изучению этого региона мешала его нетронутая первозданность — непроходимые леса, реки, а также воинственные племена, которые долгое время внушали страх белому человеку, наслышанному о каннибализме африканских «дикарей».

Но такой неприглядный образ Африки формировался скорее у обывателей. Наука к тому времени располагала достоверными сведениями о континенте из европейских, прежде всего португальских, арабских и китайских источников, а также свидетельствами миссионеров. Из них стало известно, что уже в средневековье на территории современной Демократической Республики Конго (ДРК) существовали такие государственные объединения, как Конго, Канонго, Матамба, Нгола, Нгойо, Лаонго, Ндонго — в низовьях р. Конго; Бакуба (или Бушон), Батеке (или Тью), Болиа — в центре страны; Луба и Лунда — в верховьях рек Касаи, Лулуа и Ломами и другие. Об этом подробно рассказывается в монографиях историка А.С. Орловой и работах французского исследователя Ж. Вансина¹. К концу XIX в. в результате распада этих государств появилось множество мелких самостоятельных образований. Их народы мужественно отстаивали свою независимость от любого вторжения иноземцев — как местных племен, так и европейцев.

В борьбе за бассейн реки Конго наибольшего успеха достигла маленькая Бельгия. Ее предприимчивый король Леопольд II еще до своего восхождения на престол в 1865 г. вынашивал планы о присоединении к Бельгии обширных колониальных владений. В 1861 г. он писал одному из своих друзей, полковнику Бриальмонту: «Исходя из того, что колонии полезны и вносят значительный вклад в могущество государства и его процветание, постараемся и мы приобрести что-нибудь»².

В 1875 г. в Париже вышла книга немецкого путешественника Г. Швейнфурта «В сердце Африки», где автор предлагал создание «крупного негритянского государства»³. Она также сыграла определенную роль в формировании экспансионистских взглядов бельгийского монарха. В 1876 г. в Брюсселе Леопольд II созвал Международную географическую конференцию. На нее собрались знаменитые путешественники, исследователи Африки из Бельгии, Англии, Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии, США и России, которую представлял русский путешественник П.П. Семёнов-Тян-Шанский.

Благие идеи о цивилизаторской миссии европейских стран в Африке, звучавшие во время конференции, не интересовали Леопольда II. Они лишь подходили для прикрытия истинных намерений монарха, которые заключались в создании благоприятных условий для возможной эксплуатации природных ресурсов и населения континента. Этого требовало время. Развитие энергетики, химической промышленности, коммуникаций и машиностроения толкали предпринимателей на поиск новых источников сырья. Именно в этот период Европа обратила свои взоры к Африканскому континенту.

Для осуществления своих планов необходимо было создать подходящую организацию и привлечь достаточный капитал. Такой организацией стала Международная африканская ассоциация, переименованная в 1883 г. в Международную ассоциацию Конго.

Выступая в 1883 г. перед миссионерами, отправлявшимися в Конго, Леопольд II обратился к ним со следующим напутствием: «Цель вашей миссии в Африке состоит не в обучении негров богословию, они и без вас это хорошо знают и поклоняются своим богам. Они также знают, что убивать, воровать, спать с чужой женой и скверно ругаться — это плохо. Давайте наберемся смелости и признаемся в этом. Главная ваша роль — облегчить задачу чиновников и предпринимателей. И еще: никоим образом не возбуждать интерес наших дикарей к богатствам, которыми переполнены их леса и недра; во избежание смертельной схватки с ними»⁴.

Личный советник и партнер Леопольда II по торговым обменам между Бельгией и Конго Эдуард Бунж постоянно посылал в метрополию сводки о состоянии дел в колонии. Они касались финансовых дел, продажи злаковых культур, хлопка, каучука, пальмового масла и другого колониального товара⁵. В информационный «аппарат» короля Леопольда II входили люди различных профессий. Среди них были геологи, топографы, медицинские работники, военные, ученые. Все они снабжали короля важной информацией о природных богатствах Конго. По всей вероятности, особое место в этом списке занимали геологоразведчики, такие как, например, Жюль Корне, который оставил после себя много документального материала, хранящегося в «Архиве Генри Стэнли» при Музее Центральной Африки в г. Тервюрен в 15 км от Брюсселя. Это — дневники и отчеты о его посещениях медных шахт в Катанге, размышления о возможностях их эксплуатации, заметки о строившейся тогда железной дороге от Леопольдвилля до порта Матади, переписка с предпринимателями, обмен идеями о перспективах развития отдельных районов Конго и многое другое⁶. В одном из писем он с восторгом писал о результатах исследования грунта на востоке страны: «Анализы превосходны тем, что содержат медь и даже серебро. Хотелось бы также побольше узнать об объемах залежей этого сырья в шахте (Джуе. — Г.С., И.Х.)»⁷.

В 1878 г. Леопольд II создал «Комитет по изучению Верхнего Конго», который позволил бельгийцам приступить к осуществлению задуманных планов по освоению Африки и оставить далеко позади своих конкурентов. На континент отправлялись длительные экспедиции, стала «вырисовываться» карта Центральной Африки с нанесением на нее р. Конго. Широкой публике стали известны имена Г. Стэнли, в честь которого в Конго был назван город Стэнливилль (совр. Кисангани), Давида Ливингстона, Саворньяна де Бразза и других первопроходцев центральных регионов континента. В «Архиве Генри Стэнли» хранятся документы генерал-лейтенанта, геолога Жозу Анри де ля Линди (1869—1957), геолога Жюля Корнета (1865—1929), генерал-лейтенанта Альфонса Кабра (1862—1932), капитана Шарля Лёмера (1863—1925), капитана Альбера Силли (1867—1929), майора Гюстава Вервлу (1873—1953) и многих участников экспедиций. Их свидетельства, включая переписку, дневники, хозяйственные записки, отчеты, рисунки, сделанные от руки, впечатления от встреч с местными жителями и описания природы доподлинно воспроизводят атмосферу далеких времен⁸. В письме коменданта Реджафа (город в Судане) Леона Анхоле от 11 сентября 1898 г. рассказывается: «... В Реджафе 16 солдат больных оспой. Подожди подкрепле-

ния из Лока. Попроси Анри (Ж. Анри де ля Линди. — Г.С., И.Х.), чтобы он купил соль, и узнай насчет предметов туземного происхождения, которые он мог бы достать — хвосты жирафов, бивни носорогов и прочее...»⁹ В обращении майора Альфонса Кайена, работавшего в Службе пропаганды колоний, говорится о заслугах Генри Стэнли в области геологии — он «проложил дорогу к эксплуатации золотых шахт»¹⁰.

Разрекламированное Конго стало популярным среди бельгийцев и других европейцев. Искателей приключений эта африканская страна манила своими богатствами и сулила быстрое обогащение. Леопольд II, в свою очередь, нуждался в большом притоке европейцев в Конго для обслуживания будущих форпостов. По сведениям американского журналиста А. Хохшильда, автора книги «Призраки короля Леопольда II», первую волну леопольдовских агентов составлял «различного рода людской сброд»¹¹. Среди них были те, кто бежал от долгов, разорился или попросту страдал алкоголизмом. Очень наглядно характеризуют атмосферу той эпохи ходившие в народе куплеты, например: «Все, кто доставлял много хлопот родителям, кто оставлял долги и делал много глупостей... устремились в Конго»¹².

Реакция народов Конго на появление белого человека в Африке была резко негативной. Они обращались к богам с мольбой о помощи. Представляет интерес одна из записей местного фольклора, сделанная миссионером Л. Дьё: «Пусть солнце убьет белого человека, пусть луна убьет белого человека, пусть колдун убьет белого человека, пусть лев убьет белого человека, пусть крокодил убьет белого человека ...»¹³

Наряду с крупнейшими географическими открытиями был проложен и путь к колонизации континента. В соответствии с масштабными планами Леопольда II, на левом берегу р. Конго была создана сеть факторий, положивших начало освоению земель современного Конго, а впоследствии установлению контроля над значительной его территорией. Международная ассоциация Конго была преобразована в Независимое государство Конго (НГК), которое стало единственной колонией в мире, юридически принадлежавшей одному человеку — королю Леопольду II. Столицу своей колонии бельгийский монарх назвал Леопольдвилем (совр. Киншаса). Монарх был тесно связан с бельгийской финансовой олигархией, в руках которой была сосредоточена реальная власть в стране. Впрочем, король Бельгии был не только исполнителем воли финансового капитала, но и одним из крупнейших его представителей, «активным участником банковских спекуляций и колониальных захватов»¹⁴. По словам Хохшильда, это был «жадный и хитрый человек, в котором уживались двурушничество и обаяние, — весь комплекс самых сложных характеристик шекспировских персонажей»¹⁵.

Вначале колониальные чиновники сосредоточивали внимание на добыче слоновой кости, потом — каучука, хлопка, кофе и пальмового масла. С 1887 г. колониальные власти НГК начали сдавать в аренду концессии и продавать земельные участки частным компаниям, которые отчисляли государству значительную долю доходов, получен-

ных от продажи каучука в Антверпене (Бельгия). В бассейнах рек Бусира и Ломами земельными массивами овладели на правах собственников «Compagnie du Congo pour le commerce et l'industrie» и два ее филиала — «Compagnie de chemin de fer du Congo» и «Société anonyme belge au Congo». Самыми крупными концессионерами стали: «Société anversoise du commerce au Congo», «Anglo-belgian India-rubber exploring company», «Compagnie du Kasai». Из 2,3 млн кв. км, составлявших площадь колонии, около 30% рассматривались как области, где «доменные земли были переданы в собственность или концессии частным компаниям»¹⁶. (К 1960 г. только в провинции Киву концессии имели 15 государственных и 19 частных бельгийских компаний¹⁷).

Наряду с другими европейскими державами Бельгия стала активным участником коллективной политики передела границ Африки на Берлинской конференции 1884—1885 годов. В результате народы современной ДРК оказались в разных, хотя и соседних, государствах. На западе — древнее Королевство Конго было разделено на современные Анголу, ДРК и Республику Конго; на юге — империя Лунда попала в Анголу, ДРК и Замбию; на севере — область Занде — в ДРК, нынешнюю Центрально-Африканскую республику (ЦАР) и Судан; на востоке — область Бамии была поделена между ДРК, Руандой и Бурунди. Богатейшая провинция Катанга оставалась за пределами тогдашних бельгийских владений и была включена позднее. Новое территориально-административное деление перекроило и этническую карту этого региона Африки.

Многие крупные народы, например, баконго, оказались во владениях двух или трех государств. А.С. Орлова писала, что особенностью современной политической карты Африки стала «необычайная чересполосица колониальных владений... Выкраивая себе наиболее лакомые куски территории, колонизаторы меньше всего считались с интересами местных народов»¹⁸. Политолог из Льежского университета Боб Кабамба считает, что современные границы Центральной Африки были определены великими державами еще до Берлинской конференции и стали результатом переговоров между Великобританией, Германией и агентами короля Бельгии. «Это в колониальных канцеляриях, — утверждает Кабамба, — эксперты цветными карандашами начертили границы на бумаге». Вот почему демилитаризация будущих границ требовала тщательной и длительной проработки, которая учитывала бы этнические реалии¹⁹.

Наряду с разъединением крупных народов происходило их искусственное объединение. В 1889 г. Бельгия завоевала центральную часть Африки и присоединила ее к Конго. Таким образом, как отмечает конголезский писатель и общественный деятель Мова Сакани, «поженили силой два народа — баконго и бангала, которые сильно различались обычаями, языками и менталитетом»²⁰. То же самое происходило и с другими этносами. Через 5 лет бельгийцы добрались до восточной части Конго и присоединили страну Киву с ее народами баши, нанде, тутси и хуту. Чуть позднее к огромной семье различных народов добавились катангцы. В 1897 г. Бельгия аннексировала страну Бойома (совр. Кисангани) на востоке современной ДРК, и в ее владениях появились другие этносы.

В результате получилось огромное многонациональное объединение под названием Бельгийская колониальная империя, «в которой мало-помалу создаются условия для того, чтобы она раскололась на множество независимых стран в соответствии с логикой истории», — писал глава конголезского религиозно-политического объединения Не Муанда Нземи ²¹.

Французский ученый Ж.-К. Руфен считает, что африканцев больше всего возмущал не сам факт границ, а то, что они были навязаны колонизаторами. Однако он утверждает, что по «линейке» границы были проведены лишь в необитаемых или перенаселенных зонах ²². Эту же мысль отчасти подтвердил В.А. Субботин, посвятивший многие годы изучению Конго. Шефферии и сектора (административные единицы) создавались иногда с учетом этнических границ, и даже «были приняты меры к тому, чтобы в некоторых случаях этнические границы совпадали с административными. Так, вблизи озер Киву и Танганьика возникли к началу 1930-х гг. территории баши, бахаву и барета, насчитывавшие по 100 тыс. жителей и более. Подобные территории, правда, были исключением. Подавляющее большинство народов, имевших накануне бельгийской колонизации сравнительно крупные государственные образования — азанде, лунда, баяка и другие — по-прежнему оставались разъединенными границами территорий и дистриктов», — пишет он ²³. Искусственные объединения или разъединения народов Центрального региона Африки послужили почвой для новых конфликтов на фоне уже имевшихся разногласий между отдельными этносами в доколониальную эпоху, когда происходили естественные миграции народов.

В 1897 г. Леопольд II организовал международную колониальную выставку, положившую впоследствии начало самому крупному в мире музею Африки. Ее целью было повышение интереса в Бельгии к Конго. Тем самым король рассчитывал на привлечение иностранного капитала, как европейского, так и американского. В то же время, из-за свойственного ему тщеславия, он хотел продемонстрировать свое могущество перед другими метрополиями. По этому случаю в небольшом городке Тервюрене под Брюсселем — загородной резиденции Леопольда II — возвели новое здание — Колониальный Дворец, куда были доставлены африканские животные, растения, изделия африканских ремесленников и группа аборигенов из Конго. С одной стороны, Африка была представлена в неприглядном виде и пугала посетителей своей первозданностью, с другой — давала повод предпринимателям задуматься над возможностью новых перспектив. На выставке воспроизводились сцены африканской жизни с участием аборигенов, а также выставлялись предметы «экспорта» из Конго — каучук и слоновая кость. Значительная часть экспозиции была отведена этнографии. Экспонаты располагались по племенной принадлежности с комментариями. Например: «Бавали — смешанные племена — избегают белых, кормятся устрицами и добавляют соль из морской воды; батенде — абсолютно дики и неприступны; габали и банфуму — настоящие варвары, сильные племена; гомбе — племена их многочисленны, а тутурировки их различны, они придают им самый дикий вид. Все лесные племена — каннибалы... и они разделяют страсть к человеческому мясу со всеми племенами фетишистов Центральной Африки» ²⁴.

Путешествие в Европу для некоторых конголезцев завершилось трагически — они заболели и умерли, другим повезло больше — по окончании выставки они получили подарки на общую сумму в 45 тыс. бельг. франков²⁵. Кое-кто увозил на родину «европейскую экзотику»: мебель и одежду, которые безвозмездно предоставили им организаторы выставки.

На приобретенных землях Конго использовался принудительный труд местного населения, которое подвергалось жестокому обращению со стороны наемных надсмотрщиков. Бунты и восстания становились не редкостью в НГК. Так, в 1895 г. протесты против насилия были отмечены в г. Лулуабург (совр. Кананга, в провинции Западное Касаи), в 1900 г. — на шахте Шинколombe в провинции Шаба (совр. провинция Катанга) и других местах.

Одним из конфликтогенных районов Конго всегда была провинция Шаба (на языке суахили означает медь, совр. Катанга), расположенная на востоке страны. Ее богатейшие природные богатства притягивали внимание торговцев и были объектом конкуренции между ними.

Издавна эта территория находилась под контролем ее традиционных вождей, которые еще в средние века научились строить плавильные печи для обработки меди. В XIX в. их потеснил предприимчивый торговец из племени ньямвези, пришедший с востока — из Танганьики (совр. Танзания) — некий Мсири²⁶. Он успешно освоился в тех местах и стал продавать в соседнюю Анголу и на Занзибар медь, слоновую кость и рабов в обмен на оружие и порох — очень быстро разбогател, расширил свои владения и создал так называемое королевство Йеке или Гараганза, а сам получил репутацию воинственного короля. Свое государство-крепость он построил таким образом, что потенциального врага можно было заметить в радиусе до 50 км.

Однако ни хитрость Мсири, ни его армия не могли противостоять натиску европейских колонизаторов, которые сначала заигрывали с ним, но после жестоко расправились. Так, бельгийский капитан Бодсон устроил откровенную бойню в Катанге, физически истребляя всех наследников традиционных вождей, с которыми в какой-то мере считался Мсири, а затем добрался и до него. В результате армия Мсири была разгромлена, сам он убит в 1891 г., а созданное им государственное объединение стерто с лица земли. Этот исторический момент и стал началом длительного периода эксплуатации Центральной Африки²⁷.

Экономическая отсталость большинства африканских стран, отсутствие собственной промышленности облегчили внедрение иностранных компаний в сферу природных богатств континента. «Медный пояс» Африки, тянувшийся по Северной Родезии и Катанге, привлекал внимание английских и бельгийских промышленников. Один из городов этого региона, Элизабетвиль (ныне Лубумбаши), они превратили в столицу, своего рода Клондайк времен Золотой лихорадки в США, «где можно было встретить авантюристов всех мастей из Европы и Южной Африки»²⁸. Интересы предпринимателей сосредоточились в богатейшей провинции Конго Катанге, где наладила производство самая крупная бельгийская компания «Union

miniére du Haut Katanga» (УМОК, позднее «GECAMINES»). Производство меди и кобальта на ее предприятиях непрерывно возрастало.

В результате разграбления природных ресурсов на рубеже XIX—XX вв. появилась так называемая параллельная экономика. От непосильных налогов люди переходили границы других государств и создавали там нелегальные сети добычи и продажи полезных ископаемых.

По мере того, как ресурсы страны расхищались, неформальный сектор экономики, основанный на контрабанде и мошеннической торговле сырьем, процветал и превратился в единственный способ выживания большей части населения. Этот подпольный бизнес укрепил ранее существовавшие связи, основанные на родственных отношениях, между приграничными районами Конго и соседними государствами, включая Уганду, Руанду, Бурунди, Кению, Замбию, Танзанию и Анголу. По мнению конголезского историка Самюэля Сольвита, параллельная экономика всегда вела к ослаблению государства, подрывала его основы и служила одним из факторов подпитки конфликтов ²⁹.

Экономическое освоение Конго шло быстрыми темпами. Особенно наладилась добыча каучука — главной статьи экспорта колонии. Это было выгодным делом, поскольку в Европе в то время спрос на него значительно вырос. В то время как бельгийцы получали баснословные барыши, местное население страдало от непосильного труда на плантациях. Ответной реакцией на жестокое обращение было сопротивление местного населения. В 1895, 1897—1900 гг. произошли крупные выступления против колонизаторов — восстания народов кусу, луба, тетела ³⁰. Публичную огласку принудительный труд в колонии получил после выхода в свет книги английского публициста и общественного деятеля Э.Д. Мореля «Красный каучук» (по цвету крови) ³¹.

В европейской печати развернулась кампания против злоупотреблений Леопольда II. Этот скандал спровоцировали финансово-промышленные конкуренты Бельгии, также претендовавшие на эксплуатацию природных ресурсов Африки. В результате Леопольд II вынужден был передать Независимое государство Конго под управление Бельгии, оставив за собой внушительные привилегии. 15 ноября 1908 г., согласно королевскому указу, эта африканская страна была преобразована в Бельгийское Конго.

Политика нового собственника, Королевства Бельгии, в отношении бельгийской колонии мало чем отличалась от экспансионистских намерений монарха. Помимо перекраивания этнической карты колонизаторы вмешивались в традиционные устои африканских обществ, которые складывались веками, играя на межэтнических противоречиях. При этом нарушался главный принцип мирного сосуществования народов Африки — равенство. До пришельцев колонизаторов оно было «золотым правилом» в сфере человеческих отношений. В этой связи Крайфорд Юнг отмечал, «что малейшее возвышение одних над другими в повседневной жизни могло стать предлогом для дискриминации» ³². В Конго белые люди выстраивали своеобразные этнические иерархии. Одних этносов относили к более, других — к менее интеллектуальным. Например, в Леопольдвиле нгала, как и в Элизабетвиле (совр. Лубумбаши) иммиг-

ранты бакасаи возвышались над автохтонными народами Конго, занимая более высокую степень в иерархической лестнице. Это неизбежно приводило к межэтническим трениям.

В результате выделения отдельных групп африканцев, которые пользовались предпочтением у колонизаторов и которым предоставлялась возможность учиться в высших учебных заведениях, образовалась африканская интеллигенция — так называемые «эволюэ» (в переводе с французского — продвинутые или развитые). Именно так стали именовать этот слой колониального общества. Подробная история возникновения «эволюэ» и их роль в формировании национального сознания африканцев изложена в труде А.Б. Летнева «Общественная мысль в Западной Африке»³³. Автор отмечает: «В целом, “эволюэ” были своеобразной социальной группой, занимавшей некое срединное положение в обществе, между горсткой европейцев-колонизаторов и огромной массой неграмотных соотечественников. “Эволюэ” первым подражали, ко вторым относились скорее снисходительно. Противоестественность, уродливость такой промежуточной позиции порождали немало личных трагедий. Будучи прямым порождением колонизации, они в то же время являлись ее первой духовной жертвой»³⁴.

В начале XX в. территория Конго превратилась в поле активного соперничества западных держав. Параллельно с этим колониальные администрации Португалии, Бельгии и Франции занялись перекраиванием этнической карты района, расселяя различные, в прошлом враждовавшие друг с другом этнические группы, на одной территории. Тем самым они создавали почву для возникновения сепаратистских движений и для будущих гражданских войн, в основе которых лежали межэтнические противоречия.

В результате договоренностей в 1912 г. между Бельгией, Англией и Германией было принято решение об установлении границ соответственно между Конго, Угандой и Руандой. Горный массив Сабийнио, расположенный на территории тогдашнего Королевства Руанда, послужил точкой отсчета — началом демаркационных линий колоний трех стран. Таким образом на карте появились: немецкая Руанда (совр. Руанда)³⁵, бельгийская Руанда (совр. зона Рутчуру, Гома, Масиси и остров Идживи в ДРК) и английская Руанда (совр. район Буфумбира, дистрикт Кигези в Уганде).

Этот факт находит подтверждение в работе Рене Буржуа «Банья-руанда-Барунди». Автор пишет: «Следуя международным договоренностям 1912 года, руандийский правитель Джуху Мусинга потерял провинции... Буфумбура и Кигези, перешедшие к англичанам, в то время как бельгийцы получили Джомбо, Бвиша (совр. район Рутчуру), Камуронси (совр. район Масиси); кроме того, бельгийцы приобрели также остров Идживи на оз. Киву»³⁶.

В 1916 г. бельгийские войска оккупировали территории Руанды и Бурунди, входившие ранее в состав Германской Восточной Африки, образовав, таким образом, территорию Руанда-Урунди (Урунди — название Бурунди на языке суахили), хотя до этого Германия и прилагала дипломатические усилия по сохранению своих колоний в Африке. Так, в мае 1915 г. российский посланник в Бельгии И. Кудашев сообщил в Петербург, что германское правительство предприня-

ло через одного швейцарского политического деятеля попытку заключить мир с Бельгией на следующих условиях: эвакуация германских войск из Бельгии в обмен на передачу Германии Бельгийского Конго. Из Брюсселя ответили отказом, заявив, что, по соглашению с Францией от 10 декабря 1908 г., право на приобретение Конго имеет Бельгийское Конго ³⁷.

В 1916 г. Руанда-Урунди была оккупирована бельгийскими войсками, а спустя некоторое время после поражения Германии в первой мировой войне она, по решению Лиги Наций, в 1922 г. получила статус подмандатной территорией Бельгии. В 1925 г. Руанда-Урунди была включена в состав Бельгийского Конго.

Для осуществления идеи переселения была организована специальная административная служба — Миссия по эмиграции Баньяруанда во главе с комиссаром дистрикта Киву Р. Спитальсом. В своем труде «Перемещение баньяруанда в Северном Киву» он писал: «Поощрение миграционного движения в сторону Киву надо рассматривать как долг-опеку, позволяющий оживить некоторые необитаемые районы Киву» ³⁸. Часть народов, живших к северо-востоку от Стэнли-пула (населенный пункт, возникший на образовавшейся на суше между левым берегом р. Конго, где находится г. Киншаса, и правым, где расположен г. Браззавиль, местное название — Нкуна или Нтамо), была переселена в районы Нижнего Конго, балуба — в провинцию Касаи. В 1920—1930-е гг. из Руанды в Киву переселили от 1,5 до 2 млн руандофонов, которые составили от 26 до 32% населения Киву ³⁹. В результате, такие восточные районы Конго, как Масиси и Ручуру, оказались населены, в основном, выходцами из Руанды.

Важно подчеркнуть, что переселение из Руанды и Бурунди в Конго происходило в одном и том же культурном, этническом и административном пространстве. Оно находилось в ведении Главного управления бельгийской метрополии с резиденцией в Леопольдвиле и имело два подразделения: первое занималось территорией Руанда-Урунди, второе — колонией Конго. Мигрируя на восток Конго, народы «баньяруанда шли в страну своих братьев. Там они находили родственные народы и похожий климат. На новом месте баньяруанда не были ни иностранцами, ни чужестранцами» ⁴⁰.

Таким образом, речь не шла о переселении «за границу». Народы, которые приходили в район Масиси, встречали тот же народ, который жил в Руанде, преимущественно — хуту и тутси. Ни у кого не возникало мысли покинуть одно государство и переселиться в другое, поскольку Конго, Руанда и Бурунди представляли собой единое административное пространство, образованное Бельгией. Рядом с переселенцами в пограничных с Руандой провинциях — Южное и Северное Киву — издавна жили местные народы баньямуленге, говорящие на одном языке с руандофонами — киньяруанда. Из-за демографического давления, а также злоупотребления местными вождями в пользу пришельцев, начались трения и выдавливание коренных народов в другие районы. В большинстве они осели в восточных районах Валикале и Гома.

Колониальное бремя становилось непосильным для местного населения и толкало народы Конго к протестам, в том числе и к

уклонению от чрезмерных налогов. Несмотря на преобладание стихийности над организованностью освободительное движение в Бельгийской колонии росло и захватывало практически все социальные слои населения. В Леопольдвиле возникло несколько очагов антиколониальной пропаганды. Наибольшую активность проявляли две группы «бунтарей». Одной из них была «Congo Man» во главе с Андре Менго. Членам его объединения присваивались воинские звания, выдавалось огнестрельное оружие. Другая группа, куда входили в основном африканские служащие компании «Huilerie du Congo belge» и которой руководил афроамериканец Вильсон, также была популярна среди конголезцев.

В связи с этим колониальные власти издали указ «Об установлении режимов оккупации» в районах, население которых оказывало сопротивление, а в начале 1930-х гг. появилась еще одна форма репрессий — так называемые «военные прогулки», суть которых сводилась к посылке в глубинные районы страны значительных по численности армейских отрядов. Однако антиколониальное движение разрасталось и выливалось в крупные выступления.

Наиболее масштабным стало восстание бапенде в 1931 г. (провинция Западное Касаи), спровоцированное непомерными налогами. Чтобы уклониться от их выплаты, «тысячи конголезских крестьян бежали через открытые границы в соседние районы — Анголу и Французское Конго, а другие рассеивались по лесам до прихода сборщика податей»⁴¹. Восстание было подавлено, погибло более 400 человек⁴². Сотни африканцев оказались в ссылке и смогли вернуться на родину лишь через многие годы⁴³. Тем не менее, бапенде не покорились, а их сопротивление давало о себе знать на протяжении последующих десятилетий.

Со временем появилось множество политико-религиозных оппозиционных метрополии обществ. Самым крупным движением был кимбангизм⁴⁴. Свое название оно получило от имени основателя секты Симона Кимбангу — крестьянина из народности баконго. Его проповеди о богоизбранности африканцев стали популярными сначала среди конголезцев на западе страны и в северной Анголе, а затем далеко за их пределами.

Последователи Кимбангу видели в нем пророка и спасителя, к нему стекались тысячи крестьян и рабочих. Отсюда возникло и распространилось в течение нескольких месяцев стихийное массовое движение. Однако вопреки воле Кимбангу его последователи оказывали лишь пассивное сопротивление властям: отказывались платить налоги и работать на плантациях европейцев. Позднее движение распалось на два направления. Приверженцы одного из них считали, что Кимбангу — первый пророк и необходимы последующие; сторонники другого были убеждены, что он — единственный и бессмертный.

В 1958 г. именно это движение было легализовано. Своеобразный синкретизм протестантизма и традиционных верований, сформировавшийся в результате протеста против бельгийской колонизации, лучше других отражает африканский менталитет. Сам Кимбангу умер в тюрьме, куда был заключен за агитацию к мятежу. В 1960 г. его останки были перезахоронены в селении Нкамба в Конго, ставшем местом паломничества.

Помимо кимбангизма существовали и другие религиозные течения, имевшие антиколониальную направленность. Они заметно влияли на состояние морального духа колониальных народов, усиливая тем самым разложение традиционной общины. К их числу относятся, например, секта Китавала, отделившаяся от американской секты «Свидетели Иеговы» и проникшая затем в Африку. Члены секты провозгласили своим лозунгом тезис: «Африка — африканцам». В провинции Западное Касаи получила известность секта Эпикилипикили. На территории Бандунду действовали Лукусу, Мувунги, Мпеве и другие. В этих же провинциях имелась секта Говорящая змея, в Нижнем Конго — Миссия черных, а в восточных провинциях — Люди-леопарды. Эти религиозно-политические движения и секты сыграли впоследствии важную роль в становлении организованных движений и партий.

Вторая мировая война 1939—1945 гг. усилила антиколониальные настроения среди конголезцев в бельгийской колонии. Именно в эти годы была нарушена изоляция, в которой бельгийские власти пытались удержать свою колонию, чтобы максимально оградить собственные интересы от конкуренции других западных стран. Так, США и Великобритания вывозили из Бельгийского Конго военно-стратегическое сырье — медь, олово, кобальт, цинк, уран и другое ценное сырье. Конголезские подразделения (примерно от 10 до 12 тыс. солдат) участвовали в операциях союзников в Эфиопии, Египте, Бирме, на Ближнем Востоке. Солдаты сравнивали свою жизнь с жизнью других народов, накапливали опыт вооруженной борьбы. Ярким примером стойкости и патриотизма для всех африканцев стало Движение сопротивления де Голля «Свободная Франция», к которому примкнула Французская Экваториальная Африка, включая Конго-Браззавиль, Габон и Камерун. По окончании войны Бельгия разместила мощную военно-воздушную базу в г. Камина (провинция Катанга). Там готовился летный состав, состоявший как из бельгийцев, так и из конголезцев. В г. Лулуабург (провинция Касаи) была открыта школа для детей погибших военнослужащих. Впоследствии обученные военному ремеслу конголезцы пополняли офицерский состав.

В ходе войны стали возникать новые социальные прослойки — служащие государственных и частных заведений, квалифицированные рабочие, мелкие торговцы и предприниматели. Их объединения оказались более организованными, а цели — более осознанными. В 1941 г. вспыхнула забастовка рабочих металлургических предприятий крупнейшей в стране компании ЮМОК в провинции Шаба. В бельгийской администрации ее назвали «революционной и насильственной». В 1944—1945 гг. поднялся на борьбу пролетариат в провинции Нижнее Конго, в ноябре-декабре 1945 г. прошла мощная забастовка докеров, которая парализовала на время порт Матади. Одновременно с докерами порта бастовали рабочие предприятий столицы.

После второй мировой войны в условиях гонки вооружений, способствовавшей возможной развязке ядерной войны, ресурсы Конго стали играть стратегическую роль. На первом месте стоял уран, добычу которого захватили США для реализации «Плана Манхэттен», цель которого сводилась к созданию атомной бомбы. Как свидетельствуют документы, сырье для атомных бомб, сброшенных на Хиро-

симу и Нагасаки, добывалось в шахте Шинколombe в Катанге ⁴⁵. В 1960-е гг. на долю Конго приходилось 60% мировой добычи урана ⁴⁶.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. повсюду в стране раздавались голоса с требованием политических реформ, свободы слова и печати. В 1950 г. возникла Ассоциация народов баконго «Абако», объединившая около 30 различных культурно-просветительных организаций. В 1953 г. она получила статус партии, а ее лидером стал Жозеф Касавубу (позднее — первый президент Конго).

Вторая половина 1950-х гг. характеризовалась заметной активизацией общественно-политической жизни не только в Конго, но и в соседних странах. В 1945 г., после окончания второй мировой войны, режим мандатов был заменен режимом международной опеки. По решению Генеральной Ассамблеи ООН, в декабре 1946 г. Руанда-Урунди была передана под опеку Бельгии, и лишь в июле 1962 г. образовались два самостоятельных государства — Руанда и Бурунди. Бельгийский историк А. Бильсен в одном из своих исследований писал: «В эпоху 1954—1956 годов Конго и Руанда-Урунди нам казались “немыми”. Никто публично не выражал своих желаний (быть независимыми. — Г.С., И.Х.). Тем не менее, в латентной форме африканские элиты быстро эволюционировали к эмансипации» ⁴⁷.

Многолетняя борьба за расширение прав профсоюзов в Конго привела к принятию в 1957 г. закона, в рамках которого население получило возможность создавать профсоюзные организации с правом на забастовку. Помимо профсоюзов стали возникать ассоциации и кружки «образованных граждан». В основном это были организации, сформированные каким-либо одним этносом. Именно в них формировались руководители общенациональных партий. Только в Киншасе в 1956 г. насчитывалось 88 таких организаций. Помимо «Абако», крупнейшими были «Братья-лулуа» и Ассоциация народа басонге. В 1957 г. в провинции Катанга появилась партия Конакат (Конфедерация племенных ассоциаций Катанги), созданная группой местных предпринимателей и вождей. Ее возглавил Моиз Чомбе, проводивший позднее идею отделения Катанги. Среди националистических партий, возникших в тот период, были Партия африканской солидарности во главе с Антуаном Гизенгой, а также партия народа балуба — Балубакат и Центр африканской перегруппировки.

В эти же годы на политическую арену вышел Патрис Лумумба, ставший мощной политической фигурой в национально-освободительной борьбе. Это был «блестящий оратор с харизмой и обаянием вождя» ⁴⁸. В 1958 г. П. Лумумба создал партию «Национальное движение Конго» (НДК). Он выступал против колониализма, этнического превосходства, за единое Конго с сильной центральной властью. НДК сформировалась как общенациональная партия, объединявшая представителей различных этнических групп. Ее программа отрицала трайбализм, провозглашала принцип неделимости страны, осуждала расовую и этническую дискриминацию. Эта особенность выделяла ее среди других политических объединений.

В конце 50-х гг. XX столетия была популярна и широко обсуждалась небольшая брошюра профессора Колониального университета в Антверпене (Бельгия) Ван Бильсена «30-летний план политической

эмансипации Бельгийской Африки». В этой работе автор предложил бельгийскому правительству за 30 лет подготовить «надежную» конголезскую элиту для управления собственной страной. По его мнению, лишь тогда Конго обретет независимость. Ведущая в то время партия «Абако» во главе с Ж. Касавубу отвергла этот план и потребовала немедленного предоставления независимости. В 1957 г. колониальные власти признали африканские политические партии де-факто, а в 1959 г. — де-юре. Этот год стал переломным в борьбе за независимость ⁴⁹.

Попытки правящих кругов Бельгии затормозить антиколониальное движение с помощью частичных реформ провалились. По требованию блока партий, возглавляемых НДК, на конференции «Круглого стола» (Брюссель, январь-февраль 1960 г.) Бельгия заявила о согласии предоставить Бельгийскому Конго независимость. 30 июня 1960 г. бельгийский король Бодуэн в Леопольдвиле официально объявил о независимости Бельгийского Конго. На карте мира появилось государство Республика Конго ⁵⁰.

О последствиях колониализма возникает много споров. Одни отстаивают мнение о цивилизаторской миссии тех, кто покорял Африку, другие утверждают обратное. Довольно яркую оценку колониализму дал сенегальский исследователь К. Дэма: «Колонизация оглушила, словно ударом дубинки, традиционные общества и направила их эволюцию по иному пути» ⁵¹. Придуманные колонизаторами теории под благовидными названиями, типа патернализма или опекуинства, лишь вводили в заблуждение африканские народы, искажая реалии и разрушая их традиционные общества. Можно согласиться и с тезисом А.З. Зусмановича, автора фундаментального труда «Империалистический раздел бассейна Конго», который назвал Конго «тюрьмой для народов», а нанесение на карту искусственных границ — кровавым, насильственным вмешательством в нормальный исторический процесс формирования и развития народов Центральной Африки ⁵².

Общая картина бельгийского колониализма могла бы стать более полной при ее сопоставлении с колониальным наследием крупных метрополий, таких как Великобритания и Франция. Тем не менее, высказанные соображения помогут лучше понять происхождение современных конфликтов в Африке, которые стали прямым следствием ее колониальной истории.

Примечания

1. ОРЛОВА А.С. История государства Конго (XVI—XVII вв.). М. 1968; VANCINA J. Les anciens royaumes de la Savane. Léopoldville. 1965; Le royaume Kuba. Tervuren. 1964; The Tio Kingdom of the Middle Congo. 1880—1892. London-New York-Toronto. 1973.
2. La correspondance de Leopold. — La Lutte (Dakar), № 17, Janvier 1959.
3. СУББОТИН В.А. Бельгийская экспансия и колониальный гнет в период завершения территориального раздела Африки. В кн.: История Заира в новое и новейшее время. М. 1982, с. 71.
4. SOLVIT S. RDC: Rêve ou illusion? Conflits et ressources naturelles en République Démocratique du Congo. Paris. 2009, p. 22.

5. SCHUYLENBERG P. van. La mémoire des Belges en Afrique Centrale. Inventaire des Archives historiques. Vol. 8. Tervuren (Belgique). 1997, p. 8.
6. Legs de Jules Cornet. Le 25ème et 50ème Anniversaire du Chemin de Fer du Congo. Lettre manuscrite de Toby Claes, Membre de la Commission d'enquête du Chemin de Fer du Congo (1895) à Rene-Jules Cornet. Collection № 52-9, doc. 1355.
7. Le legs de Maurice Robert. Lettre manuscrite de J. Cornet, datée Mons, le 13 février 1911, remerciant G. Perier d'avoir bien voulu lui communiquer des renseignements sur les mines de Djoué. R.G. 626, Collection № 60-72, doc. 548; Le legs de Maurice Robert. Lettre manuscrite de J. Cornet, daté de Mons, le 23 mars février 1911 ou J. Cornet donne son opinion quant à la possibilité et les difficultés de l'exploitation éventuelle de la mine Djoué. R.G. 626, Collection № 60-72, doc. 550.
8. Carnets de route de Jules Cornet du 21 août au 21 septembre 1892. De N'tenké Capelembe, de Nyagamba à laTchiunga — visites aux mines de cuivre de Kiola, de Katanga à Mkala, Katete. Excursions au gisement de cuivre de Kioabana; retour jusqu'à Moi Mokilu. Visites aux mines de cuivres de Kimbué et Inambuloi, Makaka, départ pour Kilassa, Kafunda Mikopø, Moi Sompoué, Kalouloi, Chamélengué. R.G. 629, Collection № 52-9, doc. 261.
9. Legs de Josue Henry de la Lindi. La correspondance de Josue Henry de la Lindi avec Leon Hanolet. Lettre du 11 septembre 1898. Collection № 62.40, doc. 463.
10. Legs de Josue Henry de la Lindi. La lettre de Alphonse Cayen, attaché depuis 1916 au Service de la propagande coloniale, Ministère des Colonies, aux autorités de ce ministère du 13 juin 1919. Collection № 57.49, doc. 1915.
11. Под названием «призраки короля Леопольда II» автор скорее всего имел в виду многочисленные человеческие жертвы, о которых власти Бельгии старались умалчивать. По прошествии времени эти жертвы «заговорили» устами автора, который собрал обширный материал по данной теме.
12. HOCHSCHILD A. Les Fantomes du roi Leopold. La terreur coloniale dans l'Etat du Congo 1884—1908. Paris. 1998, p. 235.
13. Ibid., p. 236.
14. ЗУСМАНОВИЧ А.З. Империалистический раздел бассейна Конго (1876—1894 гг.). М. 1962, с. 34.
15. Там же, с. 18.
16. СУББОТИН В.А. Ук. соч., с. 98.
17. TSHIMANGA KOYA KAKONA. Le Shaba. Sept ans après. T. I. 1972, p. 24.
18. ОРЛОВА А.С. Африканские народы. М. 1958, с. 4.
19. КАВАМБА В. Frontière en Afrique Centrale: gage de souveraineté? <http://popups.ulg.ac.be/federalism/document.php?id=294>.
20. Ibidem.
21. Ibidem.
22. RUFFIN J.-CH. L'Afrique déchirée. 2004. http://www.lexpress.fr/actualite/monde/afrique/l-afrique-dechiree_498748.html?p=2.
23. СУББОТИН В.А. Система колониальной эксплуатации и становление новых социальных сил. 1918 — 1960 гг. В кн.: История Заира в новое и новейшее время, с. 122—123.
24. ОЛЬДЕРОГГЕ Д.А. Проблемы этнической истории Африки. В кн.: Этническая история Африки. Доколониальный период. М. 1977, с. 5.
25. WYNANTS M. Des ducs de Brabant aux villages congolais. Tervuren et l'Exposition coloniale 1897. Musée Royal de l'Afrique Centrale. Tervuren. 1997, p. 125.
26. VERBEKEN A. Msiri, roi du Garenganze. "L'Homme rouge" du Katanga. Bruxelles. 1956.
27. TSHIMANGA KOYA KAKONA. Op. cit., p. 2.
28. СУББОТИН В.А. Система колониальной эксплуатации..., с. 119.
29. IFOLI INSILO. Op. cit., p. 30.
30. См.: ВИНОКУРОВ Ю.Н. Народы Экваториальной Африки в борьбе против бельгийского колониализма. История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время. М. 1978; BOUVIER P. L'accession du Congo belge à l'indépendance. Bruxelles. 1965; SCHREVEL M. de. Les forces politiques de la décolonisation congolaise jusqu'à la veille de l'indépendance. Louvain. 1970.

31. MOREL E.D. Red rubber. The rubber slave trade in the Congo. London. 1907.
32. Цит по: NDAYWEL E NZIEM ISIDORE. Histoire générale du Congo. Bruxelles. 1998, p. 471.
33. ЛЕТНЕВ А.Б. Общественная мысль в Западной Африке. 1918—1939. М. 1983, с. 23—28.
34. Там же, с. 26.
35. Подробнее см. ПЕРСКИЙ Е.Б. Бурунди. М. 1977.
36. BOURGEOIS R. Banyarwanda-Barundi. T. I. Bruxelles. 1953, p. 38.
37. МОРОЗОВ Е.В. Африка в Первой мировой войне. СПб. 2009, с. 100.
38. SPITAELES R. Transplantation des Banyarwanda dans le Kiwu-Nord. — Problème d'Afrique Centrale. 1953, № 20, p. 110.
39. RDC: Etat de Crise et Perspectives Futures. 1 Fevrier 1997, p. 6. <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3ae6ab710.html>.
40. Ibidem.
41. Ibidem.
42. Histoire Générale de l'Afrique. Vol. VII. Paris. 1989, p. 465.
43. История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время. М. 1979, с. 315.
44. Histoire Générale de l'Afrique, p. 466.
45. NDAYWEL E NZIEM I. Histoire generale du Congo: de l'héritage ancien à la République Démocratique. Belgique. 1998, p.13.
46. SOLVIT S. Op.cit., p. 34.
47. BISLEN A.A.J. van. Vers l'indépendance du Congo et du Ruanda-Urundi, Kraainem (Belgium). 1958, p. 7.
48. История Тропической и Южной Африки в новое и новейшее время. М. 2010, с. 234.
49. ПОНОМАРЕНКО Л.В. Патрис Лумумба: неоконченная история короткой жизни. М. 2010, с. 64.
50. Официально Конго в разное время называлось по-разному. 30 июня 1960 г. вместо Бельгийского Конго появилась Республика Конго. С 1964 г. страна называлась Демократическая Республика Конго, с октября 1971 г. Республика Заир, а с 1997 г. — вновь Демократическая Республика Конго.
51. DEME K. Les classe sociales dans le Sénégal précolonial. — La Pensée. 1966, № 130.
52. ЗУСМАНОВИЧ А.З. Ук. соч., с. 9.

Истоки формирования мировоззренческой этики педагога в России

С.А. Филин, А.Ж. Якушев

Аннотация. В работе отмечается, что одной из причин глобальных кризисов в мире является кризис мировоззренческий. Проанализированы базовые ценности, лежащие в основе педагогического опыта поколений как истоков взглядов и этики педагога в России. В свою очередь педагогическая деятельность по передаче от поколения к поколению накопленного мировоззренческого, нравственно-этического и профессионально-практического опыта способствовала развитию мировоззренческой этики педагога.

Ключевые слова: мировоззрение и этика педагога, природно-климатическая среда, эволюция педагогики, образование.

Abstract. Noting that one of the reasons of global crises in the world is world outlook crisis. The historical outlook and moral and ethical basic values which are the cornerstone of pedagogical experience of generations as sources of outlook and ethics of the teacher in Russia are analysed. In turn pedagogical activities for transfer from generation to generation saved up outlook, moral and ethical and professional practical experience contributed to the development of outlook ethics of the teacher.

Key words: outlook and ethics of the teacher, climatic environment, evolution of pedagogics, education.

По мнению академика В.И. Жукова¹ и ряда других ученых, глобальный кризис, охвативший все страны мира, имеет в своей основе не столько финансово-экономический, сколько мировоззренческий характер, так как ни одна из доктрин (либеральных, социал-демократических, коммунистических), являющихся основой развития обществ и цивилизаций, себя не оправдала. В этих условиях любое, в том числе и российское, государство испытывает затруднения в выборе

Филин Сергей Александрович — доктор экономических наук, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. E-mail: Filin.SA@rea.ru; *Якушев Алексей Жанович* — кандидат экономических наук, доцент Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. E-mail: Yakushev.AZH@rea.ru.

Filin Sergey A. — doctor of economic sciences, professor at the Russian Economic University named after G.V. Plehanov. E-mail: Filin.SA@rea.ru; *Yakushev Alexey Z.* — candidate of economic sciences, associate professor at the Russian Economic University named after G.V. Plehanov. E-mail: Yakushev.AZH@rea.ru.

эффективной модели и стратегии развития, политики и идеологии. Мировоззренческий кризис проявляется также в искажении восприятия социальной реальности. Люди по-разному трактуют одни и те же процессы социального мира и не могут договориться между собой по многим важным понятиям — общество, государство, нация, этнос, культура, базовые ценности нравственного поведения, политика, религия и др. Это относится не только к историческим событиям, искажаемым в угоду тому или иному политическому или династическому заказу, — в общественном сознании преобладают «двойные, тройные и т.д. стандарты» и различные взгляды на одни и те же проблемы, что оказывает большое влияние, прежде всего, на саму возможность выработать согласованное решение. В результате, число социальных проблем становится больше, они усугубляются, а некоторые из них приобретают глобальный характер.

Что касается проблемы эволюции мировоззренческой этики педагога в России, оказывающей большое влияние на формирование личности, образ жизни и мышление обучающихся, то она носит в широком смысле исторический социокультурный характер

Аристотель в работе «Этика» отмечал, что совершенный человек — добродетельный человек, но добродетель есть умение избрать надлежащий поступок. И кто думает, что может стать нравственным, только рассуждая о нравственности, также не может стать им, как не может стать здоровым больной, который внимательно слушает врачей, но не следует за их предписаниями на деле ². То есть мировоззренческая этика педагога и педагогическая этика в целом существуют только в контексте поведения, и о нравственно-этическом сознании педагога можно объективно судить прежде всего по его поступкам.

С этической ориентацией на поиски счастья и искусства жить, но на других космологических началах, сложилась школа безмятежности духа Эпикура, отошедшего от версии Демокрита о «жесткой» причинности, царящей во всем, что совершается в душе и в мире в целом. Эпикур допускал самопроизвольность, спонтанность изменений, их случайный характер. Запечатлев ощущение непредсказуемости того, что может произойти с человеком в потоке событий, делающих существование непрочным, эпикурейцы закладывали в природу вещей возможность самопроизвольных отклонений и тем самым непредсказуемость поступков, свободу выбора. Они подчеркивали индивидуализацию личности как величины, способной действовать самостоятельно, избавившись от страха перед уготованным свыше: «Смерть не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, когда же смерть наступает, то нас уже нет». Искусство жить в водовороте событий связано с избавлением от страхов перед загробным наказанием и потусторонними силами, ибо в мире нет ничего, кроме атомов и пустоты. В данном аспекте необходимо обратиться к истокам формирования мировоззренческой культуры и этики педагога.

На формирование мировоззренческой этики русского человека большое влияние оказывала географическая среда. С момента зарождения российского государства его территория постоянно расширялась за счет освоения новых земель. Это выработало в русских быстрое привыкание к этнически чуждой среде. Они вобрали в себя черты как европейских, так и азиатских народов, и поэтому представляют

собой особенный феномен. А.П. Прохоров ³, а также Н.А. Бердяев, В.Г. Крысько и Л.В. Милов объясняют дуализм русского национального характера дуализмом природных условий, в которых изначально проживают россияне: «Весь зимний период настраивает людей на то, чтобы его переждать без какой-либо целенаправленной деятельности». Ему противостоит теплое время года, когда за короткий срок надо успеть выполнить большой объем полевых работ ⁴.

По мнению ученых, расово-антропологическое смешение в целом повышает выживаемость и физическое здоровье народа. Известно, что этнические группы, ни с кем никогда не смешивавшиеся, постепенно вырождаются — это относится к некоторым индейским племенам и австралийским аборигенам. Другими словами, смешение генов великороссов с европейскими (угро-финнов и варягов) и азиатскими (соседних с Русью тюркских народов и монголов) генами повысило, в итоге, выживаемость и физическое здоровье россиян в условиях длительной и суровой русской зимы и крепких сибирских морозов ⁵.

Одним из мировоззренческих мифов о русской трудовой этике, относящимся, несомненно, и к педагогике, и к образованию, является вывод, что русский народ ленив, при этом умалчивается об освоении им шестой части мировой суши, Арктики, открытии Антарктиды и многих других территорий. Причем все это холодные, мало пригодные для современного хозяйства земли, которые превращались в высоко-развитую и высокотехнологичную часть цивилизации.

Жизнь в российском климате сформировала такую мировоззренческую этику, как умение эффективно трудиться в авральном режиме. Есть много примеров русского трудолюбия и упорства в работе, особенно в период невзгод. Именно трудовой подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны стал залогом победы над фашистской Германией и ее союзниками.

Истоки мировоззренческой этики, педагогики и культуры в целом Древней Руси идут из индоарийской и последующей праславянской общностей, когда было освоено земледелие, сформировались первые представления о структуре мира, появился словарный запас, достаточный для общения отдельных племен друг с другом, были открыты процессы обработки меди, бронзы и железа, появились профессии кузнеца и ювелира (златокузнеца), установились устойчивые торговые связи, связанные с поставками соли, металлических изделий, драгоценных и полудрагоценных камней и металлов, тканей, мехов и одежды, посуды, вина, зерна, меда, орудий труда, оружия и др.

Сформировавшиеся праславянские племена уже во II тысячелетии до н.э. обладали большим (свыше 20 тыс. слов) (по данным Ф.П. Филина ⁶) словарным запасом, отражавшим разные стороны их жизнедеятельности и соответствовавшим их трудовым навыкам (строительство домов, земледелие, скотоводство, изготовление орудий труда и металлических украшений), а также сложной системой мировоззренческих представлений. В частности, процесс познания природы и мира в целом достоверно определяется по названиям деревьев, трав, зверей, птиц, рыб, звезд, элементов ландшафта. На протяжении многих сотен лет происходил непрерывный педагогический процесс — старшие поколения передавали младшим все накопленные и класси-

фицированные знания о природе, учили их познанию мира, знакомили с обширным словарем выработанных прежними поколениями понятий ⁷.

Древние славяне знали письменность и пользовались славянскими рунами и узелковым письмом. Узлы-вязы — это трехмерные иероглифы, где каждый узелок означает «слово или понятие». В клубок нить-науза сматывалась при помощи устя (ус) — специальной деревянной или из бивня мамонта палочки в определенной последовательности в зависимости от количества адресатов. Важная мысль в сюжете и одно понятие от другого отделялись «красной нитью» (алью). Если нить узелково-линейной вязи окрасить и отпечатать на бересте или пергаменте, получится текст, напоминающий «глаголицу», «узелковый» алфавит которой — отображение узелковой вязи ⁸. Персидский историк Фахр ад Дин (700-е гг.) писал, что хазарское письмо происходит от русского. В «Солунской легенде» славянская письменность связывалась с неким Иеронимом (умер в 420 г.) ⁹.

На протяжении по крайней мере тысячелетия уже культура русославян создавала и хранила древнюю эпическую поэзию, восходившую к родоплеменной эпохе военной демократии — сказания о русских богатырях — служившую своего рода устным пособием по изучению родной истории, экономики и педагогики, передаваемым из поколения в поколение. Следы эпической поэзии в письменности Киевской Руси отмечены в летописном своде 997 г., восхваляющем княжение Владимира Святославича. Согласно этнографам XIX в., исполнение былин в деревнях во время новогодних празднеств, когда подводились итоги прошедшего и производились обряды заклинания будущего, было обязательным. Пелись былины и на пирах.

Значение народных эпоса и сказок для воспитания подрастающего поколения и формирования этики педагога трудно переоценить. По мнению русского философа И.А. Ильина, именно сказка является ответом «все испытавшей древности на вопросы вступающей в мир детской души». Эти вопросы касаются самой сути бытия: смысла жизни, пути к счастью, судьбы праведных и нечестивых, временного и вечного. Согласно русскому философу Е.Н. Трубецкому ¹⁰, глубинный смысл сказки нужно искать в самой философии народа, в присущем ему жизненчувствии и миропонимании: «Запоминается и передается из поколения в поколение только то, что, так или иначе, дорого человечеству. Самая устойчивость сказочного предания доказывает, что сказка заключает в себе что-то для всех народов и для всех времен важное и нужное, а потому незабываемое». Это — система духовных опор и жизненных ценностей, обусловленная мировоззрением, педагогическим воспитанием и спецификой традиционного народного быта.

Народные педагоги хорошо понимали важное значение детского возраста, и максимально использовали его возможности для закладки фундаментальных основ народных знаний об окружающем мире и активной роли славян в нем. В колыбельных, потешках, присказках, поговорках, сказках содержатся уроки для их слушателя, заговоры на крепкое здоровье ребенка, его красоту, ум, счастливую судьбу. Они формируют нравственные привычки, отношение к важнейшим аспектам народной духовной жизни, воспитывают непобедимый «рус-

ский дух». Детский фольклор имеет четкое функциональное назначение каждого жанра: каждый по-своему способствует сохранению душевного, психического и физического здоровья ребенка, развитию его личности, установлению разнообразных отношений в сообществе взрослых и детей. Аксиологический подход к интерпретации сказки является эффективной педагогической стратегией, необходимой для пробуждения творческого потенциала семьи в отношении восприятия, отбора, адаптации и передачи ребенку текстов традиционной культуры¹¹. Воссоздание изначальных смыслов сказочной символики является предметом исторического, экономического и педагогического исследования, так как народные сказки связывают современное поколение с давно ушедшими¹².

Киевская летопись Нестора (1113 г.) о начале истории Руси и последующие, начиная с XII в., связанные почти с каждым крупным городом (Киев, Чернигов, Новгород, Галич, Владимир-Волынский, Пинск, Смоленск, Владимир, Ростов, Псков, Рязань и др.), являются ценнейшим источником русских истории и языка. Нестор написал историко-географическое введение в хронику «Повесть временных лет», в котором отразил природно-климатические условия Древней Руси, влиявшие на историческое развитие русославян: реки, связывавшие Русь с Северной Европой, Азией, Южной Европой и Африкой, обширные незаселенные лесные массивы между реками вроде «Оковского леса», беспокойные и «незнаемые» степные пространства «Великой Скифии», откуда появлялись орды кочевнической конницы. Нестор, обладавший библиотекой русских, греческих, западнославянских и болгарских книг, описал все крупные союзы племен в области первоначального расселения славян в Европе, а также жизнь всех славянских народов, в частности, первобытные обычаи древлян и радимичей примерно эпохи зарубинецкой культуры, противопоставляя их «мудрым и смысленным» полянам (Черняховской культуры) и сопоставляя с бытом и нравами других народов (от Британии до половцев, брахманов Индии, жителей Китая и островов Индонезии). Нестор сообщает о христианизации славян и появлении другой формы славянской письменности — «кириллицы».

В Выдубицком монастыре, расположенном под Киевом, хранилась историческая библиотека из рукописных летописей разных князей из разных княжеств, на основе которых игумен этого монастыря Моисей (автор нескольких статей 1190-х гг.) создал летописный свод 1198 г. (в литературе его иногда датируют 1199 или 1200 гг.)¹³ по русской истории и культуре за XII в., описав, в том числе, и зарубежные события, в частности, четвертый крестовый поход Фридриха Барбароссы и далекие земли: Карелу, Чехию, Польшу и др. Моисею принадлежит и часть летописных заметок, преимущественно придворного характера. Исползованная Моисеем летопись боярина-дипломата Петра Бориславича (велась им как очевидцем с 1146 по 1196 гг.)¹⁴ описывала события, касающиеся военного дела, дипломатических переговоров, заседаний княжеских съездов, подтверждаемых грамотами из княжеского архива, дневниками походов, записями заседаний боярской думы и важных княжеских съездов (например, князь Изяслав Мстиславич «много книг читал и в советах о расправе земской с вельможи упражнялся...»), а также поучения князьям: «Князь должен ду-

мать о правосудии и о “строе земельном”. Современники говорили и о старшем сыне великого князя Всеволода — Константине Мудром, который «великий был охотник к чтанию книг и научен был многим наукам... многие дела древних князей собрал и сам писал, також и другие с ним трудились»¹⁵. Далекие завоевательные походы не интересовали бояр, а межкняжеские усобицы они считали крайне вредными, поэтому стремились удержать князей от безрассудных действий. Единственно, по их мнению, ради чего следует «сести на конь», — это ради защиты Руси от внешнего врага.

Былины и летописи как памятники русской общественной мысли повествовали о важных делах своего времени и были рассчитаны в мировоззренческом и педагогическом аспектах как на своих современников, так и на потомков, в том числе очень далеких.

Русская литература XI—XIII вв. была разнообразна и обширна: кроме исторических сочинений, показывающих, что русские писатели стояли вровень с греческими, были созданы произведения и других жанров, например, «Хождение» игумена Даниила на Ближний Восток (около 1107 г.), в котором Даниил, измерив архитектурные памятники, дал очень точное описание Иерусалима и его окрестностей, ставшее надежным русским путеводителем по «святым местам».

Своеобразным жанром были «жития святых», где хорошо просматривается реальная жизнь: структура монастырей, жизнедеятельность монахов, князей и др. Особенно интересен Киево-Печерский патерик — сборник рассказов разного времени о монахах Печерского монастыря. Другими жанрами средневековья были сборники изречений, пословиц и поговорок («Пчела»), а также содержавшие бытовые аспекты поучения, в том числе педагогического характера — детям и подрастающему поколению, против язычества и др. Самым ярким из великокняжеских поучений было «Поучение Владимира Мономаха».

Литературное произведение «Слово Даниила Заточника» — челобитная, направленная неким Даниилом, заточенным на озере Лаче, князю Ярославу Владимировичу около 1197 г., характеризует в жанре афоризмов разные стороны русской жизни конца XII века. Произведение (примерно 1229 г.) «Моление Даниила Заточника» дополнило «Слово Даниила Заточника» рядом новых афоризмов, адресованных князю Ярославу, сыну Всеволода Большое Гнездо. Автор знакомит с общественной мыслью нижних слоев русского общества конца XII — начала XIII века.

Всемирно знаменитым произведением древнерусской литературы является «Слово о полку Игореве», написанное в 1185 г. в Киеве. В нем широко затронуты важные исторические вопросы: автор углубляется в далекие «Трояновы века» (II—IV вв.) и в трагическое для славян «время Бусово» (375 г.), уделяя главное внимание выяснению корней усобиц, помогавших половцам грабить Русскую землю. В поэме присутствует гуманное отношение к представителям других народов: «Милуй не токмо своя веры, но и чужия... аще то буде жидовин или сарацин, или болгарин, или еретик, или латинянин, или ото всех поганых¹⁶ — всякого помилуй и от беды избави» (Послание к князю Изяславу).

Во Владимирском летописном своде 1206 г., копия которого, выполненная в XV в. в Смоленске, была введена в научный оборот

Петром Великим (Радзивилловская или Кенигсбергская летопись), содержались «дела древних князей» от Кия до Всеволода Большое Гнездо.

Владимирский летописный свод 1206 г. отразил также художественную культуру Древней Руси за несколько столетий. Особенностью Радзивилловской летописи являются 618 красочных миниатюр, повторяющих Владимирский летописный свод 1206 г. и выполненных на основе более ранних художественных иллюстраций из библиотеки «лицевых» летописей, включавших свод 997 г., свод Никона 1076 г., «Повесть временных лет» Нестора, Ипатьевскую летопись (совещание Изяслава Мстиславича с венгерским королем, посольство боярина Петра Бориславича к Владимиру Галицкому 1152 г.), Киевский свод 1198 г. и другое летописание эпохи Мономаха и его сыновей второй половины XII века. В частности, это — зарисовки первоначального вида древней архитектуры Переяславля, Владимира, Киева (например, Десятинная церковь в Киеве 996 г.). Разрушенная войсками хана Батыея в 1240 г. была неизвестна копиистам XV в., а на миниатюре она изображена такой, какой ее удалось восстановить по результатам раскопок в XX века. Иллюстративные материалы свода 1206 г., относящиеся к XI и XII вв., отражают литературно-политическую борьбу того времени. Например, в миниатюрах Никона Тмутараканского (1076 г.) прослеживается симпатия к Мстиславу Тмутараканскому и враждебность к Ярославу Мудрому и его старшему сыну Изяславу. В свою очередь, художник, рисовавший миниатюры к летописанию Изяслава, изобразил Никона в виде осла на игуменском месте в церкви.

Безымянный автор начала XIII в. в «Слове о погибели земли Русской», под которой подразумевал «болезнь» феодальных междоусобиц, описав расцвет Руси при Мономахе, корил князей, губящих родную землю и прекрасную страну.

Хотя в ордынский период Руси грамотность среди лиц недуховного звания резко упала (за исключением Новгорода), а духовенство стало самым грамотным сословием, тем не менее на Руси продолжали выходить летописные и литературные повести, наиболее известными из которых были: рукопись «Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича» («Задонщина», XIV в.), «Сказания о Мамаевом побоище» и «Сказания о приходе Тахтамыш-царя» (XV в.). При этом в Москве в XIV—XV вв. каменные подклеты до самых сводов наполняли книгами, чтобы уберечь их от огня.

Именно летописно-литературная культура Новгородо-Киево-Владимири-Московской Руси создала единый общерусский литературный язык, что позволило повернуть вспять процесс языкового разъединения восточнославянских племен, как это произошло между западными, южными и восточными славянами и между отдельными объединениями у южных и западных славян; обеспечило формирование общерусской культуры, самоощущение восточных славян как единой древнерусской народности.

Историческое понимание художественной культуры Руси формировалось на основе методов былинно-мифологического мировоззрения, образного мышления и средневекового представления по-

средством замены целого его частью или символом: в рисунках город подменялся изображением одной башни, целое войско — одним всадником, государство — князем. Как известно, скифский «звериный стиль» сохранился у многих народов России — их прямых потомков или подвергшихся скифскому влиянию (славян, народов Алтая и Кавказа, якутов и др.). Например, первые исследователи всемирно известной чертомлыцкой вазы обращали внимание только на бытовую сторону изображенного, видя на ней лишь картинки из «самой обыкновенной жизни степняков... пасутся в степи вольные кони, потом бородатые скифы ловят их арканами, тянут на веревках и взнуздывают — так по кругу развивается действие»¹⁷. Однако скифы стремились к овеществленному отражению своих познаний и веры в обобщенном виде. Мышление их было мифологическим (эту ступень прошли все народы мира), а конкретно — зооморфно-символическим, что характерно для индо-иранской традиции¹⁸. Е.Е. Кузьмина раскрыла сложный мир скифских символов, доказав, что сцены, отображенные на вазе, отражают в бытовой форме их представления о вселенной. Так, сцена терзания (верхний фриз) символизирует небесную сферу. Нижний фриз (растительный орнамент с птицами) — символ земной тверди, переданный известным образом «Мирового Дерева», а крылатый конь у его подножия — посредник между двумя сферами. Средний же фриз (ловля коней) — сфера обитания людей, запечатленных в момент высшего духовного взлета — жертвоприношения. В целом сюжет вазы представляет собой космограмму всего мира, находящегося в вечном движении, в обновлении, сменяющем земную смерть, борьбу миров в ее универсальном значении¹⁹.

При значительной присутствующей в живописной манере русских художников средневековой условности они достигли большого мастерства в иконописи и фресковой живописи: превосходно владели композицией и колоритом, умели передать сложную гамму человеческих чувств. Художники писали иконы, расписывали по сырой штукатурке (аль фреске) церковные стены, украшали цветными рисунками (миниатюрами) и затейливыми заглавными буквами (инициалами) богослужебные книги и летописи.

Когда в 1136 г. черниговские Ольговичи начали одну из кровавых усобиц, по поводу которых говорили: «Почто сами ся губим?» художник-киевлянин пририсовал на полях глубоко символическую фигуру воина-самоубийцы, вонзающего кинжал себе в грудь. Особенностью художественной школы эпохи Мономаха и Мстислава являются иронические рисунки на полях: змея (победа над половцами), собака (свары князей), кот и мышь (удачный поход 1227 г.), обезьяна (испуганные торки), лев, которого бьют дубиной (поражение Юрия Долгорукого, имевшего в гербе льва), и т.п.

Важным показателем уровня культуры являлась гармоничная архитектура Древней Руси. Большинство жилых построек в городах, укреплениях, дворцов и церквей строилось из дерева. Археологические раскопки показали существование в XI—XIII вв. 4-этажных зданий («вежи»-донжоны, терема). Многие деревянные формы — башни, двускатное покрытие — повлияли впоследствии на каменное зодчество. Постройка церкви была рассчитана как на то, чтобы поразить воображение современников, сделать церковное здание и местом «те-

атрализованного» богослужения, и школой познания новой религии, так и на то, чтобы сделать ее долговечным памятником, связывающим строителей с потомками. Каждый церковный комплекс являлся показателем уровня мудрости и мастерства в том или ином городе. Для облегчения архитектурных расчетов была изобретена система из четырех видов сажений. Расчетам помогли своеобразные графики-«вавилонны», содержавшие сложную систему математических соотношений. Каждая постройка представляла собой математическую систему, определявшую формат кирпичей, толщину стен, радиусы арок, общие габариты здания. Типичным в XII в. стало одноглавое кубическое в основе церковное здание с плавными закруглениями (закомарами) наверху каждого фасада. В связи с появлением в городах на рубеже XII—XIII вв. высоких 4-этажных зданий появился новый стиль церковной архитектуры: храмы вытягивались ввысь, чтобы не утонуть в многообразии городских построек. Стены церквей щедро украшались фресковой росписью на библейские и евангельские сюжеты. В куполе храма над световым поясом окон обязательно помещалось огромное изображение Христа-Пантократора «всевластного», как бы заглядывающего с неба в эту церковь на молящихся.

Во второй половине XII — начале XIII в. число храмов в стольных городах достигало многих десятков. Русь стала полноправной участницей создания общеевропейского романского стиля, разрабатывая свои локальные варианты в каждом княжестве. Таким русским вариантом романского стиля («русская основа — романские детали») является, например, белокаменный Дмитровский собор во Владимире, построенный Всеволодом Большое Гнездо в конце XII в.: масштабная декоративность собора не мешает восприятию его стройных общих форм, орнаментальные детали неразрывно связаны с общей идеей, усиливая ее, поражают глубина и лаконичность, изящество и монументальность. Образцом белокаменного зодчества являлся Георгиевский собор (1236 г.) в Юрьеве-Польском, от земли до купола покрытый резьбой.

В этот период во многих основанных ранее и известных в настоящее время городах возникли ремесленные производства, появились различные профессиональные сословия (купцы, мастера и ремесленники, матросы и др.). В частности, немецкий знаток ремесел Теофил из Падерборна (XI в.) в записке о различных искусствах («*Schedula diversarum artium*») назвал Русь, мастера которой были известны за ее рубежами своими изделиями «из золота с эмалью и из серебра с чернью». В Новгороде, Смоленске, Киеве, Галиче и в других городах археологами найдено много мастерских, где «кузнецы злату и серебру» создавали шедевры ювелирного мастерства. Плотники и зодчие строили крепости-дворцы, храмы, украшенные белокаменной резьбой, кузнецы изготавливали оружие и орудия труда, гончары — посуду, косторезы — изделия из кости (от гребней и пластин для колчанов и седел до тончайших иглонок для женского рукоделья).

Великий князь Владимир Красное Солнышко в конце X в. стал устраивать школы для подготовки новых грамотных сословий — работников для административной службы и духовенства. Именно в этот период стала формироваться школьная педагогика по инициативе государства и церкви. Во всех русских городах других княжеств

были также открыты школы. Кроме князей образовательно-педагогической деятельностью руководила (и в значительной степени финансировала) церковь. Детей учили читать по Псалтырю и Часослову. Церковь поощряла и обучение математике: в Древней Руси умели вести счет по крайней мере до 10 миллионов.

Представление об уровне знаний в Древней Руси могут дать сборники 1073 и 1076 гг. — «энциклопедии», включавшие статьи по грамматике, философии и другим дисциплинам. Сестра Великого князя В. Мономаха в 1086 г. основала в Киеве школу для юношей и девушек при одном из монастырей (обучение девочек для средневековой Европы было редкостью). В Древней Руси женщины обучались игре в шахматы: в бытине о богатом новгородском боярине Ставре Годиновиче его жена Василиса вызволяет своего мужа из заточения, выиграв у Великого князя Владимира в шахматы. Педагогами часто были представители низшего духовенства (дьяконы, дьячки).

Высшим учебным заведением средневекового типа в известной мере был основанный в 1051 г. при Ярославе Мудром монахом Антонием Киево-Печерский монастырь, где игумены монастырей, епископы, митрополиты изучали богословие, греческий язык, церковную литературу, ораторское искусство. В частности, кантата в честь великого князя, сочиненная одним из игуменов в 1198 г., включающая поучения против язычества, считается конспектом лекций этого киевского «университета». В монастыре-университете в XI и XII вв. было подготовлено только епископов не менее 20. Русские могли обучаться и в зарубежных университетах, например, один из авторов конца XII в. писал: «Я, князь, не ездил за море и не учился у философов (профессоров), но как пчела, припадающая к разным цветам, наполняет соты медом, так и я из многих книг выбирал сладость словесную и мудрость» (Даниил Заточник).

Новгородские берестяные грамоты (их было обнаружено археологами более 1 тыс., большинство в Великом Новгороде) в XI—XV вв. и множество надписей, в том числе и имен мастеров-изготовителей, на бытовых вещах, оружии, стенах церквей подтверждают широкое развитие грамотности среди горожан. Писать умели не только священники и знать: грамотность широко была распространена среди всего городского «среднего» сословия. Женщины не только знали грамоту на бытовом уровне, но и излагали на берестяных грамотах коммерческие операции как представители купеческого сословия. Согласно археологическим находкам тетрадей новгородских школьников, датированных 1263 г., ученики изучали коммерческую корреспонденцию, цифирь, основные молитвы. Все это (и системы образования, и подготовка кадров для соответствующих профессий) потребовало развития педагогической школы как части культуры Руси. Именно церковь в этот период была главным двигателем русской педагогической школы и культуры в целом. Еще более важным было распространение духовенством на Руси книжности²⁰: в этот период русские сознавали, что «книги суть реки, напоющие вселенную мудростью», и мудрые книги иногда называли «глубинными книгами».

Следующим этапом развития мировоззрения и этики российского педагога стал период образования Русского царства (1547—1721)

как наследника Византийской империи. В XVI в. в Москве вышла книга-устав «Домострой», который подводил итог под тысячелетней мировоззренческой и духовной работой русского народа, выразившейся в устойчивой нравственно-этической традиции, призванной служить морально-этическим кодексом общества. Устав представляет собой свод правил общественного, религиозного и, в особенности, семейно-бытового поведения, по которому жили русские люди. Трудовая деятельность в нем упомянута в самом широком диапазоне — от кулинарии до оружейного дела. Устав содержит ценные сведения о социальном укладе в Русском государстве, в нем прописан православный канон жизни: «Благословенным трудом и средствами праведными жить подобает всякому человеку. И, видя добрые дела ваши, и милосердие, и любовь сердечную ко всем, и таковую праведность, обратит на вас Бог свои милости и преумножит урожай плодами и всякое изобилие»²¹.

Российская педагогика периода Русского царства сформировала особый русский менталитет, выразившийся в свойственных русским подвижничестве и миссионерстве (именно Россия дала наибольшее количество святых среди всех стран мира); обостренном чувстве сострадания и желании помочь не только отдельным людям, но и другим народам, вне зависимости от их национальности; любви к России и готовности к самопожертвованию ради нее.

В качестве исследователей и первопроходцев русские и казаки пошли на восток за Казанское ханство, за Уральские горы в Западную и Восточную Сибирь, на Дальний Восток, на Сахалин, Курильские о-ва, Аляску, в Калифорнию, Антарктиду. Для этого необходимы были соответствующие сформированные педагогическим воспитанием организация и образ жизни: безупречное владение конем и искусством вооруженного боя. Как следствие, отряд пятидесятника Ивана Юрьевича Москвитина, освоив предварительно тысячи километров Сибири и Дальнего Востока, с невероятными трудностями и лишениями одолев бурные реки и горные волоки, вышел в 1639 г. к Охотскому морю, получив первые сведения о Сахалине; экспедиция Василия Даниловича Пояркова в 1645 г. собрала сведения о Сахалине, где живут «волосатые люди» (айны)²²; там же в 1652—1656 гг. побывали казаки, посланные атаманами Степаном Поляковым и Онуфрием Кузнецом (в ясачных записях фигурируют стойбища северо-запада острова)²³ при расстоянии по прямой от Москвы до г. Александровска-Сахалинского (о. Сахалин) в 9721 км.

На поздних этапах развития Русского царства в него стали проникать традиции европейского образования и педагогики, которые с созданием в 1721 г. Российской империи стали целенаправленно переноситься в Россию, вплоть до механического их копирования, часто не приживались, а в сочетании с российской действительностью трансформировались в новые виды отношений в образовательно-педагогической среде и формы организации педагогических школ и образования в целом.

Россия — это поле культурного взаимодействия народов, ее населяющих. Как следствие — взаимопроникновение (а не смешение) педагогики и культур народов России. Значительное влияние на формирование мировоззрения подрастающего поколения оказывало и

оказывает отношение народов России к природе, к окружающему миру, к самим себе в этом мире, что всегда выступало доминантой в традиционной народной культуре и народной педагогике. Приобщение к этнокультурному наследию средствами этнопедагогике через мифы, ритуалы, обряды, обычаи, фольклор, сказки, игры, произведения декоративно-прикладного искусства и т.д. способствовало формированию мировоззрения и восприятию человеком культуры своего народа и российской культуры в целом.

Российские педагогическая школа и система образования, вобравшие в себя дополнительно к традициям народов России также и европейские традиции, ориентированы на фундаментальные знания и квалификацию, на подготовку специалистов широкого профиля, на педагогику, воспитывавшую склонность к творческому, инновационному мышлению, к поиску нестандартных решений.

В гораздо меньшей степени в российских педагогической школе и системе образования развиты прагматическое начало, ориентация на скорейшее и наиболее эффективное внедрение получаемых знаний. Глубина и фундаментальность российского образования приносят элемент отстраненности от достижения немедленного практического результата.

Историческое в полном смысле слова понимание современной российской (и ряда других стран) мировоззренческой этики, педагогики и культуры в целом сформировалось из наследия, полученного Древней Русью от индоарийской и праславянской эпох и культур Новгородо-Киево-Владими́ро-Московской Руси и Русского царства как промежуточных звеньев Российского государства. Именно это наследие играет важнейшую роль в формировании нашего современного педагогического мировоззрения и этики.

Россия с самого начала была государством многонациональным, вследствие чего русские воспринимали культуру, в том числе и педагогику, других народов, населяющих Россию. Педагог олицетворяет себя с российской педагогикой в целом, причем вне зависимости от того, к какой этнической группе он принадлежит.

Особенностью педагогического воспитания русских является то, что их менталитет никогда не позволит им согласиться с ролью России как второразрядной державы.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-26-03003.

1. ЖУКОВ В.И. Мировой кризис: экономика и социология глобальных процессов. М. 2009, с. 44—54.
2. Основы профессиональной этики: курс лекций. ГПИ ФСБ РФ. 2008.
3. ПРОХОРОВ А.П. Русская модель управления. М. 2009.
4. БЕРДЯЕВ Н.А. Русская идея. М. 2007; КРЫСЬКО В.Г. Этнопсихология и международные отношения. М. 2002.
5. Инновационное взаимодействие России и Монголии: монография. Улан-Батор. 2014, с. 64.
6. РЫБАКОВ Б.А. Рождение Руси. М. 2004.
7. Там же.

8. УЛЬЯНОВ Ю.А. Древнерусское слово в чаромутной истоти Великого Рода Белой Расы. 2012. URL: <http://nvgis.ucoz.ru/text2/charomut-istot.htm>.
9. Древнеславянская письменность: правда и вымысел. URL: <http://fonts.jofo.me/534158.html>.
10. ТРУБЕЦКОЙ Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. — Литературная учеба. 1990, № 2, с. 100—118.
11. АБРАМОВА А.А. В путь за желанным финистом. URL: http://www.portal-slovo.ru/pre_school_education/36734.php.
12. ПОНОМАРЁВА В. О реке Смородине и Калиновом мосте. URL: http://psy.1september.ru/view_article.php?id=201001016.
13. Памятники литературы Древней Руси: начало русской литературы: XI — начало XII века. М. 1978.
14. Там же.
15. Там же.
16. Язычников.
17. ШТАМБОК А.А. Из царства Атея до Неаполя Скифского. М. 1968, с. 31.
18. ВОЗГРИН В.Е. Исторические судьбы крымских татар. URL: <http://www.balkaria.info/library/v/vozgrin/iskt.htm>.
19. КУЗЬМИНА Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев: культурологические очерки. М. 2002, с. 93—104.
20. АКУНИН Б. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. М. 2016, с. 354.
21. Памятники литературы Древней Руси..., с. 26.
22. Василий Данилович Поярков. http://www.hrono.ru/biograf/bio_p/pojarkov_vd.php.
23. Айнумосири и интересы двух держав. <http://www.agesmystery.ru/node/631>.

Историческая память как фактор «мягкой силы»

С.В. Воробьёв, Т.В. Каширина

Аннотация. В публикации представлено авторское видение проблемы использования исторической памяти народа как фактора влияния в международной среде. Предложены некоторые аспекты использования этого фактора в международных отношениях. Сделан акцент на недостаточно используемых механизмах влияния в межгосударственных связях.

Ключевые слова: историческая память, система международных отношений, полицентрическая система международных отношений, демократия, города-побратимы, двойные стандарты.

Abstract. The publication presents the author's vision of the problems of using historical memory of the people as factor of influence in an international environment. Some proposed aspects of the use of this factor in international relations. Focus on underutilized mechanisms of influence in intergovernmental relations.

Key words: historical memory, international relations, polycentric system of international relations, democracy, twin cities, double standards.

Концепция внешней политики России определяет, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы»¹. Среди хорошо изученных факторов «мягкой силы», к примеру, можно назвать: возможности гражданского общества, культуру и продвижение национального языка, влияние на население средств массовой информации и гуманитарное сотрудничество, инвестиционную привлекательность экономики, безопасность жизни в стране и т.д.

Воробьёв Сергей Владимирович — доктор исторических наук, профессор Дипломатической академии МИД России. E-mail: 352147@gmail.com; *Каширина Татьяна Владиславовна* — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Дипломатической академии МИД России. E-mail: Kashirina73@mail.ru.

Vorobyov Sergey V. — doctor of historical sciences, professor at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russia. E-mail: 352147@gmail.com; *Kashirina Tatyana V.* — doctor of historical sciences, professor, head of the department at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russia. E-mail: Kashirina73@mail.ru.

Нельзя не отметить и важность достойного отношения к прошлому своей страны и, в частности, к историческим памятникам. Можно с уверенностью утверждать, что на это часто оказывают негативное влияние такие факторы, как искаженность или двойственность (неоднозначность) получаемой информации, несоответствие интересов политических элит интересам большинства населения государств и ряд других.

Историческая память является неким собирательным образом взаимоотношения государств в международной среде и становится базовой ресурсной составляющей всех без исключения участников международных отношений. Это объясняется его изменяющимся форматом в течение определенного отрезка времени. Он может охватывать состояние как одной подсистемы международных отношений, так и сразу нескольких. При этом, влиянием данного фактора можно объяснить переходы от одной из них к другой.

Обращение к истории государства Российского позволяет говорить о присутствии и осознании населением страны, при поддержке политической элиты, важности исторической памяти. В качестве примера можно привести сохранение памяти об императоре Александре III (Миротворце) — человеке, сформулировавшем основные принципы внешней политики: у России могут быть «только два верных союзника — ... наша армия и флот»², «... остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас»³, «... у России нет друзей. Нашей огромности боятся»⁴. Уважение к нему реализовалось в открытии памятников в 1896, 1909, 1912, 1994, 2003, 2007, 2012, 2013, 2017 годах⁵. Однако не только памятники являются вещественными свидетельствами наличия у российского народа исторической памяти и трансформации ее в сферу международных отношений. Народ нашей страны помнит, как зачастую корыстно и эгоистично пользовались европейские государства, и не только они, нашими международными обязательствами в своих интересах.

Позитивными примерами влияния исторической памяти как фактора «мягкой силы» могут служить продолжающееся сотрудничество и братская помощь друг другу жителей городов-побратимов, которых в мире насчитывается более трех с половиной тысяч. Слова: «лучше маленькая помощь, чем большое сожаление»⁶ всегда актуальны. С момента создания в 1957 г. Всемирной организации породненных городов и с 1991 г. — Международной ассоциации «Породненные города» (МАПГ) как международной неправительственной организации — правопреемника Ассоциации по связям советских и зарубежных городов — участниками этой международной организации стали 180 городов России с общей численностью населения более 30 млн человек⁷. 78 из них связаны с американскими городами.

Доброе отношение народов разных стран является не только ресурсной составляющей в складывающейся новой полицентричной системе международных отношений, но и материализованным фактором «мягкой силы» как опоры для мирного разрешения любых межгосударственных противоречий или конфликта национальных интересов.

Анализируя причины внешнеполитических и внутривнутриполитических кризисов в странах, можно утверждать, что «двойные» стандарты

становятся глубинными, неосознанно воспринимаемыми условиями в международных отношениях. Так, вековое стремление США к мировой гегемонии в международных отношениях сталкивается с появляющимися равными соперниками и их возрастающими возможностями в международной среде. Непринятие подобного состояния порождает нервозность и непоследовательность в принятии внешнеполитических решений.

Человеческая жизнь и международная сфера под влиянием требований технического прогресса, необходимости борьбы за ресурсы, меняющейся информационной среды претерпевают изменения. Однако США не используют в своей политике такой фактор «мягкой силы», как историческая память, забывая о возможности совместного интеграционного влияния на судьбы мира в интересах всего человечества, как это было в период совместной борьбы с фашизмом. Страны-соперники могут превращаться в страны-партнеры с «решимостью создать, в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями, построенный на принципах права международный порядок, посвященный миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества»⁸. В этом случае священные обязательства перед своими народами и народами мира о «единстве в организации мира, как и в ведении войны»⁹, данные в 1945 г., не остались бы только строчками совместного заявления, продиктованными необходимостью выживания человечества перед угрозой фашистского уничтожения и не были бы перечеркнуты результатами более чем полувековых отношений «холодной войны». Однако историческая память наших союзников в борьбе с фашизмом оказалась такой короткой в масштабе жизни даже одного поколения, что ее можно воспринимать уровнем статистической погрешности.

Оценивая такую причину забвения исторической памяти как несоответствие интересов политических элит интересам большинства населения государств, следует упоминать о той социальной связи, которая позволяет существовать долгий период времени суверенным государствам. Если элита страны хочет своего процветания, она должна думать о процветании и всей нации. Интеграционные тенденции, всякого рода объединительные настроения по делегированию функций суверенных государств надгосударственным структурам могут привести не только к политическому коллапсу в отдельно взятых странах, но и, к примеру, к референдумам о самоопределении отдельных территорий и народов.

Широкое и активное использование средств информации является важной составляющей инструментария «мягкой силы» для продвижения своих интересов как внутри страны, так и за ее пределами, дает возможность распространять наиболее актуальные данные и «вбрасывать» нужную информацию, обеспечивая необходимое информационное присутствие в том или ином регионе, в той или иной сфере человеческого и межгосударственного взаимодействия.

В целом, в России выстроена разветвленная система влияния на международной арене, в том числе основывающаяся на стратегии «мягкой силы». Она соответствует российской истории, культуре, уровню развития, внешним и внутренним угрозам, отвечает национальным интересам, а опыт других стран (как позитивный, так и негативный) внимательно изучается. При этом, отдельная роль принадлежит именно

исторической памяти — как базе менталитета общества. А каковы базовые установки — таковым может быть и результат.

Неиспользование фактора «мягкой силы» на постсоветском пространстве может оттолкнуть от нас наших ближайших соседей в связи с началом еще в 1990-х гг. поиска ими собственной идентичности. При этом, для некоторых из них этот процесс идет вне связи с общей историей, общими идеалами, концептами будущего, а зачастую сопровождается русофобской идеологией.

Необходимость участия в международных проектах, призванных сохранить общую историческую память, назрела. И не зря в лексиконе российской политической элиты присутствует термин «русский мир». Это проявление внимания не только к фактору общего языка, но и к общим историческим корням, идеалам, ценностям, событиям, таким, к примеру, как увековечение памяти жертв фашизма в концлагере Собибор. «... Недопустимо и позорно проводить политические игры, когда речь идет о столь важной задаче как сохранение исторической памяти о содеянном фашистской Германией и нацистами», — заявила депутат Кнессета К. Светлова, оценивая решение о невключении России в создание этого мемориального комплекса. А ведь именно благодаря советскому офицеру Алексею Печерскому стал возможным единственный за годы войны успешный бунт и побег из концлагеря ¹⁰.

Создание в зарубежных государствах центров российской культуры и совершенствование их работы в преподавании русского языка и пропаганде исторических ценностей является одним из путей использования «мягкой силы» в международных отношениях.

Разработка методов и технологий использования исторической памяти как фактора «мягкой силы» в международной среде требует научного осмысления и государственного внимания. К пониманию этого мы уже пришли. Дело за главным и основным — активное использование фактора исторической памяти в международных отношениях и внешней политике России.

Примечания

1. Концепция внешней политики Российской Федерации, статья 9. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.
2. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М. 2003.
3. Там же.
4. Завещание Государя Императора Александра III Александровича наследнику. URL: <http://ricolor.org/history/mn/ap/zaveshanie>.
5. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D1%8C_%D0%BE%D0%B1_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5_III.
6. Девиз, вышитый женщинами английского города Ковентри на скатерти, переданной вместе с 20 000 фунтов стерлингов жителям разрушенного Сталинграда в 1944 году.
7. URL: <http://goroda-pobratimy.ru>.
8. Правда. 13 февраля 1945, № 38 (0009), с. 1.
9. Заявление по результатам Конференции руководителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму. Раздел IX. — Правда. 13 февраля 1945, № 38 (0009), с. 2
10. URL: <https://rg.ru/2017/08/18/v-parlamente-izraillia-prokommuntirovali-skandal-vokrug-muzeia-sobibor.html>.

Неразгаданная тайна Александра I

В.Н. Есаулов, В.Г. Лизунков

Аннотация. В исследовании рассматривается время царствования императора Александра I — очень интересной и противоречивой исторической личности — а также легенда, отождествляющая Александра I и отшельника Феодора Козьмича.

Ключевые слова: династия Романовых, бремя царской власти, император Александр I, реформы, Феодор Козьмич.

Abstract. In the offered research time of reign of the emperor Alexander I — very interesting and contradictory historic figure and a legend about Alexander I and hermit Feodor Kozmich.

Key words: Romanov' dynasty, burden of the imperial power, emperor Alexander I, reforms, Feodor Kozmich.

Данное исследование посвящено биографии императора Александра I, возможности инсценировки им своей неожиданной смерти в 1825 г. и дальнейшего перевоплощения в старца Феодора Козьмича. Основными источниками публикации стали четырехтомное сочинение русского историка Н.К. Шильдера «Император Александр Первый», произведения видных российских историков, писателей, поэтов, живших в эпоху Александра I и оставивших потомкам свое видение исследуемой темы: М.И. Богдановича, В.О. Ключевского, Н.Ф.

Есаулов Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, доцент Юргинского технологического института (филиала) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет». E-mail: elaresy@mail.ru; *Лизунков Владислав Геннадьевич* — кандидат педагогических наук, доцент Юргинского технологического института (филиала) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет». E-mail: vladeslave@rambler.ru.

Yesaulov Vladimir N. — PhD, associate professor at the Yurga Technological Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of higher education «National Research Tomsk Polytechnic University». E-mail: elaresy@mail.ru; *Lizunkov Vladislav G.* — PhD, associate professor of the Yurga Technological Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of higher education «National Research Tomsk Polytechnic University». E-mail: vladeslave@rambler.ru.

Дубровина, А.А. Корнилова, А.А. Кизеветтер, А.Н. Пыпина, С.М. Соловьёва, а также работы современных исследователей М.Н. Покровского, А.Е. Преснякова, В.И. Фёдорова, М.М. Громыко, С.М. Семёновой и других.

Кроме того, материалами для публикации послужили труды историков-биографов Александра I М.И. Богдановича и Шильдера, основанные на архивных документах, научная ценность которых до сих пор не потеряна, а также научные журнальные статьи.

Александр I — император России (1801—1825 гг.) — родился 12 декабря 1777 года. Екатерина II — бабушка будущего российского монарха — с детства готовила его к царскому престолу. Она придерживалась либеральных взглядов и теории, изложенной в педагогическом романе Жан Жака Руссо «Эмиль или о воспитании». Воспитателем будущего императора был назначен генерал-фельдмаршал Н.И. Салтыков, которому поручалось прививать молодому человеку добродетельность, учтивость и давать знания. В обучении Александра принимали участие Лагарп, приверженец республиканских концепций и политических свобод; профессор-физик Г.В. Крафт; известный ботаник П.С. Паллас, математик Ш.Ф. Массон, русский язык преподавал писатель М.Н. Муравьёв.

Екатерина Великая составила специальные наставления для будущего императора: «Больше всего следует развивать человеколюбие и справедливость. За прилежание хвалить, за неисправность не наказывать, страхом научить нельзя, ибо в душу объятую страхом немного вложишь учения»¹. Однако в воспитании не было практической направленности. Александр отличался гуманностью, впечатлительностью, приятными манерами при общении и тяготел к абстрактному либерализму. «Либерал сделался синонимом умеренного, человека компромисса»².

Екатерина Великая не ладила со своим сыном Павлом, отцом Александра. Будущему монарху приходилось маневрировать между ними, угождать отцу — присутствовать на военных учениях, парадах, которые тот устраивал в Гатчине, а по вечерам появляться на светских мероприятиях, организованных Екатериной II. Такие условия жизни вырабатывали у Александра скрытность, недоверие к окружению и лицемерие.

Современники и исследователи личности Александра I дают ему совершенно противоположные характеристики, как будто бы описывают разных людей. Для А.С. Пушкина это — «Кочующий деспот»³ и в то же время «... наш храбрый царь...», «... России божество!»⁴

Александр I активно занимался благотворительностью: оплачивал издание книг, журналов; содействовал развитию театров, музеев, университетов; оказал помощь в сумме 1 млн руб. пострадавшим от наводнения в Санкт-Петербурге в ноябре 1824 года⁵. Русский историк В.О. Ключевской назвал Александра I роскошным тепличным цветком, который не успел приспособиться к суровому русскому климату, и осенняя непогода его сгубила⁶.

Будущий царь считал, что передача власти по наследству — это ошибка, поскольку во главе страны должен стоять человек, выбранный гражданами из самых достойных представителей. Он не раз высказывал свое желание — не допустить в России деспотизма и тирании⁷.

Такие смелые мысли вызывали искреннюю симпатию в обществе однако никак не вписывались в суровую действительность и разрушались одна за другой: «медленный упорный труд, необходимый для выполнения этих предприятий, пугает его, и он скоро охладевает к вещам, которыми еще недавно увлекался»⁸. Накапливалась неудовлетворенность, угнетало убийство отца, в результате которого Александр вступил на престол. Все это привело в конце правления к его фактическому самоустранению от государственных дел и их перепоручению А.А. Аракчееву.

Член тайного общества, один из лучших воспитанников Царско-сельского лицея Вильгельм Кюхельбекер писал: «Император Александр сделал много для счастья своих подданных и хотел сделать еще более, но желания народа, им возбужденные, опережали ход действия правительства и неудовольствие более и более распространялось преимущественно же в кругу образованных людей, познавших цену реформ, но не успевших вполне оценить все сопряженные с ними затруднения»⁹.

Несовершенство системы управления, казнокрадство, коррумпированность судов возмущали императора, но он не предпринимал никаких мер для исправления ситуации. Александр I поддержал М.М. Сперанского, требовавшего изменений в хозяйственной и политической жизни России. А Н.М. Карамзин в своих «Записках» отразил взгляды консерваторов, в основном дворянства, которые не хотели либеральных новшеств. В результате Александр I засомневался в правильности реформ, которые долгое время поддерживал.

Австрийский дипломат К. Меттерних вспоминал: «У Александра были самые простые вкусы, холодный темперамент и наклонности..., при этом он был кроток и поступал всегда только в соответствии своим “убеждениям”»¹⁰.

Шведский дипломат Лагербильте так охарактеризовал Александра I: «В политике Александр тонок, как кончик булавки, остер, как бритва, фальшив, как пена морская»¹¹. Наполеон сказал, что русский царь «умен, приятен, образован, но ему нельзя доверять; он неискренен: это истинный византиец... тонкий, притворный, хитрый»¹². Эти слова можно считать высшей похвалой Александру I, как мудрому дипломату. «В уме Александра несомненна была черта известного дипломатического лукавства, хотя она не была такой господствующей, как это нередко представляют»¹³.

Сперанский дал такую характеристику императору: «Он слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым»¹⁴. Российский историк и филолог А.Н. Пыпин считал, что не лицемерие было его главной чертой, а нерешительность, недостаток должной твердости. Эти недостатки императора стали результатом его воспитания, поскольку будущего монарха не научили ориентироваться в реальной российской жизни и принимать адекватные решения для пользы России и своих подданных. После ранней женитьбы (Александру еще не было 16 лет) воспитание его закончилось, хотя для будущего монарха оно должно было только начаться¹⁵.

Главной целью своего правления Александр I считал отмену крепостного права¹⁶. Первые годы его нахождения у власти характеризо-

вались либеральными реформами. Только возвращение на службу военных и гражданских чиновников, отправленных в отставку без суда и должных причин, коснулось 12 тыс. человек. Вернувшимся из ссылки возвратили чины и дворянские титулы, в том числе и известному впоследствии генералу А.П. Ермолову, а также автору «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищеву. Преследовались только лица, совершившие убийства.

Был издан указ, предписывавший полиции не выходить за границы должностных инструкций, отменен запрет на ввоз в Россию книг, музыкальных нот, вновь были открыты типографии, запрещенные в 1800 году¹⁷. И это только часть законодательных документов, введенных в марте 1801 года. Многие указы касались государственной безопасности.

Известный русский историк С.М. Соловьёв считал, что Александр I в своей внутренней политике соблюдал главный принцип: избегать крайностей, при этом всегда был уверен в необходимости модернизации России, что позволило в годы его правления миновать революционные потрясения¹⁸.

Главное место в правлении Александра I занимала внешняя политика — победы в войнах с Турцией (1806—1812 гг.), с Персией (1804—1813 гг.), со Швецией (1804—1813 гг.), присоединение к России Восточной Грузии, Бессарабии, а также свыше 50 островов Тихого океана.

При воцарении на царский престол Александр I сказал, что «не обнажит своего меча, но значительную часть своего царствования принужден был воевать. Не для того, чтобы увеличить свое обширное царство, он воевал за освобождение угнетенных народов Европы и восстановления царств». Были случаи, когда он проявлял удивительную твердость. Даже неудача при сражении под Аустерлицем не сломила волю Александра I¹⁹.

Победа России в Отечественной войне 1812 г. над Наполеоном — это победа Александра I. При этом он не принял командование российской армией, сославшись на то, что мало «опытен в военном искусстве». «Это время было лучшим из всех годов его царствования». Александр решил довести войну с Наполеоном до полного освобождения Европы. Против такого решения были «старики, как Кутузов, Растопчин и Шишков»²⁰.

Война с Наполеоном показала Александра I дальновидным политиком, воином, защитившим не только Россию, но и освободившим Европу от тирана. Эта борьба закончилась для Бонапарта ссылкой на остров Святой Елены, а для Александра I — усталостью от реформ, которые часто буксовали и не приводили к ожидаемому результату²¹.

Последние годы правления Александра I характеризовались разрушением всех иллюзий относительно введения изменений, необходимых для дальнейшего развития России, и восстановлением прежних порядков.

Александр I в 1822—1825 гг. почти не бывал за границей, а любил находиться в Царском Селе — «приняв верховную власть как тяжкое бремя и совершив славные подвиги, Александр вздыхал о спокойной, безмятежной жизни, и в кругу лиц, обладавших его доверием, нередко изъявлял желание отказаться от престола и проме-

нять багряницу на скромный удел частного человека». В беседе с королем Фридрихом-Вильгельмом император говорил, что ему наскучила светская жизнь: «Я перестал заблуждаться на счет благодарности и преданности людей, и потому обратил все мои помышления к Богу»²².

В 1823 г. Александр I поручил московскому архиепископу Филарету подготовить манифест о назначении наследником престола своего брата — великого князя Николая Павловича. Этот секретный документ оставался на хранении в московском Успенском соборе до времени его исполнения²³.

В 1824 г. Александр I совершил путешествие на Урал, побывал в Уфе, на Златоустовских заводах, в Екатеринбурге, знакомился с производством, историей края. По прибытии в Пермь он, «прежде всего, посетил военный госпиталь, обошел все палаты, приказал провести себя в прачечную и кухню, где отвеживал приготовленные для больных пищу, хлеб, квас»²⁴.

Осенью 1825 г. Александр I сопровождал свою супругу Елизавету Алексеевну в Таганрог, лечебный воздух которого был рекомендован ей докторами. При посещении Крыма император простыл. Первый период болезни продлился с 3 по 9 ноября, и 9 ноября император был уже здоров. Лейб-медик Я.В. Виллие диагностировал, что это была *febris gastrical biliosa*, которая никакой угрозы жизни императора не представляла. Но уже 19 ноября 1825 г. император Александр I скончался. История этого периода болезни весьма противоречиво описывается очевидцами: императрицей, князем В.П. Волконским, лейб-медиком Виллие, докторами Д.К. Тарасовым и Я.Д. Доббертом.

10 ноября. Со слов Волконского, император спал «изрядно», в 11 час. утра, вставая, упал в обморок. «К вечеру пот и забывчивость, и он уже почти совсем ничего не говорил, но просил, по-видимому, только знаками». В то же время императрица пишет, что ее муж «выглядел поразительно хорошо сравнительно с тем, как он выглядел днем»²⁵, и много говорил. Виллие оставляет запись, что с 8 ноября заметил: какая-то мысль беспокоит царя сильнее, чем выздоровление.

11 ноября. Волконский отмечает, что ночь прошла спокойно, днем хорошо, к вечеру у императора появился жар, и, вставая, он упал в обморок. Виллие был «весел», когда вечером докладывал Елизавете Алексеевне, что у государя жар, но он не в таком состоянии как был накануне. Однако болезнь продолжалась, на процедуры царь не соглашался, и доктор поставил новый диагноз — «*ructus inflatio*».

12 ноября. Виллие пишет: «Как я припоминаю, сегодня ночью я выписал лекарства для завтрашнего утра». Сможем ли мы убедить государя принять лекарство. Данная запись непонятна: Виллие вроде бы пишет в тот же день, но употребляет слово «припоминаю», то есть записи скорее всего сделаны позднее и могут быть недостоверными. В материалах истории болезни (*Histoire de la Maladie*) говорится, что к вечеру у Александра I снова появилась лихорадка, «с такой силой, что нельзя было не предвидеть опасности»²⁶. В записях Волконского отмечается, что к вечеру императору стало легче.

13 ноября. Виллие пишет, что ночь прошла «изрядно», весь день царь говорил мало, не разрешал делать необходимые процедуры, наблюдались признаки сонливости. В «*Histoire de la Maladie*» отмечает-

ся, что летаргическая сонливость сопровождалась прерывистым дыханием, и ночь была ужасна. Волконский, в свою очередь, утверждает, что был жар, но не такой, чтобы были какие-то опасения.

14 ноября. На помощь Виллие направлен доктор Тарасов, который отметил, что в 7 час. утра у государя был обморок. Волконский пишет, что обморок был в 8 час. вечера.

15 ноября. Александр I исповедался не как император, а как простой мирянин. Тарасов отмечает, что к вечеру императору стало несколько лучше.

16 ноября. В официальном бюллетени сообщается, что жар уменьшается, и есть «признаки смерти»²⁷. Тарасов отмечает, что жар снизился, ночь прошла спокойно.

17 ноября. Волконский записал, что государю стало худо, к 10 час. утра он стал узнавать и понемногу говорить, просил пить. Тарасов был уверен, что болезнь достигла высшего своего развития. Виллие записал: «Чем дальше, тем хуже». Императрица написала матери Александра I — Марии Фёдоровне: «Сегодня наступило очень решительное улучшение в состоянии здоровья императора. Сам Виллие, говорит, что состояние здоровья нашего дорогого больного удовлетворительно». В этот же день Виллие сообщает, что Волконский «первый раз завладел моею постелью, чтобы быть поближе к императору»²⁸. Таким образом, самый близкий и доверенный человек императора 17—19 ноября неотлучно находился с Александром I, по имеющимся сведениям из разных источников, или выздоравливавшим, или умиравшим.

18 ноября. Волконский сообщает, что государь стал посильнее, к ночи опять появился сильный жар. Тарасов отмечает, что в этот день было заметное улучшение здоровья. Виллие пишет, что нет «ни малейшей надежды спасти моего обожаемого повелителя».

19 ноября. Смерть Александра I зафиксирована в 11 час. 50 минут. Тарасов отмечает, что «государь слабел, взгляд спокойный..., в чертах его лица было райское наслаждение и не единой черты страданий». Я.Д. Доберт отмечает: «Он умер мучительной смертью. Борьба со смертью — агония — продолжалась почти одиннадцать часов»²⁹. Много и других несоответствий в официальных документах, большая часть которых была уничтожена. Часто эти скрепленные печатью бумаги не соответствовали утверждениям очевидцев. Диагноз смертельного заболевания Александра различный: холера, сильная простуда, малярия, брюшной тиф³⁰. Князь В.В. Барятинский несколько копий протокола вскрытия без указания имени отправил известным российским медикам. Четыре мнения совпали — это не малярия и не брюшной тиф. Большая вероятность того, что и посмертная маска Александра I была сделана при его жизни.

При изучении «Собственноручного журнала» князя Волконского о болезни императора Александра I с 5 по 19 ноября 1825 г.³¹ привлекает внимание дата, стоящая в конце истории болезни: 7 декабря 1825 года. Возникает вопрос: когда велся журнал наблюдения — во время болезни или история болезни была составлена более чем через 2 недели после кончины императора.

Александр I умер как обыкновенный человек, не обличенный властью. Завещание о приемнике он составил заранее, назвав престо-

донаследником своего брата Николая, поскольку Константин решительно отказался от этих прав.

«Вся Россия оплакивала кончину обожаемого монарха и память его благословляла вся Европа»³². Гроб с телом Александра открыли только один раз, при этом близкие заметили, что его лицо изменилось, и только Мария Фёдоровна поняла, что в гробу ее сын.

Постараемся ответить на главный вопрос: мог ли Александр I отказаться от престола? Ответ однозначный — да. Его всегда тяготило бремя власти, и он не раз говорил о своем желании уйти в частную жизнь и служить Богу.

В течение 200 лет ученые пытаются найти однозначный ответ на вопрос: Александр I действительно скончался или его смерть была инсценирована? Сомнения вызывают несколько обстоятельств. Во-первых, противоречивые записи в истории болезни, которые делали близкие императору люди. Во-вторых, неопределенный диагноз: трудно поверить, что такой здоровый организм мог погибнуть от лихорадки. В-третьих, в акте вскрытия тела указано, что на икрах обеих ног есть шрамы от травм. Известно, что император травмировал ноги два раза, причем один раз его ударила копытом лошадь в правое бедро³³. Есть и другие противоречия: не известно, в момент смерти с императором была только Елизавета Алексеевна, или в опочивальне стояли все; вызывает сомнения приказ не вскрывать гроб в Петербурге, уничтожение дневников и других документов, касающихся жизни Александра I в Таганроге и т.д.

Попытаемся сравнить двух людей: императора и отшельника Феодора Козьмича. Следует отметить, что официального сравнения их почерков не было. На международном форуме, посвященном императору Александру I и старцу Феодору Козьмичу, проведенном в Томске в июле 2015 г., президент русского графологического общества С.М. Семёнова заявила, что ею сделана почерковедческая экспертиза, и она уверена, что император и старец — это один и тот же человек. Информацию, озвученную на конференции, никак нельзя принять за научное открытие, поскольку нигде в рецензируемых журналах это научное исследование не было напечатано. Историк, великий князь Николай Михайлович поручил опытным графологам определить тождественность почерков Феодора Козьмича и Александра I. Ученые пришли к выводу, что это были разные люди.

Существует целый ряд неявных факторов о похожести этих личностей. Примерно одинаковый возраст, рост, цвет глаз, волос, голос, особенности фигуры — сутулость. Люди, знавшие Александра I, узнавали его в старце.

В 1826 г. по России распространился слух, что Александр I не умер в Таганроге, а вместо него похоронен другой человек. Говорили, что это фельдъегерь Масков, насмерть разбившийся при падении из кареты. В его семье также считали, что он похоронен в соборе Петропавловской крепости вместо императора. Кроме того, называли бывшего офицера Семёновского полка Струменского, который служил рядовым в Таганроге, не перенес жестокого наказания и умер от побоев в то время, когда император находился в этом городе. Указывали и на полковника Фёдора Уварова, который был знаком с Александром I³⁴. Есть и еще одна версия «смерти» Александра I. В ночь с

19-го на 20 ноября трое всадников в «полувоенном одеянии неспешным аллюром пронесли» по Таганрогу и остановили лошадей только в степи, где их никто не мог встретить и узнать. Это был Александр I в сопровождении князя Волконского и полковника А.Д. Соломко. Здесь они, якобы, сердечно простились, и император скрылся «в темной ночи и утонул в ней навсегда. Он умер для мира и власти»³⁵. В других исследованиях сообщается о том, что Александр I отправился в Индию и получал из России средства на содержание до времени его появления в Сибири³⁶. Есть версии, что Александр Павлович проживал какое-то время после своей «смерти» в Новгородской и Псковской губерниях. Был слух, что из Таганрога император скрылся на яхте и жил потом в Палестине. Есть и предположения, что до 1836 г. он скрывался в пермских лесах, а после 1836 г. легализовался под именем Феодора Козьмича, не помнящего родства.

Есть еще одна необыкновенная версия о том, что Феодор Козьмич — это подвижник, который по благословлению церкви взял на себя грехи Александра I. Он должен был, искупив грехи императора, искупить себя. В православии есть такой редкий вид послушания.

Постепенно слухи стихли, а во второй половине XIX столетия вновь появились. Это было связано со старцем Феодором Козьмичем, умершим в 1864 году. Он имел величественный вид, производил на собеседника приятное впечатление, знал жизнь императорского двора в подробностях, имел чарующий голос. Рассказывали, что один из сосланных в Сибирь, ранее служивший при дворе, узнал в старце Александра I.

Шильдер в своем историческом исследовании жизни императора Александра I не исключил возможности, что эта легенда могла превратиться в действительность, с которой не могли бы сравниться самые смелые поэтические вымыслы³⁷.

Советская историческая наука, бесспорно, имеет большие достижения, однако она всегда замалчивала положительные стороны правления императоров. К примеру, мы гордимся тем, что советский солдат дошел до логова фашистов — Берлина — и стал победителем в Великой Отечественной войне. А вот то, что Александр I дошел до Парижа, и парижане встречали его с восторгом, известно не так широко.

Наиболее правдивая версия «смерти» императора, на наш взгляд, содержится в исследованиях Л.Н. Васильевой³⁸. Известно, что в юности Александр I почти потерял слух на левое ухо из-за артиллерийского залпа, который прогремел, когда он находился вблизи орудий. Впоследствии глухота усиливалась и создавала трудности в общении и управлении государством, хотя императорский двор тщательно скрывал этот недуг от всех.

Уход императора после «смерти» в Георгиевский монастырь — решение, которое вписывается в его желание оставить престол, быть простым мирянином и как-то замолить свой грех цареубийства отца, о котором он догадывался, хотя и не участвовал в нем. Постоянная помощь монастырю от Николая I — косвенно подтверждает, что там жил Александр I. Возможная встреча в монастыре с Семёном — внебрачным сыном Павла, единокровным братом Александра I, очень

похожим на императора и сопровождавшим в дальнейшем его по жизни до самой кончины, представляется надуманной.

Можно предположить, что в Георгиевском монастыре Александр встретился со служившим там монахом, который владел навыками сурдоперевода и таким образом помогал императору адаптироваться к монастырской жизни. Позднее появилась реальная опасность, что Александр I будет обнаружен в Крыму и узнан. А это грозило новым кровопролитием в России, поскольку Николай I в этом случае становился самозванцем. Это понимали и настоятель митрополит Агафангел и Александр I. Известно, что за год до своей «смерти» Александр I, единственный из императоров, посещал Пермский край, где наличие глухих мест исключало возможность быть узнанным. Велика вероятность того, что при переезде императора в Пермский край его мог сопровождать все тот же монах. Уже в 1836 г. Феодор Козьмич стал открыто появляться в Красноуфимске. Васильева делает вывод, что именно в этом году и не стало Александра I³⁹. Для сопровождавшего императора монаха необходимость прятаться отпала, и он появился в миру.

За долгие годы совместного проживания два отшельника много беседовали, монах много узнал о царском дворе, об отношении императора к различным событиям и людям. У монаха-старца могло сложиться такое же отношение к событиям, к бывшему окружению императора, к историческим личностям, как и у Александра I, поскольку других источников информации у монаха не было. К тому же внешнее сходство императора и Феодора Козьмича вполне объяснимо — они долго жили вместе и могли стать похожими друг на друга. Александр I вел переписку с представителями императорского двора, применяя особые коды и это не было секретом для монаха, который возможно и легализовался впоследствии под именем Феодора Козьмича.

подавляющее большинство доказательств, которые невозможно полностью представить в данном исследовании, отождествляют Александра I и Феодора Козьмича. В том числе такую возможность допускал биограф императора историк Шильдер. Но существует и противоположная позиция. Если идентичность Александра I и Феодора Козьмича будет официально доказана, то многим событиям будет дана другая оценка. Поставить точку в споре может лишь генетическая экспертиза. Такого мнения придерживается и ответственный секретарь патриаршего совета при президенте по культуре и искусству архимандрит Тихон (Шевкунов).

Примечания

1. Собственноручный именной указ и наставление Императрицы Екатерины II ген.-аншефу Николаю Ивановичу Салтыкову о воспитании великих князей Александра и Константина Павловичей. 13 марта 1784 года. Сборник русского исторического общества. Т. 27. СПб. 1880, с. 301—330.
2. БЕРДЯЕВ Н.А. Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии). Письмо седьмое. О либерализме. М. 2012, с. 154—171.
3. ЛЫСИКОВА О.В. Взаимоотношения поэта и императора: Александр Пушкин и Александр I. В кн.: Межвузовский сборник научных трудов. Историческая психология государственного управления. Саратов. 2014, с. 5—22.

4. ПУШКИН А.С. Собрание сочинение. Т. I. М. 1981, с. 323.
5. ОВЧИННИКОВ М.В. Император Александр Первый и его царствование. СПб. 1877.
6. МЕЛЬГУНОВ С.П. Отечественная война и русское общество. Т. II. Россия перед 1812 годом. М. 1912, с. 123.
7. Там же, с. 126.
8. САХАРОВ А.Н. Александр I. М. 1998, с. 41.
9. БОГДАНОВИЧ М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. VI. СПб. 1871, с. 414.
10. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1—2. М. 2012, с. 51—52.
11. ГЕЛЛЕР М.Я. История Российской империи. Т. 2. М. 1997.
12. Там же, с. 242.
13. ПЫПИН А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Т. 3. Пг. 1918, с. 18.
14. ТАРЛЕ Е.В. Сочинение в двенадцати томах. Т. 7. М. 1959, с. 445.
15. ПЫПИН А.Н. Ук. соч., с. 31.
16. БОГДАНОВИЧ М.И. Ук. соч., с. 96—102.
17. ШИЛЬДЕР Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствования. Т. 2. СПб. 1897, с. 15—17.
18. СОЛОВЬЁВ С.М. Император Александр I. Политика, дипломатия. СПб. 1877.
19. ГЕЛЛЕР М.Я. Ук. соч., с. 253.
20. Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. I. СПб. 1912, с. 128.
21. Там же, с. 294.
22. БОГДАНОВИЧ М.И. Ук. соч., с. 349—350
23. Там же, с. 357—361.
24. Там же, с. 377.
25. МИХАЙЛОВ К.Н. «Смерть» Александра I (Историческая повесть по новым данным). — Новое слово. СПб. 1914, № 2, с. 38—52.
26. Там же, с. 46.
27. Там же, с. 49.
28. Там же.
29. Там же, с. 51.
30. БАЛЯТИНСКИЙ В.В. Царственный мистик (император Александр I-й и старец Феодор Козьмич СПб. 1913, с. 144.
31. ШИЛЬДЕР Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствования. Т. 4. СПб. 1898, с. 561—567 .
32. ОВЧИННИКОВ М.В. Ук. соч., с. 51
33. Великий князь Николай Михайлович. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга Александра I. Т. 3. СПб. 1909.
34. ФЁДОРОВ В.И. Александр Благословенный — святой старец Феодор Томский. 2006.
35. МИХАЙЛОВ К.Н. Ук. соч.
36. ВАСИЛЬЕВА Л.Н. Исчезновение императора. М. 2015.
37. ШИЛЬДЕР Н.К. Ук. соч., с. 448.
38. ВАСИЛЬЕВА Л.Н. Ук. соч., с. 187—204.
39. Там же, с. 241—242.

Государевы службы князя А.Н. Трубецкого в Сибири и Поволжье

М.О. Акишин

Аннотация. Трагедия Смуты определила основы мировоззрения князя А.Н. Трубецкого, сутью которого стало служение благоденствию и безопасности Московского царства. Значительный период его государственной службы прошел на восточном направлении внешней политики. Он сыграл выдающуюся роль в организации русского продвижения в Якутию и Колыму, Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье; руководил дипломатическими отношениями с монгольскими ханствами; стал инициатором установления отношений с Китаем. На должности астраханского воеводы заложил основы вхождения калмыков в состав России. Последние годы службы Трубецкого прошли на западных рубежах. Он сыграл выдающуюся роль в воссоединении Украины с Россией.

Ключевые слова: Русское государство, приказное управление, дипломатия, торговля, война.

Abstract. The Tragedy of the Troubles has determined the worldview foundations of Prince A.N. Trubetskoy, the essence of which was the service of the prosperity and security of Muscovy. A significant portion of his sovereign's service was held in the Eastern direction of foreign policy. He played a prominent role in the organization of the Russian advance, Yakutia and Kolyma, Baikal, Transbaikalia and the Amur region; led diplomatic relations with the Mongol khanates; initiated the establishment of relations with China. The post Astrakhan Governor laid the foundations for the entry of the Kalmyks into Russia. The last service Trubetskoy went on the Western borders. He played a prominent role in the reunification of the Ukraine with Russia.

Key words: Russian state, writ management, diplomacy, trade, war.

В исторической науке при изучении личности и деятельности князя Алексея Никитича Трубецкого основное внимание уделяется его вкладу в воссоединение России и Украины¹. Но князь сыграл не менее важную роль в освоении Сибири и Нижнего Поволжья, развитии дипломатических и торговых отношений с монгольскими ханствами и Китаем. Именно эта сфера его деятельности и является предметом исследования в настоящей работе.

Акишин Михаил Олегович — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: Akishin-MO@yandex.ru.

Akishin Mikhail O. — doctor of historical sciences, candidate of law sciences, senior researcher at the laboratory of humanitarian research of the Novosibirsk State University. E-mail: Akishin-MO@yandex.ru.

Историко-биографический характер публикации определил необходимость изучения психологической мотивации и социального окружения Трубецкого, использование иных методов микроистории. Однако здесь следует сделать две оговорки. Во-первых, князь был ближним боярином царя Алексея Михайловича, руководителем внутренней и внешней политики Московского царства. Несмотря на прошедшие столетия, принятые им решения до сих пор определяют некоторые аспекты государственного единства и международных отношений нашей страны. Во-вторых, он был удачлив в своих начинаниях. Это означает, что его распоряжения соответствовали чувствам и потребностям многих тысяч людей, которые их реализовывали.

Положение Трубецкого в русском обществе определялось знатностью его рода, который вел свое происхождение от литовских великих князей Гедемина и Ольгерда. Основателем рода Трубецких был второй сын Ольгерда — Дмитрий, удельный князь Брянский и Трубчевский. Весной 1500 г. из-за католических гонений его потомок, князь Михаил Трубецкой, выехал в Россию. По русско-литовскому договору 1503 г. Трубецкие признавались «слугами» (служилыми князьями) московских великих князей. Отец и два дяди Трубецкого, получив боярство в конце XVI — начале XVII в., стали руководителями русского правительства в царствование Бориса Годунова и годы «Семибоярщины»².

Формирование личности Трубецкого произошло в годы Смуты. Его отец, боярин князь Никита Романович Трубецкой, умер в 1608 году. Старший брат Юрий (Вигунд-Иероним) воевал на стороне поляков, а затем переселился в Великое княжество Литовское. В 1618 г. Трубчевск — родовое имение Трубецких — оказался во власти Речи Посполитой. Однако Дмитрий Трубецкой, троюродный брат Алексея, сохранил верность России, был руководителем земского ополчения и одним из кандидатов на престол в 1613 году.

Алексей Трубецкой был тогда еще ребенком, находился на попечении матери и остался с ней в Москве. Знаток истории Москвы И.Е. Забелин, писал: «вблизи Никольских ворот Кремля «находился двор князей Трубецких, принадлежавший в начале XVII века князю Алексею Никитичу Трубецкому. Этот обширный двор простирался почти до владений Чудова и Вознесенского монастырей»³. До чумы 1654 г. на московском дворе Трубецкого проживало 278 дворовых⁴.

Однако мир боярской усадьбы не мог скрыть от глаз ребенка кровопролития гражданской войны, «измены» старшего брата. Трагедия Смуты отразилась на формировании мировоззрения Трубецкого. Об убеждениях и мотивации этого поколения келарь Троицко-Сергиевой лавры А. Палицын писал, моля Бога о долголетию на царстве Михаила Фёдоровича: «... на царском престоле вся Росийския державы во веки и престол его неподвижим устоит, и врагом страшна сотворит, и царство его мирно и немятежно соблюдет, и покорит Господь под нозе его всякого врага и сопостата»⁵.

Службу Трубецкой начал в 1618 г. стольником и упоминался под рубрикой «стольники ж, которые малы, по полком были не росписаны, а были в верху у государя и в[ъ]сполохи в полки ездили собою»⁶. В разрядах о нем говорится как о государеве стольнике со 2 сентября 1618 года. Во время царского столования он всегда «смотрел в боль-

шой стол», то есть распоряжался угощением обедавших в главном столе. 19 сентября 1624 и 5 февраля 1626 г. присутствовал на свадьбах царя Михаила Федоровича ⁷. Ему был определен достаточно высокий оклад государева жалования, который в 1621—1622 гг. составлял: денежный — 50 руб., поместный — 700 четвертей ⁸. Десятилетие придворной службы позволило Трубецкому понять взаимоотношения власти и общества в Московском царстве, получить необходимый опыт государственной службы, приобрести обширный круг знакомых среди высшей знати и приказных дельцов.

4 января 1628 г. Трубецкой был назначен воеводой в Тобольск и получил наказ ⁹. 16 ноября 1627 г. «для сибирской службы» ему была учинена придача к денежному окладу в 70 руб. (всего денежный оклад составил 120 руб.) ¹⁰. Князь был тогда совсем молодым человеком, но уже выделялся среди сверстников. Ф.А. Шелешпанский в обращенном к Трубецкому акrostихе 1630 г. писал: «юн сый леты, но со старейшим смыслом» ¹¹. В «товарищи» с ним были назначены очень опытные администраторы — И.В. Вольтинский-Птица, дьяки С. Собакин и Е. Евсевьев, письменные головы Л.Д. Башмаков и Д.М. Обрезков. Должность воеводы Трубецкой занимал с 23 марта 1628 по 31 мая 1631 года.

Предметом его забот стало, прежде всего, развитие хлебопашества в Тобольско-Верхотурском земледельческом районе. В годы его воеводства было устроено в пашню 63 чел. из вольных и гулящих людей, собрано 5717 четвертей хлеба. До его прибытия в Сибирь отсутствовала добыча собственного железа. В 1628—1629 г. воевода писал в приказ Казанского дворца, что железо для Сибири покупали в Великом Устюге и Соликамске по 20 алтын за пуд, а после доставки в Тобольске цена возрастала до рубля и больше. В 1628 г. Трубецкой узнал о находке железной руды около Невьянского острога. Для осмотра и освидетельствования месторождения был послан сын боярский И. Шульгин, который подтвердил эти данные. В результате возник Невьянский железоделательный промысел, уже при Трубецком там ковалось железо, было сделано 20 затинных пищалей и 2 якоря ¹².

Важнейшей обязанностью сибирских воевод был сбор ясака и «приискание» новых «землиц». При Трубецком в Тобольском, Томском, Березовском и Нарымском уездах было «приискано вновь ясачных людей» 650 чел., собрано окладных и неокладных денежных доходов 13 037 руб., «соболиные и всякие мяхкие рухляди» на 5799 рублей. В 1620-х — 1630-х гг. началось русское продвижение на Лену и в Прибайкалье. В 1628 г. тобольский воевода послал отряд служилых людей С. Новацкого через Енисейский острог по нижней Тунгуске «для обереганья торговых и промышленных людей, где их на промыслех учили иноземцы побивать». Служилым людям удалось привести в русское подданство 260 «иноземцев» и собрать с них ясак. В 1629 г. воевода вновь построенного Красноярского острога А. Дубенский получил указ от Трубецкого направить «в Братцкую землю послов для государева ясаку, шtbody оне братцкие люди были под государевую высокою рукою и ясак бы с себя давали» ¹³.

В 1620-х гг. обострились отношения с западными монголами-ойратами в степном пограничье Прииртышья. Под влиянием ойратов в 1628—1631 гг. в Барабинской степи произошло восстание татар. В

Тобольском и Тарском уездах по распоряжению Трубецкого было «поставлено пять острогов для оберегания от воинских всяких людей и крепостями всякими те остроги укреплены». В 1629—1630 гг. был организован поход отряда служилых людей под руководством головы Ф. Елагина против «государевых изменников тарских юртовских и волостных татар». Около озера Чан произошло сражение, в результате которого татары были разгромлены, 108 чел. убито и 22 взято в плен ¹⁴.

Кризис в отношениях с ойратами угрожал приграничному сотрудничеству и добыче соли на Ямышевском озере. Предшественники Трубецкого стали посылать экспедиции к озеру в составе до 600 служилых людей, набравшихся со всего Тобольского разряда. Трубецкой продолжил эту практику, что позволило избегать конфликтов и добыть 1640 пудов соли ¹⁵.

Деятельность князя была высоко оценена в Москве. По указу царя и патриарха от 26 ноября 1631 г. Трубецкой был пожалован шубой, стоимостью в 140 руб., серебряным золоченым кубком, прибавкой к денежному окладу в 15 руб. и к поместному — 1000 четвертей. Это пожалование состоялось за царским столом 27 ноября 1632 года ¹⁶.

В 1632—1635 гг. Трубецкой находился на воеводстве в Астрахани — пограничной крепости Московского царства, позволявшей контролировать торговое судоходство по Волге и вести регулярную торговлю с Ираном, Закавказьем и Средней Азией. К 30-м гг. XVII в. в Астрахани уже были Гилянский и Бухарский гостиные дворы. На Гилянском останавливались купцы из Персии и Закавказья, а на Бухарском — из Средней Азии. В 1625 г. был построен Индийский гостинный двор, сформировалась колония индийских купцов, пользовавшаяся большими привилегиями. Многочисленную группу торгового населения составляли армяне. В 1630-х гг. появился Армянский гостинный двор ¹⁷. В отношениях с зарубежными купцами воевода выполнял дипломатические функции, общаясь с их торговыми представителями.

На время астраханского воеводства Трубецкого пришлось окончание перекочевки ойратов («черных калмыков») улуса Хо-Урлюка, насчитывавшего около 50 тыс. кибиток, с верховий Иртыша в степные районы от Яика до Волги. Бежавшие от них ногаи просили защиты у астраханского воеводы. Дайчин, сын Хо-Урлюка, в 1633 г. угрожал: «Такие де у них, калмыков, люди есть, что, пришед под Астрахань среди лета, и заметут ее снегом». 22 апреля 1633 г. на р. Большой Узени калмыки нанесли поражение высланному против них отряду астраханских служилых людей. В 1634 г. ойраты подступили непосредственно к Астрахани. Трубецкой сумел заставить их вступить в переговоры и признать, что земли Поволжья принадлежат московскому государю («Белому царю»). Тем самым он заложил основу для включения Калмыцкого ханства в состав России ¹⁸.

За службу в Астрахани Трубецкой был вновь награжден. До назначения на это воеводство его оклад составлял 1000 четвертей и 135 рублей ¹⁹. В боярских книгах 1635—1636 и 1639 гг. за ним уже значился оклад 1000 четвертей и 170 рублей ²⁰.

В 1640 и 1642 гг. Трубецкой служил воеводой большого полка на тульской «украине» — рубеже обороны Русского государства от набегов крымских татар. В то время решался вопрос о судьбе захваченно-

го донскими казаками Азова, существовала реальная опасность начала войны с Турцией и Крымом. При Трубецком в пределах линии Одоев — Крапивна — Тула — Венев — Мценск были собраны большие ратные силы, началось строительство Белгородской засечной черты²¹.

В 1645 г. Трубецкой был уже «дворцовым воеводой», под командованием которого находился личный царский полк. Именно он во время вступления на престол царя Алексея Михайловича приволил ко кресту на государское имя воевод и всю рать. За три недели до венчания на царство Алексея Михайловича, 7 сентября 1645 г., Трубецкой был пожалован в бояре. На свадьбе царя 16 января 1648 г. он упоминается среди «сидячих бояр», а среди «сидячих боярынь» присутствовала его жена Екатерина Ивановна (сестра боярина Бориса Ивановича Пушкина)²².

В середине XVII в., по словам шведского дипломата И. де Родеса, Трубецкой был третьим человеком в государстве, главным советником царя и боярина Б.И. Морозова²³. В последующем влияние князя на основные направления политики Русского государства усиливалось. По авторитетному мнению академика В.С. Мясникова, «1653 год — начало 1654 года — это период, когда внешняя политика Русского государства, творцами которой были ближайшие советники молодого Алексея Михайловича — патриарх Никон и князь А.Н. Трубецкой, достигла наивысших успехов»²⁴.

Трубецкой руководил восточным направлением политики Русского государства. 14 августа 1646 г. он стал начальным человеком Сибирского приказа, а затем возглавил приказ Казанского дворца. Этими приказами он ведал до 12 октября 1662 года. Деятельность приказов находилась под контролем царя и Боярской думы. Сибирский приказ осуществлял административно-финансовые функции в отношении русских и «иноземцев» восточной «украины» Русского государства, организовывал «сыски» и был судом первой инстанции о злоупотреблениях местной администрации. В приказ присылались пушнина и «заповедные товары» из Сибири. Трубецкой производил их расходование по «именным указам» и «именным приказам». В архиве приказа сохранились «рописи» денег и сибирской пушнины, которые «вносились в Верх» по требованиям царя и руководства приказа Тайных дел²⁵.

После восшествия на престол царь Алексей Михайлович и его окружение столкнулись с угрозой новой «смуты» — московским восстанием 1648 г. и чередой городских восстаний. Во время московского восстания 1—10 июня 1648 г. двор Трубецкого был разгромлен. Ненависть москвичей к Трубецкому объясняется его близостью к боярину Б.И. Морозовым и деятельностью на должности начальника человека Сибирского приказа. В долгу у приказа были почти все торговые люди, а долги эти взыскивались крайне сурово. В январе 1649 г. Трубецкой по поручению царя участвовал в проведении «розыска» о зачинщиках московского «мятежа»²⁶.

Городские восстания произошли в это время и в Сибири. Осенью 1648 г. посадские люди Верхотурья и приезжие торговцы выступили против воеводы Б. Дворянинова. Он сообщал в Сибирский приказ, что «сидел запершись на дворе у себя в осаде» до начала 1649 года. В ноябре 1648 г. группа казаков города Нарыма «от съезжей избы, от

государевых дел... воровским заводом отказывали» воеводе А. Нарбекову. Волнения происходили в Таре и Тюмени.

Наиболее драматические события развернулись в Томске. 12 апреля 1648 г. томичи воеводе О.И. Щербатому «от государева дела... отказали и в съезжей избе сидеть не велели». В ответ на попытку воеводы удержаться у власти, восставшие «меж себя целовали крест» и составили «заповедь» об изоляции Щербатого и наказании тех, кто будет с воеводой общаться. Приказная изба и ее делопроизводство были захвачены, ко двору воеводы поставлен караул, его сторонников заключили в тюрьму. В Москву были посланы челобитчики на воеводу ²⁷.

Трубецкой сумел погасить разгоравшуюся в Сибири «смуту» без насильственных действий. Прежде всего, томские челобитчики по ходатайству князя были милостиво приняты царем и одарены подарками. В Сибири была проведена смена воевод. Были награждены отличившиеся в «приискании новых земель» служилые люди. Но это вовсе не означало, что Трубецкой решил пожертвовать царедворцами из своего окружения, назначения на сибирские воеводства которых состоялись по его ходатайству. В частности, он добился в октябре 1650 г. награждения Щербатова за прибыль государевой казне на воеводстве в Томске ²⁸.

Трубецкой организовал русское продвижение в Восточную Сибирь и Приамурье. Присоединение этих регионов отличалось спецификой: как правило, впервые в «новые земли» проникали артели промышленных людей, и только после установления контактов с аборигенным населением туда направлялись отряды служилых людей. Малочисленность сибирских гарнизонов привела к тому, что Сибирский приказ узаконил практику прибора «охочих людей» в службу на время таких экспедиций. Окончательное закрепление «землицы» было связано со строительством острога. Как доказал А.Р. Артемьев, оно осуществлялось «в соответствии с инструкциями Сибирского приказа» ²⁹.

В конце 1640-х — 1660-х гг. продолжилось освоение Якутии. Служилые и промышленные люди проникли «во внутрь» Колымского края, «проведали» Чукотку, были основаны Верхнеколымское зимовье (1647), Охотский острог (1647), Анадырский острог (1649). 20 июня 1648 г. с Колымы «великим морем-океаном» на р. Анадырь «для прииску новых неясачных людей» был послан С.И. Дежнёв с отрядом в 90 человек. Именно этому отряду удалось преодолеть на «кочах» пролив, отделяющий Азию от Северной Америки. Таким образом, русские служилые и промышленные люди, достигли естественных природных очертаний Северо-Востока Азии ³⁰.

В середине XVII в. началось присоединение Забайкалья к России. Отряды енисейских и красноярских служилых людей В. Колесникова, И. Галкина, Е. Тюменцева, Д. Фирсова поставили Верхнеангарский (1647), Баргузинский (1648), Верхнеудинский (1649), Балаганский (1654) остроги ³¹. В июне 1652 г., по наказу енисейского воеводы А.Ф. Пашкова, отряд казаков во главе с П. Бекетовым отправился в поход в Восточное Забайкалье. Осенью 1653 г. на озере Иргень был возведен Иргенский острог. Оттуда Бекетов послал пятидесятника М.С. Уразова с отрядом в 10 чел. конным путем «к нелюд-

цкому князю Гентамуру на усть Нерчи реки», где был возведен Шилкинский «малый острожек»³².

В 1655 г. Пашков в отписке в Сибирский приказ предлагал поставить остроги по рекам Зее и Амуру, где, по словам воеводы, «будет другое сибирское государство». Он сообщал, что уже подготовил в Енисейске речные суда для похода и просил «послать в те свои государевы новоприводные земли своих государевых воевод и служилых ратных людей». Трубецкой поддержал эти инициативы, после доклада царю воеводу и служилых людей наградили: Пашкову был пожалован наградной «золотой», его сыну Еремею — «золотая новгородка», а 97 служилым людям, бывшим у судебного дела, — по «золотой московке»³³.

Указом от 20 июня 1654 г. Пашков был назначен воеводой «на Амур-реку в Китайской и Даурской землях». Согласно наказу, подготовленному в Сибирском приказе, его основной задачей было «...по сю сторону Шилки-реки на усть Урки-речки, или в Лавкаевых улусех и в Албазине городище, рассмотря где пригоже, где не чаает приходу воинских богдойских людей поставити острог и всякими крепостями укрепити...». Ему предписывалось «...даурского Лавкая князя с братьею и иных землиц князей и улусных людей... к государевой милости призывать... и ясак с них збирати»³⁴.

Однако численность отряда Пашкова, с которым он выступил из Енисейска 18 июля 1656 г., явно не соответствовала этим задачам: на 40 дощаниках с ним отправилось 300 служилых людей из 11 сибирских городов и 120 «охочих, вольных людей», к которым в Братском остроге присоединились еще 40³⁵. Даже, если предположить, что в последующем отряд Пашкова пополнялся новыми «охочими людьми», их было явно недостаточно для полноценного закрепления на новых восточных рубежах России.

Прежде всего, отряду предстояло восстановить Иргенский и Шилкинский остроги, которые эвенки сожгли в октябре 1656 г., то есть приведение их в подданство предстояло начинать фактически заново³⁶. Осенью 1657 г. отряд Пашкова восстановил Иргенский острог. Весной 1658 г. казаки в устье р. Нерча возвели Верхний Шилкинской острог (при его передаче новому воеводе в 1662 г. он именовался уже Нерчинским)³⁷.

Однако в последующем действия Пашкова складывались неудачно. Посланный им на Амур казачий пятидесятник А. Потапов с 30 служилыми людьми не успел соединиться с отрядом О. Степанова, так как этот отряд был разгромлен маньчжурами и до Пашкова добрались лишь 17 человек. В 1661 г. Пашков послал своего сына Еремея с отрядом в 72 служилых чел. и 20 эвенков «на тунгуские улусы в поход», но и это войско потерпело поражение. Сменивший Пашкова в 1662 г. Л. Толбузин принял у него в Нерчинском, Иргенском и Телембинском острогах всего 75 служилых людей³⁸.

В середине XVII в. началось присоединение Приамурья к России. В марте 1649 г. туда по личной инициативе отправился «старый опытовщик» Е.П. Хабаров с 70 служилыми и промышленными людьми. По возвращении в Якутск Хабаров представил воеводе Д.А. Францбекову содержательную информацию о Приамурье, которую воевода изложил в отписке от 26 мая 1650 г. в Сибирский приказ. На ее

основе было принято решение о новом походе Хабарова уже в статусе приказного человека. 9 июля 1650 г. ему была вручена наказная память, согласно которой он начал экспедицию на Амур с 21 служилым чел. и 117 промышленными и охочими людьми. В июле 1651 г. якутский воевода послал Хабарову еще 137 «охочих служилых, промышленных людей с ружьями»³⁹.

Во время похода 1650—1653 гг. отряд Хабарова привел к шерти и собрал ясак с народов Приамурья, поставил Ачанский острог, который в марте 1652 г. позволил казакам защититься от набега маньчжуров. В 1652 г. князь Трубецкой после доклада царю объявил именной указ о награждении за даурскую службу Хабарова — «золотым червонным», 200 служилых людей — по «золотой новгородке» и 700 охочих людей — по «золотой московке»⁴⁰.

В 1654 г. на Амур «по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу» приехал московский дворянин Д.И. Зиновьев. Он объявил местным князьям государево жалованное слово и привел их к шерти по «записям». Затем он собрал обвинения против Хабарова и уехал с ним для расследования в Москву. Во время следствия в Сибирском приказе Трубецкой решительно поддержал Хабарова и добился именного указа о награждении его и членов экспедиции царскими «золотыми»⁴¹.

После отъезда Зиновьева и Хабарова в Москву экспедицию возглавил О. Степанов. В ноябре 1654 г. был поставлен Комарский острог, в котором казаки сумели выдержать осаду маньчжуров, продолжавшуюся с 13 марта по 4 апреля 1655 года. Сил отряда Степанова было недостаточно для закрепления в Приамурье. 30 июня 1658 г. его отряд был атакован на р. Амур превосходящими силами маньчжуров и разгромлен. В бою погибло 220 служилых людей⁴².

В Сибирском приказе осознавали, что для полноценного освоения Забайкалья и Приамурья сибирских служилых людей было явно недостаточно. В 1653 г. Трубецкой убедил царя в необходимости отправить в Даурию 3-тысячное войско во главе с окольниковым и воеводой князем И.И. Лобановым-Ростовским. Однако в связи с началом войны за воссоединение с Украиной эта рать отправлена не была. В результате, после окончания экспедиции А.Ф. Пашкова в Забайкалье и разгрома отряда О. Степанова на р. Амур возвращение русских в Приамурье произошло только в 1660-х годах.

Трубецкой не только организовывал продвижение в Забайкалье и Приамурье, но и жестко контролировал отношения русских с местными народами. Воеводам из Сибирского приказа посылались указы и грамоты с требованием действовать в отношении «иноземцев» «ласкою, а не жесточью». 18 октября 1649 г. енисейскому воеводе Ф. Полибину была послана грамота с запрещением похолопления ясыря (пленных) и предписанием некрещенных «строить в ясак» по их «роду и племени», а новокрещенных — верстать в службу, «кто в какую статью пригодитца»⁴³.

По указанию судьи Сибирского приказа были организованы следствия о якутских воеводах П.П. Головине «с товарищи», Д.А. Францбекове и М.С. Лодыженском. Трубецкой докладывал о их результатах царю⁴⁴. В 1658 г. действия приказчика Братского и Балаганского острогов И. Похабова вызвали восстание унгинских бурят и их отко-

чекву в Халху. Узнав об этом, Трубецкой распорядился сменить приказчика и провести следствие ⁴⁵.

Освоение Сибири, присоединение Забайкалья и Приамурья привело к развитию международных отношений на восточных рубежах России. При этом вопросы приема послов монгольских ханов в Москве и заключения шертных договоров с ними находились в совместной компетенции Посольского и Сибирского приказов. Вопросы обороны сибирской границы, приграничного сотрудничества и торговли — в компетенции Сибирского приказа и воевод на местах. Заняв должность начального человека Сибирского приказа, Трубецкой оказался основным разработчиком внешней политики России в Азии. Сложные вопросы ему пришлось решать в отношениях с Джунгарским ханством и государством Алтын-ханов.

В 1635 г. объединение ойратов Западной Монголии и Южной Сибири привело к созданию Джунгарского ханства. Его первый правитель Батур-хунтайджи добивался равноправия в отношениях с Россией и постоянно ставил вопрос о приеме его послов в Москве. Царь Михаил Фёдорович согласился на это только 11 февраля 1645 года. Послы были приняты 23 октября 1645 года. Им было передано жалованное слово и предложение Батур-хунтайджи принять русское подданство. 14 декабря 1645 г. из Посольского приказа тобольскому воеводе была послана грамота о разрешении торговать ойратам под сибирскими городами и пропускать джунгарских послов в Москву ⁴⁶.

15 декабря 1645 г. появилась царская жалованная грамота о принятии Батур-хунтайджи в русское подданство. К нему в ставку было направлено русское посольство для передачи грамоты и приведении к шерти правителя Джунгарии. Батур принял русского посла радушно, пошел на разрешение целого ряда противоречий, но шертовать на подданство не стал. Эту позицию хунтайджи озвучил джунгарский посол в Москве в 1647 году. В 1651 г. в Сибирском приказе был составлен доклад о посольствах Батур-хунтайджи, его просьбах о присылке даров, включая оружие, а также мастеров, домашней птицы и скота. Этот доклад был представлен Трубецким царю, и по нему 5 апреля 1651 г. вышел указ о запрете пропуска джунгарских послов в Москву, торговли с джунгарами оружием, но с требованием поддерживать максимально доброжелательные отношения и приграничное сотрудничество ⁴⁷.

После смерти Батур-хунтайджи в 1653 г. в ханстве началась междоусобная война. Новый правитель Сенге-тайджа почти на десятилетие прервал дипломатические связи с русскими. В этих условиях русская дипломатия вступила в отношения с другими ойратскими тайджи. Наиболее тесные и регулярные связи с Сибирским приказом и воеводами поддерживал хошоутский Аблай-тайджи, владение которого находилось на путях из России в Китай. В январе 1662 г. Иркимулла, посол Аблая, по приказу Трубецкого был пропущен в Москву. Он был принят в Посольском приказе и получил для своего тайджи жалованную грамоту ⁴⁸.

Крайне противоречиво в середине XVII в. складывались отношения с государством Алтын-ханов. В 1640-х гг. Омбо-Эрдени пытался получить помощь от России в войнах против джунгар и посылал свои посольства в Томск (1645, 1647, 1648 и 1650 гг.) и в Москву (1647 г.).

Но при этом продолжал проводить независимую политику. В 1652 г. он совершил опустошительный набег в Кыргызскую землю, которая перестала платить ему дань ⁴⁹.

Его наследник Лувсан-тайша в 1657 и 1663 гг. совершал набеги в Кыргызскую землю. Но, столкнувшись с джунгарской угрозой, решил искать поддержки России, что сразу привлекло внимание Трубецкого. В 1661 и 1662 гг. Лувсан направил два послания царю с просьбой возобновить дипломатические отношения. Письма Ловсана были восприняты как желание стать под царя Алексея Михайловича «высокою рукою в подданстве неотступно». Именным указом от 1664 г. ему разрешалось «писаться подданным мунгальским царем» ⁵⁰. Но в 1667 г. Лувсан потерпел поражение от Сенге-тайджи, что фактически означало конец истории государства Алтын-ханов.

Проникновение русских в Забайкалье привело к формированию общей границы с Халхой. Впервые отношения с Цецен-ханом Шалоем, одним из владетелей Халхи, установили отряды служилых людей К. Москвитина и И. Похабова. В Сибирском приказе был составлен доклад о поездке Похабова к Цецен-хану Шолою и Турухай-табунану. По этому докладу 17 марта 1649 г. Трубецкой приказал наградить Похабова за службу прибавкой к окладному жалованию ⁵¹. В 1648 г. в Тобольск с Похабовым прибыл посол Седик «с товарищами», который по докладу Трубецкого был пропущен для переговоров в Москву и принят царем Алексеем Михайловичем ⁵².

В 1650 г. к Цецен-хану направилось первое русское посольство, но в пути оно подверглось нападению неизвестных людей и погибло. Остались в живых только толмач Панфил Семёнов и двое служилых. Они продолжили миссию и добрались до ставки Турухай-табуна и Ахай-хатун, вдовы умершего Цецен-хана. Семёнов провел переговоры с тайджи Халхи, требуя от них шерти на подданство. Тайджи заявили, что «в холопстве ни у кого не бывали и дани никому не платили» ⁵³. В 1652 г. от владетелей Халхи этого же требовал П. Бекетов, но Тушету-хан заявил ему, что не только сам шертовать не будет, но и «братским и тунгуским людям ясаку вашему государю давать не велю» ⁵⁴. После этого отношения между Россией и Халхой прервались до 1660-х годов.

Важнейшим событием в истории внешней политики России стало установление отношений с Китаем. В начале 1650-х гг. в Сибирском приказе под влиянием известий от купцов-«бухарцев» С. Аблина и Е. Сеитова возникла идея направить в Китай торговый караван. Возможно, этот проект обсуждался за «царскими столами» 19 января и 2 февраля 1653 г., на которые приглашался Трубецкой ⁵⁵. Именно 2 февраля состоялся царский указ об отправлении Ф.И. Байкова в Тобольск, а в памяти из приказа Большой казны от 4 февраля, содержащей инструкции Байкову, подчеркивалось, что по царскому указу исполнителями этого «государева дела» являются Трубецкой и дьяки Сибирского приказа. За основу наказа Байкову был взят наказ 1646 г. русских послов к индийскому падишаху. Главной целью посольства была передача императору государевой грамоты с предложением быть «в дружбе и любви», то есть установить дипломатические и торговые отношения на основе принципа равноправия сторон ⁵⁶.

Летом 1653 г. Байков устроил в Тобольске хранилище для «государевой казны» и направил в Китай торговый караван во главе с татарским головой П. Ярыжкиным и «советником» С. Аблиным. В 1654 г. караван прибыл в Пекин, где получил большую прибыль от торговли и подарки от императора. Но китайские дипломаты предпочли рассматривать купцов как послов и, следуя стратегической цели приведения к покорности «варваров», добились от Ярыжкина выполнения придворных церемониалов, свидетельствующих о том, что он является представителем «даннического» государства⁵⁷.

Прибывшее вслед за караваном посольство Байкова цинские дипломаты встретили холодно. Посол пытался вручить государеву грамоту лично императору. Но цинские дипломаты стали требовать от него выполнения церемониалов посла даннического государства и передачи грамоты не лично императору, а через Лифаньюань. Несмотря на то, что русский посол не понимал смысла многих церемоний, он действовал в точном соответствии со своим наказом, что привело к конфликту из-за «посольской чести». После нескольких месяцев переговоров о дипломатическом протоколе Байков был выслан из Китая как дипломат, чье поведение было отклонением от общепринятой нормы⁵⁸.

В Москве остались довольны товарам и подаркам, которые привез Аблин, а «лист» от «китайского царя» был переведен и прочитан Трубецкому и А. Иванову совершенно неверно. Впоследствии Н.Г. Спафарий излагал его следующим образом: «К великому государю пишут, чтоб великий государь изволил к ним присылать почасту послов своих и что он, великий государь, от них желает, и они великому государю служить ради, что у них сыщется». Несмотря на возникшие дипломатические проблемы, в 1657 г. в Пекин был отправлен торговый караван тарского сына боярского И.С. Перфильева и Аблина, который вернулся в 1662 г., привезя подарки царю и различные китайские товары на 1057 руб. по московской цене⁵⁹.

Из-за начала освободительной войны запорожского казачества освоение Сибири отошло в политике Московского царства на второй план. В 1653 г. посольство Б. Хмельницкого обратилось с просьбой о принятии Гетманства «под государеву высокую руку». Трубецкой участвовал в переговорах с послами Хмельницкого и составлении «статей», определивших условия принятия подданства Гетманством. Именно тогда князь был пожалован в ближние бояре⁶⁰.

В русско-польской и русско-шведской войнах 1654—1656 гг. Трубецкой успешно командовал отдельными армиями. Для него эти события, видимо, имели очень яркую эмоциональную окраску, так как были связаны с возвращением Трубчевска, утраченного в годы Смуты, и воссоединением рода. Трубецкой не имел детей и его единственным близким родственником остался князь Юрий Петрович, внук его брата Юрия Никитича, выехавшего после Смуты в Великое княжество Литовское. Трубецкой потребовал от шляхты Волковысского повета, где жил Юрий, выдачи его под угрозой физической расправы и разорения имений. Двоюродному внуку он обещал «оказать царские ласки» и передать по наследству все имущество⁶¹.

В 1657—1659 гг. Трубецкой как дипломат и военачальник решал сложную проблему «измены» гетмана И. Выговского. Его действия

создали условия, благодаря которым Рада в Белой Церкви 17 октября 1659 г. избрала гетманом Ю. Хмельницкого. Трубецкой провел переговоры с новым гетманом. Их результатом стали Статьи 1659 г., по которым московский государь получил право утверждать вновь избранного гетмана, а гетману запрещалось ведение внешних сношений и военных действий без разрешения царя ⁶²

Военные и дипломатические успехи Трубецкого были вознаграждены. 7 декабря 1660 г. в Калужских воротах царь и бояре встречали боярина и войско. 21 февраля 1660 г. «после стола» князь был награжден шубой в 360 руб., кубком, придачей к прежнему окладу в 850 руб. еще 200 рублями. Главной же наградой явилось пожалование ему «прародительской вотчины города Трубчевска с уездом». Таким образом, формально Трубецкой стал последним в истории России удельным князем, именуясь «державцем Трубчевским» ⁶³.

По возвращении в Москву, Трубецкой был занят обязанностями ближнего боярина. В 1661—1662 гг. он руководил приказом Полковых дел ⁶⁴. На этой должности он активизировал процесс формирования полков «нового строя». Согласно росписи русского войска 1661—1663 гг., в его составе было 75 таких полков численностью около 54,5 тыс. чел., в том числе 24 тыс. пехоты (солдаты) и 30 тыс. конницы (драгуны, рейтары и др.). В составе стрелецких полков служило до 48 тыс. человек ⁶⁵.

25 июля 1662 г. произошел медный бунт в Москве. Еще 16 июля царь удалился из столицы, оставив ее в управление боярской комиссии князей Трубецкого и Ф.Ф. Куракина. Узнав о мятеже, царь устно указал Трубецкому повесить «из этих воров» 10 или 20 человек. В тот же день указ был исполнен. 26 июля царь уже письменно распорядился начать «розыск» над участниками медного бунта. Трубецкой стал главой одной из «розыскных» комиссий ⁶⁶.

Длительные отлучки Трубецкого в Москву в 1650-х гг. привели к тому, что исполнительская дисциплина в Сибирском приказе понизилась. 20 октября 1657 г. был объявлен именной указ Трубецкому, дьякам Г. Протопопову и Ф. Иванову о том, чтобы «приказным людям и дьякам и подьячим сидеть в приказах и его государевы дела делать во дни и ночи двенадцать часов» ⁶⁷. В 1662—1665 гг. при новом начальном человеке Сибирского приказа возникло дело о самоуправстве дьяков Протопопова и Н. Юдина, обвиненных в том, что они «грамоты... отпускали... без ведома окольного Р.М. Стрешнева в Тоболеск и Тобольского разряду в городы». По результатам расследования их лишили дьяческого чина, но сама практика, видимо, возникла в 1650-х гг. из-за долгих отсутствий Трубецкого в Москве ⁶⁸.

Согласно господствующему в историографии мнению, умер Трубецкой в 1662—1663 годах ⁶⁹. И.Е. Забелин называет точную дату: «Скончался 16-го или 17-го декабря 1662 года» ⁷⁰. Прах Алексея Никитича, как и его предков, покоится в княжеской усыпальнице Свято-Троицкого собора города Трубчевска. Трубчевск по завещанию он передал царю, а другие вотчины и поместья — вывезенному им из Литвы Ю.П. Трубецкому ⁷¹.

Подведем итоги. Детство и юность князя Трубецкого совпали со Смутным временем. Трагедия гражданской войны определила основы его мировоззрения, сутью которого стало служение благоденствию

и безопасности православного Московского царства. В годы восстановления России после Смуты он сумел решить целый ряд крайне сложных задач экономического развития и социального обустройства Сибири и Нижнего Поволжья. Во время тобольского воеводства Трубецкой приложил немалые усилия для организации хлебопашества и становления железодельного производства в Западной Сибири. Большую роль сыграл в организации походов на р. Лену и в Прибайкалье. На должности начального человека Сибирского приказа он организовал русское продвижение в Забайкалье и Приамурье. На воеводстве в Астрахани заботился о развитии международной торговли по Волге, вовлечении в нее персидских, индийских, бухарских и армянских купцов.

Трубецкой сыграл выдающуюся роль во внешней политике Московского царства. Благодаря его деятельности произошло важнейшее событие в истории внешней политики России — установление дипломатических и торговых отношений с Китаем. В последние годы жизни он служил на западных рубежах, где сыграл ключевую роль в воссоединении России и Украины.

Примечания

1. Сказание о роде князей Трубецких. М. 1891; КАРГАЛОВ В.В. Полководцы: XVII в. М. 1990, с. 260—264; АНДРЕЕВ И.Л. Алексей Михайлович. М. 2003, с. 264—266; ВОЛКОВ В. В воинстве счастлив и недругам страшен. — Родина. 2006, № 11; ФЛОРЯ Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655—1661 гг.). М. 2010; СЛИЖ Н.В. Судьба Трубецких в контексте межгосударственных отношений Великого княжества Литовского и Московского государства. В кн.: Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. статей памяти акад. Л.В. Черепнина. М. 2010.
2. ЗИМИН А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М. 1988, с. 127; КОРЗИНИН А.Л. Государев двор доопринный период (1550—1565 гг.). Дисс. докт. ист. наук. Т. 1. СПб. 2016, с. 116—117, 174, 318; т. 2, с. 143, 241, 269; ПАВЛОВ А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб. 1992, с. 28, 33, 39, 41, 66, 68, 143, 160—162 и др.
3. ЗАБЕЛИН И.Е. История города Москвы. М. 1905, с. 211, 321—327.
4. ЧИСТЯКОВА Е.В. Москва в середине 30-х гг. XVII в. В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М. 1967, с. 304.
5. Сказание Авраамия Палицына. М.-Л. 1955, с. 238—239.
6. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. 8. М. 2009, с. 33.
7. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1. СПб. 1851, с. 353, 415, 431, 443, 465, 475, 477, 508, 513, 525, 634, 776.
8. Боярская книга 1627 г. М. 1986, с. 64.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 214, стб. 17, л. 31—123.
10. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. Новосибирск. 2000, с. 131.
11. Виршевая поэзия (первая половина XVII в.). М. 1989, с. 106—107.
12. МИЛЛЕР Г.Ф. История Сибири. Т. II. М. 2000, с. 475; Прибыльные дела сибирских воевод, с. 128, 129, 130; КУРЛАЕВ Е.А., МАНЬКОВА И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. М. 2005, с. 22.
13. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. II, с. 411—412; Прибыльные дела сибирских воевод, с. 127, 131.

14. Прибыльные дела сибирских воевод, с. 130.
15. Там же, с. 108—134, 348—349; Дворцовые разряды, т. I, с. 528.
16. КУКАНОВА Н.Г. Русско-индийские торговые отношения в XVII в. В кн.: Ученые записки Тихоокеанского института. Т. 2. М.-Л. 1949, с. 140—141.
18. БОГОЯВЛЕНСКИЙ С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. В кн.: Исторические записки. М. 1939, с. 67—75.
19. Прибыльные дела сибирских воевод, с. 108—134, 348—349.
20. Боярская книга 1639 г. М. 1999, с. 89.
21. Дворцовые разряды, т. II, с. 683, 692; Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб. 2001, с. 303.
22. Дворцовые разряды, т. III, с. 3, 13, 23, 79.
23. КУРЦ Б.Г. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М. 1914.
24. МЯСНИКОВ В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М. 1980, с. 88.
25. РГАДА, ф. 214, стб. 311, л. 1—32, 37, 59, 75, 92—113; стб. 630.
26. БАХРУШИН С.В. Научные труды. Т. II. М. 1955, с. 67, 69.
27. ПОКРОВСКИЙ Н.Н. Томск. 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск. 1989.
28. Прибыльные дела сибирских воевод, с. 195—214.
29. АРТЕМЬЕВ А.Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII веке и типы оборонительных сооружений. — Отечественная история. 1998, № 5, с. 140—141.
30. ИВАНОВ В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск. 1999, с. 98—129.
31. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. Т. 3. СПб. 1848, с. 106—107; Сб. документов по истории Бурятии. XVII в. Улан-Удэ. 1960, с. 80—81, 109—117, 199—203.
32. КРАДИН Н.П., ТИМОФЕЕВА М.Ю. О дате основания Нерчинского острога. — Вопросы истории. 1988, № 1, с. 172—173.
33. Сборник документов по истории Бурятии, с. 203—208.
34. Русская историческая библиотека. Т. 15. СПб. 1894, с. 5, 8—9.
35. ЛЕОНТЬЕВА Г.А. К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII — начале XVIII вв. (Нерчинский уезд). В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1968, с. 41.
36. ДОЛГИХ Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. М. 1960, с. 326.
37. Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. 1608 — 1683. Т. I. М. 1969, с. 235.
38. Дополнения к актам историческим, т. 4, с. 176—177, 260—261; Русско-китайские отношения в XVII веке, т. 1, с. 234—235, 238—241.
39. Там же, с. 126, 130—131, 543.
40. РГАДА, ф. 214, стб. 422.
41. Дополнения к актам историческим, т. II, с. 523—528.
42. Русско-китайские отношения в XVII веке, т. 1, с. 234, 235, 238—241.
43. Дополнения к актам историческим, т. III, с. 224, 233.
44. ИВАНОВ В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск. 1979, с. 91—103.
45. Сб. документов по истории Бурятии, с. 212—222.
46. Русско-монгольские отношения. 1636—1654. М. 1974, с. 172—173, 184—187, 213—214, 237—242, 256—257, 263—264, 268—269.
47. Там же, с. 270—271, 274—277, 291—292, 368—369.
48. Русско-монгольские отношения. 1654—1685. М. 1996, с. 22, 49—50, 83—84.
49. Русско-монгольские отношения. 1636—1654, с. 381—386.
50. Полное собрание законов Российской империи. Т. I. СПб. 1830, с. 603.
51. Русско-монгольские отношения. 1636—1654, с. 316—319, 330—333, 340—342.
52. Сборник документов по истории Бурятии, с. 142; Русско-монгольские отношения. 1636—1654, с. 333, 338—339.
53. РГАДА, ф. 214, стб. 220, л. 82, 83.
54. Русско-монгольские отношения. 1636—1654, с. 389—392.

55. Дворцовые разряды, т. III, с. 339—340.
56. Русско-китайские отношения в XVII в., т. 1, с. 143—144, 167.
57. Там же, с. 178.
58. Там же, с. 95—102.
59. Там же, с. 215, 233—234, 347.
60. Дворцовые разряды, т. III, с. 160; Дополнения к т. III Дворцовых разрядов, с. 269, 315.
61. СЛИЖ Н.В. Ук. соч., с. 657.
62. ФЛОРЯ Б.Н. Ук. соч., с. 13—14, 25.
63. КОШЕЛЕВА О.Е. О частновладельческих городах России XVII века. В кн.: Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М. 1984, с. 7—9.
64. БОГОЯВЛЕНСКИЙ С.К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков. М. 2006, с. 295.
65. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661—1663 гг. М. 1911.
66. БАЗИЛЕВИЧ К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л. 1936, с. 87—88; БУГАНОВ В.И. Московское восстание 1662 г. М. 1964, с. 97—99, 101, 131—132.
67. РГАДА, ф. 214, стб. 661.
68. Там же, стб. 668.
69. CRUMMEY R. Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613—1689. Princeton. 1983, p. 186; ДЕМИДОВА Н.Ф., МОРОЗОВА Л.Е., ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А.А. Первые Романовы на российском престоле. М. 2000, с. 440.
70. ЗАБЕЛИН И.Е. Ук. соч., с. 327.
71. МАЛОВ А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656—1671 гг. М. 2006, с. 88.

Внедрение научных достижений в сельском хозяйстве Сибири в годы перестройки

А.В. РЫЧКОВ

Аннотация. В работе на сибирских материалах рассматриваются проблемы организации внедрения научных рекомендаций в сельскохозяйственное производство в СССР в период перестройки. Анализируются основные направления научно-производственной интеграции, предпринимается попытка определить их эффективность. Автор приходит к выводу, что в перестройку был использован бюрократический вариант ускорения научно-технического прогресса в сельском хозяйстве, что и предопределило его неудачу.

Ключевые слова: перестройка, аграрная наука, сельское хозяйство, научно-производственная интеграция, Сибирь, СССР.

Abstract. The work on Siberian materials deals with the problems of organizing the introduction of scientific recommendations into agricultural production in the USSR during the period of perestroika. The main directions of research and production integration are analyzed, an attempt is made to determine their effectiveness. The author comes to the conclusion that a bureaucratic version of speeding up scientific and technological progress in agriculture was used in perestroika, which predetermined his failure.

Key words: perestroika, agrarian science, agriculture, scientific and production integration, Siberia, the USSR.

Важнейшим фактором динамичного социально-экономического развития страны является применение научных достижений на производстве. Особое значение имеет научно-производственная интеграция в сельском хозяйстве. В рамках предлагаемой публикации будет сделана попытка исторической реконструкции хода реформ в научно-внедренческой сфере в сельском хозяйстве СССР в период перестройки на примере такого крупного региона, как Сибирь. Активное промышленное освоение востока страны обусловило и ускоренное развитие сельскохозяйственной отрасли.

В суровых сибирских условиях вопросам научного обеспечения сельского хозяйства придавалось первостепенное значение, поэтому все проблемы и болевые точки научно-производственной интеграции проявились здесь в наиболее

Рычков Александр Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Омского государственного технического университета. E-mail: alex-rychkov@mail.ru.

Rychkov Alexander V. — candidate of historical sciences, associate professor at the Omsk State Technical University. E-mail: alex-rychkov@mail.ru.

рельефном виде. Важнейшим фактором преодоления неблагоприятных тенденций в экономике страны рассматривалось ускорение научно-технического прогресса. Реальная ситуация в сельском хозяйстве требовала срочной активизации усилий в данном направлении. В целом по СССР, по данным ученых, к началу перестройки в сельское хозяйство страны внедрялось не более 10—15% всех завершенных научных разработок¹. Аналогичным образом обстояло дело и в Сибири. Из общего количества научно-исследовательских работ по вопросам земледелия и химизации в сибирском регионе использовалось только 18% разработок, а по вопросам кормопроизводства и механизации — 8—10%². «Оценивая итоги внедрения науки в сельскохозяйственное производство региона... следует, к сожалению, признать, что научные разработки еще медленно осваиваются сельскохозяйственным производством, значительно медленнее и меньше, чем их разрабатывается, передается и принимается сельскохозяйственными органами», — писал председатель Сибирского отделения Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ, ныне РАСХН) академик П.Л. Гончаров³.

При этом руководством страны декларировалось, что успех возможен только в случае активизации человеческого фактора, через снятие административных ограничений и развитие инициативы «снизу». Однако между декларациями и реальностью, как известно, дистанции огромного размера. Рассмотрим, как на практике осуществлялась политика «ускорения» научно-технического прогресса в сельском хозяйстве.

В 1970-е гг. в СССР пристальное внимание было обращено на удачный опыт научно-производственной интеграции в прибалтийских республиках СССР. В Литве, например, применение научных достижений, наряду с другими мерами, осуществляемыми в республике, дало возможность колхозам и совхозам за десятилетие 1965—1975 гг. поднять урожайность зерновых более чем в 2 раза, заметно укрепить кормовую базу животноводства и увеличить производство мяса в 2,6 раза, молока — в 1,9 и надой в среднем от коровы — в 1,6 раза⁴.

При внимательном и детальном рассмотрении выяснилось, что в республиках Прибалтики управление наукой и внедрением научных рекомендаций имело менее бюрократизированный характер, нежели в других регионах страны. Вопросы научной и производственной деятельности учреждений науки здесь решались самими институтами, минуя управленческую вертикаль, причем производственные отделы институтов по отношению к своим опытно-экспериментальным хозяйствам выполняли функции районного управления сельского хозяйства. НИИ вместе с опытно-экспериментальными хозяйствами образовывали своеобразный единый научно-производственный комплекс. Данная система интеграции аграрной науки и практики в Прибалтике полностью себя оправдала и, по мнению ученых, не требовала дополнительных «внедренческих» надстроек⁵. В ходе организованного в середине 1970-х гг. Государственным Комитетом по науке и технике при Совете Министров СССР обсуждения научно-внедренческих проблем в сельском хозяйстве данную точку зрения поддержали и руководители прибалтийских республик⁶.

Следуя прибалтийскому опыту, главным звеном «онаучивания» аграрной отрасли в перестроечное время стали рассматриваться научно-производственные объединения (НПО), научно-производственные системы (НПС) и производственные системы (ПС). Они должны были действовать по образу и подобию существовавших объединений в Прибалтике. Главная цель их создания — снятие бюрократических барьеров в процессе внедрения научных рекомендаций в производство, объединение научных и производственных подразделений воедино, с опорой на взаимную заинтересованность и экономическую выгоду их участников. Научно-производственные объединения включали в себя аграр-

ный НИИ как головное учреждение, проектные и конструкторские организации, сельскохозяйственные предприятия. Таким образом, НПО формировались как единый научно-производственный комплекс, объединяющий основные звенья в цепи «наука — производство». Входящие в НПС и ПС организации сохраняли хозяйственную самостоятельность и их отношения регулировались на контрактной основе. Если головным учреждением выступали научно-исследовательское учреждение или вуз, то система становилась «научно-производственной», если в роли организатора было базовое хозяйство — то структура считалась «производственной системой». Для научного обеспечения систем создавался штат постоянных работников — научных организаторов внедрения.

Однако если в прибалтийских республиках эта форма научно-производственной интеграции оказалась эффективной, то в других регионах ситуация была иной. Прежде всего, негативную роль сыграл тот факт, что НПО, НПС, ПС стали рассматривать как очередную «палочку-выручалочку», «счастливую находку» для сельского хозяйства — единственную эффективную научно-внедренческую форму — и их создание часто носило стихийный и лавинообразный характер. Процесс ускорялся тем, что сам М.С. Горбачёв считал НПО «наиболее рациональной» формой продвижения научных достижений в практику ⁷. Первое НПО «Колос» в аграрном секторе Сибири было создано еще в 1980 г. в Омской области, в 1983 г. появилось НПО «Элита» в Курганской области, в течение 1985—1987 гг. в Сибири было создано еще 5 НПО ⁸. В дальнейшем главное внимание было обращено на формирование НПС. В 1988 г. в регионе функционировало 37 научно-производственных систем ⁹, в 1991 г. — уже 52 ¹⁰. Количество производственных систем ввиду нежелания руководства базовых хозяйств выступать в роли организаторов было незначительным.

Как в любой «модной» кампании, на первое место вышла не главная цель — укрепление связи аграрной науки с производством — а сам процесс. В результате при создании НПО в их состав нередко включалось большое количество хозяйств с плохими показателями производственной и хозяйственной деятельности, многие из которых были убыточными. Для подъема их экономики требовались большие затраты времени, сил и средств, и роль «оазисов» науки в сельском хозяйстве они сыграть не могли. Вопрос материально-технического обеспечения научно-производственных объединений так и остался нерешенным, а с нарастанием дезинтеграционных процессов в стране он все более и более обострялся. Одновременно на хозяйства, входившие в НПО, возлагались обязанности по производству товарной сельскохозяйственной продукции, не связанной с профилем деятельности объединения. Кроме того, не сложилось понятной и прозрачной системы стимулирования труда ученых в составе НПО. Естественно, все эти недостатки отражались на функционировании научно-производственных объединений, снижали положительный эффект их деятельности.

Имелись недостатки в деятельности НПС и ПС. Некоторые системы были образованы без достаточного обоснования, охватывали небольшое число хозяйств, не имели договорных отношений с научными учреждениями. Имелись и факты самороспуска систем.

Более того, создаваемые в массовом порядке НПО и НПС оказались в до предела забюрократизированной среде. Внедренческими делами занимались многочисленные структуры в союзных и республиканских министерствах, в областных и краевых сельскохозяйственных органах, на районном уровне. «Внедренческая вертикаль» на областном (краевом) уровне в начале перестройки выглядела следующим образом. Заместителем председателя областного агропромышленного комитета, как правило, являлся руководитель находившегося на данной территории научно-исследовательского учреждения. Он же возглавлял

научно-технический совет облагропрома, который после рассмотрения предложений от НИИ направлял рекомендации для организации непосредственного внедрения достижений в производство в отраслевые подотделы комитета. Параллельно в структуре облагропрома имелся отдел научных исследований, внедрения и пропаганды. В введении всех этих структур и оказались научно-производственные объединения и научно-производственные системы. На районном уровне за внедрение отвечали районные агропромышленные объединения (РАПО), которые должны были пропагандировать достижения науки на территории всего района ¹¹.

Эта огромная армия «специалистов по внедрению», к сожалению, была способна только на локальные, эпизодические успехи, в то время как общая ситуация на «фронте» оставалась более чем стабильной. Не имея понятной и осязаемой мотивации, сельскохозяйственные предприятия стойко держали «оборону». По свидетельству современников, когда ученые приезжали в хозяйства, то их встречали вопросом: «Вы по делу или внедрять?» ¹² Казалось, что в руководящих сферах должны были осознать бесперспективность бюрократического «онаучивания» аграрной отрасли и необходимость формирования иной системы мотивации внедрения достижений науки в аграрное производство, основанной на принципах материальной заинтересованности ученых и производственников в получении фактического экономического эффекта.

Напротив, в 1988 г. в целях «ускорения внедрения достижений науки и техники в агропромышленном комплексе» в союзных республиках, областях (краях) и автономных республиках была создана новая структура: центры научного обеспечения. Парадоксально, но главной целью формирования центров являлось осуществление «перехода от административного принципа внедрения к принципу саморегулирования на основе хозрасчетных отношений» ¹³. Прежде всего, новые учреждения приступили к разработке очередных «комплексных целевых научно-технических программ по развитию агропромышленного производства области, края, республики». Помимо составления программ центры научного обеспечения контролировали заключение договоров с агропромышленными органами, приемку выполненных работ и их оплату, координировали научные исследования по сельскому хозяйству. Как видно, центры научного обеспечения выступили в роли посредника между научными учреждениями и сельскохозяйственными предприятиями. Анализируя их деятельность, сибирские ученые-аграрники пришли к выводу, что под их руководством начался «достаточно выраженный процесс постепенного накопления рыночных структур и рыночных отношений в сфере научного обеспечения АПК», вместе с тем охарактеризовав этот процесс как «медленный и мучительный» ¹⁴. В целом к концу перестройки, по заключению ученых, «центры как составная часть административных структур управления, в силу ряда субъективных и объективных причин, не стали тем звеном, которое бы соединило в единый научно-производственный комплекс разрозненные научные учреждения и агропромышленное производство с его многоукладной экономикой» ¹⁵.

В целом, бюрократический вариант перестройки внедренческого дела оказался не эффективен и не получил одобрения у практических работников. «Перестройка научных сил, перестройка всего нашего агрокомплекса затянулась, управленцы и ученые погрязли в организационных делах, делят кресла, пересаживаются с места на место, меняют вывески, а требуются активные действия, усиление влияния на производство», — писал директор совхоза в Красноярском крае А.Ф. Вепрев в начале 1989 года ¹⁶.

Вопрос о создании в стране единого «внедренческого центра» в сельском хозяйстве обсуждался в середине 1970-х гг., что неудивительно для того времени, когда номенклатура занимала господствующие позиции в управлении эко-

номикой. Странно, что данная идея была реализована в перестроечное время, когда обозначилась иная, экономическая, мотивация.

Вполне естественно, что в условиях всевластия бюрократии деятельность научно-производственных объединений и научно-производственных систем не могла быть успешной. Ученые, анализируя их работу, пришли к выводу, что «развитие их идет неравномерно и пока удельный вес посевных площадей в хозяйствах-участниках систем во многих областях, краях региона крайне низок. Так, в хозяйствах НПС и ПС Омской области удельный вес посевных площадей составляет 15%, Красноярского края — 13, Курганской области — 11, Алтайского края — 6,4, Новосибирской области — 7,0, Кемеровской области — 8,4, а в среднем по Сибири — 8,6%»¹⁷. Положительный опыт, накопленный в прибалтийских республиках СССР, в условиях господства бюрократии был извращен и выхолощен. Бюрократия с готовностью восприняла новые лозунги о «перестройке» системы экономических отношений, чтобы преодолеть невосприимчивость производства к научным достижениям, но главную роль в этом процессе оставила за собой.

Нужно сказать, что ориентация на использование экономических стимулов в деле внедрения достижений науки в сельскохозяйственное производство не являлась совершенно новой и загадочной. В 1960-е — 1970-е гг. постепенно, с большими трудностями административные методы руководства экономикой на местах уступали место более гибким управленческим решениям, способствовавшим научно-производственной интеграции. В стране даже в застойное время имелся успешный, положительный опыт использования экономических стимулов в научно-внедренческой сфере в сельском хозяйстве. Показателен в данном отношении опыт Омской области — своеобразного «оазиса» аграрного благополучия. В годы X пятилетки (1976—1980 гг.) она занимала первое место в зоне выращивания яровой пшеницы в СССР по производству высококачественного зерна. Вот как характеризует атмосферу того времени в Омской области современник: «Была создана атмосфера всеобщего стремления к знаниям. Будни руководителей хозяйств, агрономов, зооветспециалистов, специалистов аграрных служб, ученых, ответственных партийных, советских работников были заполнены семинарами, конференциями, конкурсными мероприятиями. Одним словом — учебой, работой, демонстрацией опыта»¹⁸. Наряду с организационным обеспечением опора делалась и на экономические стимулы. За каждую тонну сильной пшеницы, сданной государству, колхозы и совхозы получали дополнительную плату: за первоклассное зерно твердой пшеницы — 100-процентную надбавку, за твердую пшеницу второго класса — надбавку в 70%. В итоге, в Омской области в X пятилетке удельный вес твердой и сильной пшеницы составил 18,9% в общих закупках¹⁹.

Формирование «атмосферы всеобщего стремления к знаниям» — задача госструктур и под силу только им. Но производственные задачи решались непосредственно сельскими тружениками. Это некий «внедренческий алгоритм», удачно осуществленный на практике в масштабах целой области. Его использование могло быть полезным в других регионах и даже в другое время. Время второй половины 1970-х — первой половины 1980-х гг. названо учеными Омска «золотым веком омского земледелия». «Если бы его худшим образом не прервала перестройка, то Россия поистине кормила бы сейчас первоклассным хлебом полмира», — писал один из вдохновителей «омского чуда», директор Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства академик Н.З. Милащенко²⁰.

Усиление экономических акцентов в хозяйственной деятельности открывало реальные возможности укрепления связи аграрной науки и производства. По мнению сибирских ученых-аграрников, «переход к рыночным отно-

шениям и многоукладной экономике... должен усилить восприимчивость агропромышленного производства к достижениям научно-технического прогресса, сформировать новые экономические отношения в цепи «наука — производство»»²¹.

Однако и здесь ожидания не оправдались. Реформирование экономики в перестроечное время имело спонтанный, малопродуманный характер, научно-внедренческая работа в сельском хозяйстве в данных условиях сопровождалась многочисленными «эксцессами». Системная и кропотливая работа по организации внедрения научных рекомендаций и достижению реального экономического эффекта нередко стала подменяться стремлением к получению «легких денег» через заключение «странных» хозяйственных договоров с хозяйствующими субъектами. Зачастую под видом «научных рекомендаций» производителям предлагали нечто примитивное и само собой разумеющееся. «В самом деле, зачем мы будем выплачивать гонорары за разработку способов измельчения соломы и запахивания ее в почву? У нас такая наука известна каждому механизатору», — высказывал претензии к ученым директор одного из сибирских совхозов в 1989 году²².

Дело доходило до элементарной научной нечистоплотности и мошенничества. Так, в начале 1988 г. приказом Новосибирского облисполкома было создано НПС «Земледелие» в составе трех совхозов, одного колхоза области и головного предприятия в лице кафедры земледелия Новосибирского сельскохозяйственного института. Хозяйства — участники НПС «Земледелие» — в засушливом 1988 г. выполнили заказы государства и получили значительную прибыль за счет реализации зерна. По итогам года головному предприятию была выплачена хозяйствами — участниками системы — значительная сумма. Однако в январе 1989 г. на Совете НПС было принято решение деятельность научно-производственной системы прекратить, а материальные ценности вернуть хозяйствам. Выяснилось, что основной вклад ученых в научное обеспечение урожая заключался в составлении длительного (на полгода вперед) и детализированного по дням прогноза погоды²³. Научная обоснованность расчетов представляется достаточно сомнительной, поскольку и сейчас, спустя почти три десятилетия, составление подобного прогноза невозможно не только на месяцы вперед, но даже точный прогноз на неделю является нечастым. Заметим к тому же, что «длительный прогноз погоды» составлялся не профессиональными метеорологами, а специалистами из другой сферы.

Известно, что на создание нового сорта требуется 10—15 лет интенсивной работы селекционера. Именно длительность селекционного процесса дала возможность сторонникам академика Т.Д. Лысенко критиковать своих научных оппонентов за «преступную медлительность и отрыв от сельскохозяйственной практики». Однако их обещания вывести новые сорта сельскохозяйственных культур за 2—3 года, опираясь на достижения «передовой агробиологической науки», так и остались обещаниями. Но «года минули, страсти улеглись» и... все повторилось в годы перестройки. Например, Бийская селекционная станция, согласно заключенному договору с краевыми органами Алтайского края, обязывалась создать и внедрить сорта сахарной свеклы, отвечающие требованиям интенсивной технологии, в течение одного 1990 года²⁴. Описанные выше события по извлечению «легких денег» из сельского хозяйства производителями называли так: «Наука снимает с нас одни оброки...»²⁵

Аграрная научно-внедренческая сфера пусть и в незначительной степени, но оказалась затронутой «кооперативным» движением эпохи перестройки. Как известно, отказ от административно-командных методов руководства экономикой идеологически обосновывался «возвращением к Ленину». Но, если

В.И. Ленин говорил о строе «цивилизованных кооператоров», посредством которого предполагалось преодолеть экономическую отсталость и внести некую упорядоченность в аграрную экономику, то «кооперация» перестройки представляла собой обратный путь — от относительного, хоть и бюрократического, порядка к полной экономической энтропии. Призванные, по мнению властей, улучшить ситуацию в социально-экономической сфере кооперативы выродились в структуру, откровенно паразитирующую на государственной экономике. В научно-внедренческой сфере кооперативы, как правило, создавались на уровне РАПО и даже в отдельных хозяйствах и состояли из их главных специалистов. Особенно отличилась в данном отношении Новосибирская область, где «внедренческие» кооперативы существовали в нескольких районах²⁶. Как правило, их деятельность продолжалась короткое время. Вероятно, специалисты управляющих аграрных структур, как и ученые, пользуясь ситуацией, «снимали оброки» с производителей, и кооперативы закрывались.

Китайская поговорка гласит: «Великий поход начинается с первого шага». «Шаги» перестройки в научно-внедренческой области имели часто стихийный, несистемный характер. Вместо продекларированной дебюрократизации в цепи «наука — производство» были сформированы новые научно-управленческие структуры и ускорение научно-технического прогресса в сельском хозяйстве превратилось в очередную пропагандистскую кампанию. В сложившихся условиях эффективность таких перспективных организационно-внедренческих форм как научно-производственные объединения, научно-производственные и производственные системы оказалась невысокой. Бюрократический вариант научно-производственной интеграции при неразработанности хозяйственного и юридического аспектов внедренческой деятельности имел следствием формирование коррупционных схем. Дезинтеграция науки и аграрного производства усугубляла и без того кризисную ситуацию в аграрной отрасли, в продовольственном снабжении населения. В конечном счете, все это и предопределило закат советского проекта.

Примечания

1. БЕЛОВА С.М. От повышения эффективности управления сельскохозяйственной наукой — к интенсивному освоению научного потенциала. — Вестник сельскохозяйственной науки. 1986, № 1, с. 30.
2. Сибири — ускоренный шаг. — Земля сибирская, дальневосточная. 1985, № 11, с. 3.
3. ГОНЧАРОВ П.Л. Сельскохозяйственная наука и ускорение научно-технического прогресса. — Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 1984, № 4, с. 10.
4. О работе Литовского научно-исследовательского института земледелия по повышению эффективности исследований и внедрению научно-технических достижений в сельскохозяйственное производство: Постановление Центрального Комитета КПСС 10 ноября 1975 г. Справочник партийного работника. Вып. 16. М. 1976, с. 346—347.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7486, оп. 40, д. 923, л. 3—4.
6. Там же, ф. 9480, оп. 9, д. 2436, л. 292, 294.
7. ГОРБАЧЁВ М.С. Нарастивать продовольственные ресурсы: Выступление на совещании парт.-хоз. актива обл. Казахстана, краев и обл. Сибири и Урала 7 сент. 1985 г. М. 1985, с. 27.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО), ф. 2076, оп. 1, д. 1330, л. 17.
9. Там же, д. 1407, л. 10.

10. Там же, д. 1631, с. 77.
11. Там же, д. 2076, л. 6.
12. «Вы по делу или внедрять?» — Земля сибирская, дальневосточная. 1987, № 12, с. 4.
13. РГАЭ, ф. 650, д. 2944, л. 3.
14. Краткий отчет о работе Сибирского отделения РАСН за 1991 г. Новосибирск. 1992, с. 76.
15. Там же, с. 79.
16. НИКОЛАЕНКО В.А. Концепция Вепрева. — Земля сибирская, дальневосточная. 1989, № 1, с. 4.
17. Краткий отчет о работе Сибирского отделения РАСХН за 1991 г. , с. 78.
18. МОРОЗ А.А. Десять тысяч дней и ночей. В кн.: Время Манякина. Воспоминания. М. 2011, с. 210.
19. Качество зерна и денежные надбавки. — Земля сибирская, дальневосточная. 1985, № 4, с. 4.
20. МИЛАЩЕНКО Н.З. Поле нашей жизни. В кн.: Время Манякина. Воспоминания, с. 216.
21. ГА НО, ф. 2076, оп. 1, д. 1631, л. 76.
22. ГЕЙНРИХ О.Г. О влиянии науки. — Земля сибирская, дальневосточная. 1989, № 2, с. 7.
23. Конфликт (или о том, как бюрократическая машина встает на пути новых форм внедрения в производство достижений науки). — Земля сибирская, дальневосточная. 1989, № 9, с. 8.
24. ГА НО, ф. 2076, оп. 1, д. 1552, л. 79.
25. ГЕЙНРИХ О.Г. Ук. соч., с. 7.
26. ГА НО, ф. 2076, оп. 1, д. 1552, л. 31.

Становление документального киноискусства на Северном Кавказе в 1940-х — 1960-х гг.

И.Т. Цориева

Аннотация. В работе в контексте «новой локальной истории» рассматривается история создания документального киноискусства в национальных автономиях Северного Кавказа. На основе воспоминаний современников — непосредственных участников и свидетелей событий — архивных источников, материалов периодики прослеживаются этапы становления документального кино на базе Северо-Кавказской студии кинохроники, основанной в 1945 г., а с начала 1960-х гг. — республиканских студий телевидения.

Ключевые слова: киноискусство, национальная кинематография, Северный Кавказ, национальная автономная республика, документальное кино, телевизионный фильм, культурный патернализм.

Abstract. The article in the context of “new local history” examines the history of the cinema in the North Caucasus republics. The analysis made with reference to memories, archival sources, periodicals, allows the author to describe the stages of formation the documentary cinema on the basis of North Caucasus newsreel Studio and the republican TV Studios in the middle of 1940s — 1960s.

Key words: cinema, national cinematography, North Caucasus, national autonomous republic, documentaries, TV film, cultural paternalism.

Процесс зарождения национального киноискусства на Северном Кавказе был непосредственно связан с деятельностью Ростовской киностудии по производству хроникально-документальных фильмов. В октябре 1941 г. студия была эвакуирована из зоны боевых действий сначала в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ) ¹, а через год, 1 октября 1942 г., в связи с приближением фронта отправлена в Тбилиси. В апреле 1943 г. она вновь была возвращена в Орджоникидзе. Студия кинохроники столкнулась с огромными трудностями и лишениями (отсутствие должной материальной базы, недостаточная техническая оснащенность, острая нехватка людских ресурсов, дефицит профессиональных

Цориева Инга Топразовна — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН. E-mail: tsorin@mail.ru.

Tsorieva Inga T. — doctor of historical sciences, associate professor, senior researcher at the North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies named after V.I. Abaev. Vladikavkaz Scientific Center of RAS. E-mail: tsorin@mail.ru.

кадров и др.). Тем не менее, была возобновлена деятельность по выпуску киножурнала «Северный Кавказ» о трудовых и боевых буднях населения Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, национальных республик Северного Кавказа.

Накопленный за годы войны опыт организации кинопроизводства в столице Северо-Осетинской АССР был учтен Советским правительством и послужил основанием для принятия весной 1945 г. решения о создании (наряду с Ростовской) самостоятельной Северо-Кавказской студии кинохроники. В сферу ее деятельности вошли Кабардинская, Северо-Осетинская, Дагестанская АССР и Грозненская область. В соответствии с распоряжением Совета Народных Комиссаров СССР от 22 марта 1945 г., был подписан Приказ Комитета по делам кинематографии при СНК СССР о создании в г. Дзауджикау Северо-Кавказской студии кинохроники. На финансирование капитальных работ по ее организации на II квартал 1945 г. Управлению капитального строительства Комитета было поручено выделить 100 тыс. рублей. Обязанности по обеспечению Северо-Кавказской студии необходимым оборудованием и аппаратурой возлагались на Отдел местной кинохроники и Технический отдел Комитета. Подготовительные работы по вводу студии в эксплуатацию планировалось завершить летом 1945 года ².

Пройдя сложный организационный этап послевоенного времени, Северо-Кавказская студия кинохроники приступила к работе и с годами превратилась в один из ведущих центров региональной документалистики. В творческом багаже студии числились хроникально-документальные, научно-популярные и учебные фильмы. Успешно осваивались разнообразные кинематографические жанры. Студия работала в тесном взаимодействии с творческой интеллигенцией республик Северного Кавказа. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. к созданию документальных картин об историческом прошлом и современности, о культурном развитии северокавказских народов активно привлекались местные писатели, композиторы, другие деятели искусства: А. Агузаров, Р. Гамзатов, М. Цагараев, М. Кажлаев, И. Габараев и др. В ряду значительных работ Северо-Кавказской студии кинохроники того времени следует упомянуть две документальные киноленты: «По стране гор» и «Искусство, рожденное в горах», снятые по сценариям дагестанских писателей Гамзатова и Р. Фатуева ³.

С 1950-х гг. во всех автономных республиках региона работали корреспондентские пункты, которые собирали документальный материал для выпусков киножурнала «Северный Кавказ». Помимо Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской и Дагестанской автономных республик в сферу охвата Студии кинохроники вошел и Ставропольский край. Ежегодно выпускалось 48 номеров журнала ⁴.

В целом региональное документальное кино успешно выполняло важнейшие идеологические задачи: пропаганда советского образа жизни, показ преимуществ социалистического строя и воспитание «нового человека — строителя коммунизма». Дружба народов, герои пятилеток, рационализаторы, передовые методы труда, быт и отдых советских людей являлись главными темами документального кино.

К 1960-м гг. сложились организационно-кадровые предпосылки для развертывания телевизионного вещания в автономных республиках Северного Кавказа. В значительной степени организаторы республиканских студий телевидения опирались на энтузиазм, творческую инициативу местной талантливой технической и творческой интеллигенции, молодежи, увидевшей в новом виде искусства огромный потенциал для самореализации. Как позже вспоминал главный режиссер Дагестанской студии телевидения А.В. Мелентьев, «это был замечательный этап, совпавший по времени с “золотым веком” всего со-

ветского телевидения... Учителей не было, потому что учителей не было вообще, и профессионалами становились на работе — в студии, на режиссерском пульте, за монтажным столом, с кинокамерой в руках. И профессионалами становились, потому что в только что построенные студии хлынул поток самых оригинальных и талантливых людей разных специальностей, спешивших по-пробовать себя в этом новом, таком доступном для всех и демократическом новом искусстве»⁵.

«Мы все были романтиками... Людьями увлеченными, влюбленными в свою очень интересную новую профессию, — отмечала М.Д. Бетоева, занимавшая в 1962—1968 гг. должность заместителя председателя Гостелерадио Северо-Осетинской АССР. — Здесь еще не было многих специалистов, но работали энтузиасты, работали от души..., самозабвенно, и была высокая отдача»⁶.

Начало 1960-х гг. стало временем активного поиска, собирания и подготовки кадров молодых специалистов, способных мыслить творчески, готовых осваивать технологические новации, учиться искусству телевизионного вещания, создания телевизионного кинематографа. К комплектованию штатов телевидения профессиональными кадрами руководство национальных республик подходило с особым тщанием.

Анализ событий, связанных с созданием Северо-Осетинской студии телевидения, свидетельствует об активном участии политического руководства, в частности «первого лица республики» Б.Е. Кабалоева, в решение наряду с организационными, финансовыми, техническими и прочими вопросами проблемы обеспечения телевидения профессиональными кадрами. Кабалоев оказывал всемерную поддержку руководителю Республиканского комитета радиовещания и телевидения И.А. Гапбаеву, а затем его преемнику А.Т. Агузарову в подборе и подготовке творческих и технических кадров. Среди тех, кого первый секретарь обкома КПСС рекомендовал для работы на телевидении, была А. Ботоева, впоследствии ставшая одним из ведущих режиссер Северо-Осетинской студии телевидения. Из Северо-Кавказской студии кинохроники пришли работать режиссер Роберт Меркун и звукооператор Сулейман Есиев, из республиканского радиовещания — журналист Владимир Остапов⁷.

Руководство республики привлекало специалистов из других регионов страны. По официальному приглашению Министерства культуры Северо-Осетинской АССР (в 1963 г. его возглавил Гапбаев. — *И.Ц.*) вернулся Маирбек Царикаев. Ему было поручено возглавить художественно-постановочную часть Северо-Осетинской студии телевидения⁸.

В апреле 1962 г. для «укрепления кадров телевизионщиков» из «Ленфильма» отозвали молодого выпускника операторского факультета Всесоюзного государственного института кинематографии Мирона Темиряева, который вернулся с собственной профессиональной кинокамерой и даже небольшим запасом киноплёнки, представлявшей в условиях всеобщего дефицита большую ценность. Возглавив кинооператорский цех, он «взялся за выполнение своей программы-минимум — создание студии телевизионных фильмов»⁹.

Одновременно с привлечением профессиональных кадров извне руководство республики изыскивало возможности для отправки молодежи на специальные курсы в Москву, Ленинград, Ростов, Ригу, Тбилиси. Активно использовались целевые направления для учебы на Высших курсах сценаристов и режиссеров при Госкино СССР, во Всесоюзном государственном институте кинематографии. Учились и на месте — у профессиональных режиссеров, операторов, которые приезжали в республику. Проходили стажировку в Северо-Кавказской студии кинохроники. Консультировать начинающих кинематографистов приглашали специалистов из «Мосфильма», Студии детских и юношеских фильмов имени М. Горького, студии «Грузия-фильм», Рижской киностудии¹⁰.

Основание республиканских студий телевидения придало новый импульс развитию регионального документального кино. По мнению специалистов, ведущую роль в развитии нового направления в искусстве народов Северного Кавказа играла Северо-Осетинская студия телевидения. Ей принадлежала и важная роль в формировании творческих кадров. Многие известные в будущем деятели документального и игрового кино на Северном Кавказе, сценаристы, режиссеры, операторы — А. Бзаров, Ю. Боциев, И. Бурнацев, Р. Гаспарянц, Б. Дзбоев, С. Есиев, Ю. Мерденев, Р. Меркун, М. Немысский, В. Пастон, И. Притула и др. — начинали свой творческий путь именно на Северо-Осетинской студии телевидения¹¹. Темирязев вспоминал: «Более десяти лет было потрачено на организацию, становление и “мужание” телекино в Осетии с “нулевого” цикла. В результате получилась базовая студия телефильмов Северного Кавказа, в программе которой — хроника, документальные фильмы, фильмы-концерты и, наконец, игровые фильмы»¹².

Формирование нового направления художественного творчества происходило в условиях острого конфликта интересов телевизионных деятелей с Северо-Кавказской студией хроникально-документальных и научно-популярных фильмов. Профессиональное соперничество в результате «вторжения» телевизионщиков в сферу деятельности Северо-Кавказской студии кинохроники особенно обострилось с приходом Агузарова на должность председателя Северо-Осетинского комитета по радиовещанию и телевидению. Предпринимаемые им практические шаги по реализации идеи создания телевизионного кинематографа на Северном Кавказе с центром в Орджоникидзе наталкивались на жесткое противодействие со стороны руководства студии кинохроники. Впоследствии Агузаров отмечал: «Все нам помогали. Только... наша кинохроника не собиралась помогать. Директор Остап Павловский... писал на нас жалобы в обком и Совет Министров. Меня называл авантюристом. Он немного присмирел, когда мы ему жестко выразили свое недовольство. Дело было в том, что у нас не было лаборатории, в которой бы проявляли киноплёнку. А у кинохроники она имелась, и она могла нам помочь. Позднее она стала помогать за деньги...»¹³

Кино рождалось несмотря на нехватку кинокамер, световых приборов, транспорта, монтажных столов, наконец, практического опыта кинопроизводства. К концу 1962 г. Северо-Осетинская студия уже располагала техническими возможностями, позволявшими снимать на узкой плёнке информационные сюжеты и очерки. А с появлением передвижной телевизионной станции (ПТС) расширились возможности для проведения внестудийных съёмок¹⁴.

Через два-три года после создания телестудии удалось приступить к съёмкам первых документальных фильмов. Тематика, организация, стилистика кинематографических работ говорили о стремлении «опробовать свежие силы нового искусства» на традиционном конгломерате сюжетов, идей, ситуаций, характеристик, принятых в литературе и искусстве¹⁵.

В целом документальная кинопродукция региона отвечала общественно-политическим запросам времени в толковании партийно-советского руководства. Анализ содержания документальных фильмов, киноочерков, кинорепортажей, кинопортретов и других картин тех лет характеризует тематические предпочтения официозной документалистики, часто приурочиваемой к знаковым историческим юбилейным датам¹⁶.

В деятельности республиканских студий телевидения, как и других культурных учреждений, генеральными направлениями, предназначенными для творческой разработки, выступали историко-революционная тема, темы Великой Отечественной войны, дружбы народов и созидательного труда современников, воспитания подрастающих поколений. Документальное кино по другим темам

(краеведение, народное прикладное искусство, фольклор, народные традиции и обычаи) выполняло вспомогательные функции в утверждении на местах «советского образа жизни».

Таким образом, тематически и содержательно документальное киноискусство в Северо-Кавказских республиках развивалось в русле сформировавшихся традиций советской документалистики. Оно опиралось на опыт и профессионализм московской и ленинградской школ, внимательно изучало новаторские поиски региональных киностудий, участников фестивалей документального кино. Растущий энтузиазм вызывало повышение роли киноискусства в межнациональном общении граждан, во взаимопроникновении и обогащении национальных культур в условиях повседневности, вне торжественных событий и дат. Особое место заняла телевизионная документалистика, обратившаяся к проблемам различных социальных слоев советского общества — молодежи, ветеранов войны, семьи и т.д. По сути, региональное телевизионное кино стало молодежной трибуной, общественным рупором наиболее активных представителей творческой, научной и технической интеллигенции на Северном Кавказе ¹⁷.

В заключении отметим, что история становления и развития на Северном Кавказе профессионального документального киноискусства имеет не только хронологические границы, но и этапы качественного роста материально-технического, профессионального и кадрового потенциала. Из областной Ростовской студии кинохроники военного времени отпочковалась и за два последующих десятилетия сформировалась профессиональная Северо-Кавказская студия кинохроники, ежегодно выпускавшая десятки документальных фильмов, киножурналов, очерков, репортажей и т.д. В начале 1960-х гг. она послужила организационно-кадровым подспорьем для создания республиканских студий телевидения, в свою очередь заложивших основы для развития телевизионного документального и игрового кино в национальных автономных республиках Северного Кавказа.

Достижения региональных телевизионных документалистов и вклад в общее дело осетинских кинематографистов стали основным аргументом для политического руководства Северной Осетии, выступившего в середине 1960-х гг. с инициативой создания Северо-Кавказской студии телевизионных фильмов с центром в г. Орджоникидзе. Предложенная председателем Комитета по радиовещанию и телевидению Совета Министров СОАССР Агузаровым и поддержанная первым секретарем Северо-Осетинского обкома КПСС Кабалоевым идея о строительстве студии телевизионных фильмов и производственного киномеханического комплекса в регионе была одобрена центральной властью. Начинался новый этап в развитии регионального телевизионного киноискусства, знаменовавший рождение национального игрового кино на Северном Кавказе. В контексте истории развития национальных культур эта тема требует специального рассмотрения.

Примечания

1. Название города Владикавказ в XX в. менялось несколько раз. В 1931—1944 гг. и 1954—1990 гг. он назывался Орджоникидзе, в 1944—1954 гг. — Дзауджикау, в 1990 г. возвращено первоначальное наименование. — История Северной Осетии. XX век. М. 2003, с. 622, 624—625, 628.
2. Культурное строительство в Северной Осетии. 1941—1977 гг. Сб. документов и материалов. Т. 2. Орджоникидзе. 1983, с. 166—167.
3. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Махачкала. 2005, с. 367.

4. Культурное строительство в Северной Осетии, с. 188—189.
5. МЕЛЕНТЬЕВ А.В. Дагестанское ТВ: Молодежные программы (1985—1989). Художественное творчество Дагестана и молодежь. Махачкала. 1991, с. 83.
6. Осетинская горка. Восхождение: к юбилею ГТРК «Алания». Владикавказ. 2011, с. 41.
7. Там же, с. 63—64, 84.
8. РЕЗНИК О. Интервью с художником М.О. Царикаевым. URL: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/03-vstrecha-dlya-vas/mairbek-carikaev-v-sssr-soyuz-xudozhnikov-severnoj-osetii-vsegda-byt-odnim-iz-samyx-silnyx>.
9. ХУБЕЦОВА З.Ф. В книге судеб ни слова нельзя изменить. Владикавказ. 1999, с. 50.
10. Осетинская горка, с. 42, 49.
11. ДЖУЛАЙ Л.Н. Рождается сегодня... Очерк истории художественного кинематографа Северной Осетии. В кн.: Вопросы осетинского советского искусства. Т. 38. Орджоникидзе. 1981, с. 152—153.
12. Время мастера (М. Темирязев). Некролог. — Северная Осетия. 22.X.2015.
13. АГУЗАРОВ А.Т. Воспоминания. — Мах дуг. 1992, № 4 (на осет. яз.), с. 18.
14. ХУБЕЦОВА З.Ф. Ук. соч., с. 47.
15. ДЖУЛАЙ Л.Н. Познание поэтики (Поиски образа в документальном телефильме). — Литературная Осетия. 1975, № 46, с. 103.
16. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания (ГАНИ РСО-А), ф. 1 «Северо-Осетинский обком КПСС (1924—1991гг.)», оп. 28, д. 833, л. 3.
17. МЕЛЕНТЬЕВ А.В. Ук. соч., с. 73.

Судьба княгини Волконской

Н.И. Цимбаев, Е.Н. Цимбаева

Аннотация. Работа посвящена судьбе блестящей представительницы Серебряного века княгине С.А. Волконской. В центре внимания авторов ее бескомпромиссная борьба за жизнь и свободу мужа в Советской России периода гражданской войны. В работе освещается жизненный путь необыкновенной женщины, стойкость которой вызывала уважение вождей Белого движения и творцов красного террора. Скрупулезно, на основе ее малоизвестных воспоминаний анализируются суждения Волконской о переломной эпохе русской жизни.

Ключевые слова: Советская Россия, гражданская война, красный террор, белая эмиграция, духовная культура, Серебряный век.

Abstract. The work deals with the biography of the princess Sophia Volkonskaya who was an outstanding representative of the Silver Age. In the center of authors's attention is uncompromising fight of Volkonskaya for her husband life and freedom in the Soviet Russia of the period of Civil war. There is the story of life of one unusual woman. Her resistance was respected by the White movement leaders as well as by creators of red terror. According Volkonskaya little-known memoirs the authors search her views at the critical period of the Russian life.

Key words: Soviet Russia, the Civil war, the red terror, the white emigration, intellectual culture, the Silver Age.

«... И тоска, тоска бесконечная». Такими словами завершила княгиня София Алексеевна Волконская свою книгу воспоминаний «Горе побежденным» — замечательное свидетельство силы духа, стойкости и бесстрашия русской женщины, на чью долю выпали невиданные и неожиданные испытания, которые принес им кровавый двадцатый век.

Четвертая, младшая дочь графа Алексея Александровича Бобринского, графиня София родилась в Санкт-Петербурге в Рождество, 25 декабря 1887 года.

Цимбаев Николай Иванович — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: 7333910@mail.ru; *Цимбаева Екатерина Николаевна* — доктор исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: tsimbaeva@mail.ru.

Tsimbaev Nikolay I. — doctor of historical sciences, professor at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: 7333910@mail.ru; *Tsimbaeva Ekaterina N.* — doctor of historical sciences, associate professor at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: tsimbaeva@mail.ru.

Знаменитый род Бобринских ведет свою историю от Алексея Григорьевича Бобринского (1762—1813 гг.), внебрачного сына Екатерины II и Григория Орлова. Среди Бобринских были генералы и министры, ученые и царедворцы, политические и общественные деятели. Богатые землевладельцы, они умели внедрять агротехнические новшества и занимались предпринимательством.

Отец Софии приходился праправнуком императрице. А.А. Бобринский (1852, Санкт-Петербург — 1927, Ницца) учился на юридическом факультете Петербургского университета, с двадцати лет служил в канцелярии Комитета министров. В разные годы он был петербургским уездным и губернским предводителем дворянства, председателем Петербургской городской думы, в 1896 г. — сенатором. Со временем, как и большинство Бобринских, стал камергером, а в 1916 г. — обер-гофмейстером. Он с увлечением занимался археологией, вел раскопки курганов в Керчи и Киевской губернии, был председателем и членом разнообразных ученых комиссий, председательствовал в Вольном экономическом обществе. В 1889 г. стал вице-президентом Академии художеств. В годы первой русской революции графа увлекла политика, он твердо отстаивал позиции поместного дворянства. В 1907 г. стал депутатом III Государственной думы, вошел во фракцию крайне правых. С мая 1906 по 1912 г. был председателем Совета объединенного дворянства. Его политические рауты собирали октябристов, националистов и крайне правых. В 1912 г. он был назначен членом Государственного Совета, а в годы первой мировой войны недолгие месяцы был заместителем министра внутренних дел и министром земледелия. В 1919 г. эмигрировал.

Замечательным человеком была и ее мать, Надежда Александровна (1865, Царское Село — 1920, г. Форт Александровский, Закаспийская обл., Мангышлакский уезд) — дочь одного из богатейших людей России, статс-секретаря А.А. Половцова, к которому по жене перешло громадное состояние придворного банкира барона А.Л. Штиглица. Она стала одной из первых женщин, выбравших своей ученой специальностью астрономию. Графиня Н.А. Бобринская работала в Пулковской обсерватории, делала научные открытия и печаталась в специальных журналах.

Можно предположить, что при такой занятости у супругов оставалось немного времени для детей. София могла играть на фортепьяно лишь «Чижика» одним пальцем и совершенно не умела штопать, что прекрасно делала ее старшая современница императрица Мария Фёдоровна. Софию, как и ее мать, увлекали точные науки, медицина и то новое, что входило в мир на рубеже веков — авиация и автомобили. Она любила и отлично знала литературу, русскую и европейскую, писала стихи. Как и ее старшие сестры Екатерина и Домна, она получила фрейлинский шифр, но не менее придворной жизни ее привлекала жизнь богемы. Ее знал и светский, и художественно-артистический Петербург.

Супруги Бобринские разошлись в 1906 году. На следующий год, опередив своих старших сестер, София обвенчалась с корнетом конной гвардии князем Петром Александровичем Долгоруким (1883—1925), родила дочь Софию. Молодые супруги развелись в 1913 году. Девочка воспитывалась в семье матери П.А. Долгорукого, княгини Ольги Петровны, урожденной графини Шуваловой, и покинула Россию вместе с бабушкой на английском военном корабле, на борту которого была вдовствующая императрица Мария Фёдоровна.

София Алексеевна закончила Женский медицинский институт в Петербурге, получила звание «женщина-врач» и право служить в женских лечебных учреждениях. В начале XX в. ограничения на работу женщин были сняты, и София Алексеевна в 1907—1912 гг. много времени практиковала в госпиталях как хирург. Во время второй Балканской войны она отправилась в Сербию в

составе русской медицинской миссии. Когда там началась эпидемия холеры, открыла в провинциальном городке Кочани больницу. За отважную и деятельную работу в холерном лагере сербского Красного Креста она получила орден из рук сербского короля Петра I Карагеоргиевича.

Практически в это же время она увлеклась модными в начале XX в. автомобилями и самолетами, блестяще водила огромный «Делоне-Бельвиль» и была единственной женщиной среди сорока восьми участников знаменитого автопробега на приз Николая II. С 16 по 29 июня 1910 г. автомобилисты прошли 3200 км по маршруту Санкт-Петербург — Псков — Витебск — Могилёв — Киев — Гомель — Рославль — Москва — Тверь — Новгород — Санкт-Петербург. У нее были все шансы занять призовое место, но на стоянке перед самым финишем в ее машину врезался автомобиль одного из участников. Победил ее кузен, граф Г.А. Бобринский.

В 1912 г. София Алексеевна занималась в аэроклубе известного французского авиатора Луи Блерио в Шартре, а вернувшись в Россию, поступила в созданную в 1910 г. Гатчинскую военную воздухоплавательную школу при Императорском Всероссийском Аэроклубе, которую окончила в апреле 1914 г., получив российское удостоверение пилота № 234, войдя в число первых пяти «авиатрисс» России.

С началом первой мировой войны София Алексеевна обратилась с просьбой о назначении ее в авиационный отряд, но прошение не было удовлетворено. Она стала работать в лазаретах Красного Креста. Вспоминая своего доброго друга и родственника Павла Шувалова, погибшего под Гатчиной в 1919 г., она писала: «Мы с Павликом работали в одном отряде — Семнадцатом Передовом Отряде Красного Креста, и вместе проделали весь первый, незабываемый год войны. Лодзь, Равка, Варшава, Праснышь... Сколько воспоминаний!»¹ За свою деятельность она была награждена Георгиевским крестом.

После Февральской революции женщинам разрешили служить в армии. Софию причислили к авиационному отряду, в составе которого была и Елена Самсонова, обладательница удостоверения пилота № 167.

В годы революции София Алексеевна встретила своего второго мужа — дипломата, светлейшего князя Петра Петровича Волконского. Он писал стихи, и был известен в кругах петербургской богемы. В ноябре 1918 г. они обвенчались. При гражданской регистрации, обстоятельства которой не без юмора описаны в воспоминаниях, София взяла фамилию мужа. Графиня Бобринская стала княгиней Волконской. В красной России титулы были упразднены, но в данном случае воспетое поэтами имя — «княгиня Волконская» — сыграло огромную роль в ее судьбе и судьбе ее второго мужа.

В мае 1919 г., беспокоясь о дочери, которую она не видела год, Волконская отправилась в Финляндию. Ее муж остался в Петрограде. Первый муж Волконской, П. Долгорукий, участвовал в Белом движении на юге России. В том же мае был арестован как заложник П. Волконский. Институт заложничества восходит к древности, но в широких масштабах его использовали германские власти в годы первой мировой войны. Вскоре Волконский был переведен в Москву, где находился в заключении в Ивановском лагере до конца февраля 1920 года.

История возвращения Волконской в Советскую Россию, ее неустанных хлопот по освобождению мужа и выезда супругов по эстонским паспортам за границу и составляет содержание воспоминаний, которые были написаны спустя семь-восемь лет после событий.

В эмиграции она жила во Франции, пережила разорение и нищету, преподавала гимнастику, работала медицинской сестрой, шофером такси, переводчицей, снималась в кино как статистка. Она сотрудничала со знаменитой эмиг-

рантской газетой «Возрождение», где присяжным литературным критиком был ее добрый знакомый, поэт В. Ходасевич, а позднее — с «Русской мыслью».

Парижская жизнь была нелегкой. «Увижу ли я когда-нибудь опять Английскую набережную, комнаты мои с окнами на Неву, где так часто сидели мы в сумерках, глядя на зажигающиеся один за другим огоньки на Васильевском Острове, на ярко выделявшиеся на фоне темного неба стройные очертания императорских яхт и на медленно скользившие вниз по реке черные тени тяжелых дровяных барж? Или так и помру в маленьком доме на грязной улочке одного из Парижских предместий, с вечно пьяным стариком угольщиком напротив, да рабочими, пьющими аперитивы в бистро на углу?» — размышляла она ².

В годы немецкой оккупации Парижа Волконская переживала за судьбу дочери, которая участвовала во французском Сопротивлении, была схвачена нацистами и заключена в концентрационный лагерь.

Умерла княгиня София Алексеевна Волконская 8 декабря 1949 года.

«Горе побежденным» — яркий и подробный рассказ о советских и европейских реалиях, о людях, нравах и быте того времени, когда только что закончилась первая мировая, но еще продолжалась гражданская война в России. Излагая события в их хронологической последовательности, автор ведет за собой читателя из провинциального Гельсингфорса, ставшего столицей, через Стокгольм и Лондон в тихий английский курорт Бат, где до княгини дошли сообщения о новой волне террора в России. Ее захлестнуло беспокойство о муже, которому она писала «письма, которые до него не дошли», и неудержимое стремление назад, в страну «большевистского кошмара»: «Конечно, все мне говорили, что это безумие: думать о том, чтобы в настоящее время возвращаться в Россию — для этого надо быть сумасшедшей. Доказывали, что, во-первых, это мне никогда не удастся: граница сейчас закрыта, всякие сношения с Россией порваны. А в случае удачи — что я могу там сделать, чем смогу помочь?» ³

Но ничто не могло удержать Волконскую: «Наперекор всем законам механики, сила Вашего притяжения не только не уменьшается, а чем дальше, и главное чем дальше, тем все сильнее дает себя чувствовать. Скоро наступит момент, когда сила эта, преодолев и сопротивление инерции, и цепкость родительской любви, и голос благоразумия, понесет меня сквозь все препятствия по прямой линии в Петроград» ⁴.

И вот вновь Гельсингфорс, за ним — старый Ревель, следование в грузовике Красного Креста за наступающими частями Юденича и отчаянно смелый переход из занятой красными Гатчины в Петроград, где ее никто не ждал. Долгие месяцы жизни в Советской России.

Хлопоча о муже, она входила в самые высокие кабинеты. Ей обещали содействие белый генерал Юденич, правитель Финляндии Маннергейм, советские вожди Каменев и Калинин. Никто не помог. Бесплодными оказались ходатайства видных большевиков Красина и Красикова. Даже получив постановление ВЦИК об освобождении арестованного, княгиня не могла преодолеть сопротивление той силы, которая безгранично господствовала в стране — ЧК.

Были люди, пришедшие ей на помощь: бездомной, которую в Петрограде отказалась принять мать ее второго мужа, дала приют Марианна Зарнекау, состоявшая в родстве с принцами Ольденбургскими, ее знакомая, с которой они когда-то «вместе кутили, вместе бывали у цыган» ⁵; Максим Горький, которого она прежде не знала («Горького я видела впервые: яркая личность, необтесанная сила, большое сердце. Меня он спас. На Горького много и жестоко нападали — и как на писателя, и как на человека. Я вовсе не собираюсь выступать в его защиту. Да ему она и не нужна — только в баснях львы нуждаются в помощи мышей. Я знаю одно: без помощи Горького я тогда

обречена была на погибель») ⁶; двоюродный брат мужа Сергей Волконский, утонченный театрал, без единого слова впустивший ее, едва ему знакомую, в переуплотненную московскую квартиру, где она стала шестым членом семьи; врачи красноармейского лазарета, которые поддержали коллегу Волконскую, когда почти накануне отъезда она стала жертвой чекистской провокации: «Под протестующим заявлением в уголовный розыск подписались не только врачи и сестры, но и сиделки, и низшие служащие... Полетела в угрозыск бумага в мою защиту. Я думаю, Чека не ожидала такого единодушного отпора» ⁷.

Были, разумеется и те, кто причинял зло ей и ее близким, среди них — Феликс Дзержинский, всемогущий председатель ВЧК, от которого зависело освобождение бывшего светлейшего князя Волконского, и к которому обратился, разумеется, за плату, некий Богуславский, напомнивший ему о производстве Н.А. Некрасова «Русские женщины», в котором однофамилица Софии Мария Волконская вопреки воле родных последовала в Сибирь за своим мужем-декабристом. Дзержинский «тут же подписал указ об освобождении» ⁸.

Княгиня Волконская, вспоминая свою жизнь в тот период, писала: «Робинзон Крузо жил на пустынном острове, Нансен много месяцев провел в полярных льдах; есть такие, что испытали землетрясение в Мессине, и такие, что выжили после пяти лет в окопах; кое-кто спасся с Титаника... Мы же прожили зиму двадцатого года в Москве. Те, кто сами перенесли, те знают, другие, сколько ни рассказывай, по-настоящему никогда не поймут. Да, конечно, мы голодали. Не так сурово, как многие другие, ибо ели мы каждый день, даже два раза в день... И все-таки... Без мяса, без масла, без белой муки, без сахара и т.д. Мерзлая картошка, да пшенная каша на воде, да немного черного хлеба. Изо дня в день. Мысль об еде была постоянна, приобретала характер своего рода навязчивой идеи. И как всякая мания, глубоко нарушала душевное равновесие. Приходили с черного хода неопределенные личности с мешками за спинами, предлагали кто муки, кто картошку... Торговались шепотом, уходили с оглядкой. Хлебом почему-то торговали в подвалах Московского университета. Бегали мы туда под вечер (благо от Шереметьевского переулка недалеко), возвращаясь, прятали хлеб под пальто. Вот-вот схватят и посадят за «спекуляцию». Поди потом, выкручивайся» ⁹.

«Страдали мы и от холода, И опять-таки, мы были счастливее многих других: ниже трех-четырёх градусов температура в комнатах не опускалась, вода в умывальниках не замерзала даже в большие морозы. С шубами не расставались: по ночам в них спали, днем в них работали. Трудно шить, когда пальцы отказываются держать иглу, трудно читать, когда холодное пощипывание в руках и ногах мешает мыслям сосредоточиться» ¹⁰.

Совсем тяжело становилось, когда на ее плечи ложилась вся та тяжесть быта, которую прежде нес кто-то другой: «Прислуги в квартире давно уже не держали; всю работу делали сами. По очереди готовили обед, по очереди мыли посуду (кроме Сережи, целый день занятого лекциями и уроками, поздно возвращавшегося домой и державшегося несколько в стороне от нашего женского муравейника). По очереди же таскали наверх из сарая бревна и распиливали их на дрова... Признаюсь, мне в те дни никогда еще не приходилось пилить дрова. Но когда теперь пила моя то и дело судорожно застревала в каменных внутренностях мерзлого бревна, я старалась помочь себе воспоминаниями об операционном столе: “То же движение как при распиливании тибии”.

Потом, вследствие сильных морозов, у нас как и во многих других домах, лопнули канализационные трубы и приходилось, опять-таки по очереди, носить воду ведрами из соседнего двора. Это были тяжелые дни: у единственного крана всегда очередь, руки мерзнут, ноги тоже, — нелегко дотащить до второго этажа тяжелое ведро ледяной воды по узенькой темной лестнице, покрывшейся

от расплесканной воды скользкой ледяной корой. И это не один, а два, иногда три раза в день»¹¹.

«Держать себя в чистоте становилось с каждым днем все труднее. Страшный серый враг — вошь подкрался и ко мне. Первый раз, помню, и тошнило и хотелось плакать. А потом привыкла, и хотя отвращение осталось, но в истерику я больше не впадала. Сначала пыталась бороться. Каких только средств я на себе не испробовала! И натирания, и ладанки на шее, и камфара, и нафталин, и еще многое-многое другое. Обливалась по утрам ледяною водой, отдавала стирать белье в китайскую прачешную... Но и наука, и суеверие были бессильны, и все мои усилия оставались напрасны. Пришлось покориться...»¹²

Страдания княгини Волконской — это страдания дворянки. Дворянкой она родилась, дворянкой и умерла.

Примечания

1. ВОЛКОНСКАЯ С.А. Горе побеждённым. Воспоминания. Париж. 1934, с. 45.
2. Там же, с. 118.
3. Там же, с. 15.
4. Там же, с. 14.
5. Там же, с. 63.
6. Там же, с. 64.
7. Там же, с. 152—153.
8. Там же, с. 110.
9. Там же, с. 77—78.
10. Там же, с. 78.
11. Там же, с. 79—80.
12. Там же, с. 81, 143.

Переход в православие эмигрантов-униатов в США в 1891—1892 гг. и Святейший Синод РПЦ

Ю.Г. Акимов, К.В. Минкова

Аннотация. В работе на основе массива неопубликованных и не введенных в научный оборот документов, отложившихся в фонде Канцелярии Святейшего Правительствующего Синода Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), рассматривается решение о переходе в православие, принятое в начале 1891 г. группой славянских иммигрантов-униатов в США во главе со священником отцом Алексеем Товтом, и реакция на это решение русской церковной бюрократии. Анализируется характер информации, поступавшей в Святейший Правительствующий Синод по данному вопросу. Вводимые в научный оборот документы позволили впервые реконструировать события января 1891 — июня 1892 года. Авторы приходят к выводу о важности данных событий для понимания специфики всего процесса перехода униатов в православие в 90-е гг. XIX в. и для оценки исторического значения духовного подвига о. Товта.

Ключевые слова: иммигранты-униаты, США, переход в православие, Русская православная церковь, Святейший Правительствующий Синод, о. Алексей Товт.

Abstract. The article based on an array of unpublished documents, deposited in the fund of the Office of the Holy Synod of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg) and not yet introduced into scientific circulation, considers an initiative of a group of Slavic Uniate immigrants in the United States, led by the priest Father Alexey Toth. Special attention is given to the subsequent reaction of the Russian church bureaucracy. The work also examines the nature of the information on this subject coming into the Holy Governing Synod. The documents put into scientific circulation allowed for the first time to reconstruct the events of the time period between January of 1891 and June of 1892. The authors come to a conclusion about the importance of these events for the understanding of the specificity of the whole process of Uniates' transition to Orthodoxy in the 1890-s and for assessment of the historical significance of the spiritual endeavor of Father Alexey Toth.

Key words: uniate immigrants, USA, transition to Orthodoxy, Russian orthodox church, Holy Governing Synod, father Alexey Toth.

Акимов Юрий Германович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: y.akimov@spbu.ru; *Минкова Кристина Владимировна* — кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: k.minkova@spbu.ru.

Akimov Yury G. — doctor of historical sciences, professor at the St. Petersburg State University. E-mail: y.akimov@spbu.ru; *Minkova Kristina V.* — candidate of historical sciences, senior lecturer at the St. Petersburg State University. E-mail: k.minkova@spbu.ru.

В самом начале 1891 г. несколько сотен прихожан униатской церкви в Миннеаполисе (штат Миннесота), по инициативе своего священника отца Алексея Товта, приняли решение о переходе в православие. 23 января они направили письмо епископу Алеутскому и Аляскинскому Владимиру (Соколовскому-Автономову), резиденция которого находилась в Сан-Франциско, с просьбой о принятии их в лоно Русской православной церкви (РПЦ). В последующие десятилетия их примеру последовали другие группы эмигрантов-униатов в США и Канаде. Все это было весьма неожиданно как для руководства РПЦ, так и российских властей в целом.

Первые эмигранты-униаты появились в США еще в 1860-х гг., однако их массовый наплыв туда начался на рубеже 1870—1880-х годов. В своем подавляющем большинстве это были восточные славяне — выходцы из наиболее бедных и отсталых восточных областей Австро-Венгрии. Показательно, что практически все они называли свою веру «русской». Именно эта «русская вера» являлась для них важнейшим элементом самоидентификации, тем, что отличало их от западных славян (поляков, чехов, словаков), также переселявшихся за океан в то время. В этническом плане эмигранты-униаты восточнославянского происхождения делились на две группы: одну можно условно назвать украинской, другую — русинской. К первой относились преимущественно выходцы из Галиции (Галицкой Руси), ко второй — выходцы из Закарпатья (Угорской Руси) и Лемковщины. Однако у представителей обеих групп национальное самосознание было развито еще достаточно слабо. В официальных документах они часто называли себя «австрийцами» и «венграми», но всегда подчеркивали при этом свою «русскую веру».

Эмигранты-униаты концентрировались, главным образом, в небольших шахтерских городках штата Пенсильвания (в конце XIX в. ее даже называли «славянским штатом») и стремительно развивавшихся промышленных и горнодобывающих центрах Иллинойса, Висконсина, Миннесоты. Соответственно именно там со временем стали возникать первые униатские приходы. В 1884 г. в городе Шенандоа (Пенсильвания) священник Иван Волянский совершил первую в Северной Америке греко-католическую литургию. В 1886 г. в этом же городе было закончено строительство первой униатской церкви. В последующие годы из «Старого края» прибыло несколько новых священников (Зенон Ляхович, Владимир Семёнович и др.), и были построены униатские церкви в Кингстоне, Шамокине, Фриланде, Джерси-сити, Миннеаполисе. Их здания, по свидетельству современника, «насколько возможно» были выдержаны «в русском стиле»¹.

Следует отметить, что появление в США униатских священников было крайне негативно воспринято местным католическим духовенством, в особенности епископатом. В то время в нем явно доминировали ирландцы, не имевшие ни малейшего представления о «восточном обряде». Появление в Пенсильвании первого униатского священника Ивана Волянского вызвало переполох в Филадельфийской епархии. Лишь после вмешательства Львовского митрополита местный епископ Патрик Райан согласился признать за Волянским право совершать службы². Однако противодействие не прекратилось. В 1889 г. американские католические иерархи добились от Ватикана запрета на переезд в США женатых униатских священников. В 1891 г. Конгрегация пропаганды веры постановила, что любой униатский священник, желающий отправиться за океан, должен получить на это разрешение из Рима, а находясь в Америке — подчиняться католическому епископу³. Последнее требование являлось нарушением унии и было болезненно воспринято многими униатскими священниками. Также имели место случаи, когда католические епископы анафемствовали греко-католических священников, не разрешали им хоронить покойников на католических кладбищах, отнимали у них церковные здания (подобное, в частности, произошло в городке Осеола Милс в Пенсильвании с приходом

о. Корнилия Лавришина)⁴. Следует отметить, что данная ситуация не укладывалась в американские традиции религиозной свободы и терпимости. К концу XIX в. в США достаточно спокойно сосуществовали протестанты различных деноминаций и сект, католики и иудеи.

Не избежал конфликта с местным католическим начальством и священник Алексей Георгиевич Товт, прибывший в США в 1889 году. По воспоминаниям самого Товта, епископ Джон Айрленд, узнав, что он — католик восточного обряда, заявил, что вообще не признает его католиком и не нуждается в его услугах⁵. Многие историки (причем как «русофилы», так и «украинофилы») считают, что это послужило толчком для дальнейшего развития цепочки событий, приведших в итоге к переходу Товта и его прихода в православие⁶. Однако такой подход представляется слишком упрощенным. В ноябре 1889 г. Товт принял греко-католический приход в Миннеаполисе, где с 1888 г. строилась церковь во имя Покрова Божьей Матери. В течение почти всего следующего 1890 г. Товт оставался в лоне униатства и принимал деятельное участие в организации и проведении «собора» американских греко-католических священников в городе Уилкс-Бери (Пенсильвания)⁷.

Однако в конце 1890 г. Товт начал собирать информацию о представителях Русской православной церкви в США. В то время там была только одна епископская кафедра — Алеутско-аляскинская, находившаяся в Сан-Франциско. Как следует из названия, она окормляла прежде всего православное население бывшей Русской Америки. Это были в основном крещеные аборигены, численность которых была относительно невелика. Соответственно немногочисленным был и штат епархии. За пределами Аляски и Алеутских островов приходов у нее не было, поскольку было мало потенциальных прихожан. В 1888 г. возглавлявший в то время кафедру епископ Владимир (Соколовский-Автономов) лично посетил несколько православных общин, имевшихся в крупнейших городах Соединенных Штатов. По его сведениям, больше всего православных было в Чикаго — до 1000 чел., в Новом Орлеане — около 700 (и там была маленькая «греко-славянская церковь»), в Нью-Йорке — 300⁸.

Очевидно Товт первоначально стремился держать свои действия в тайне, поскольку использовал подставных лиц. От имени псаломщика Михаила Поточного было отправлено письмо в русское консульство с просьбой сообщить адрес епископа РПЦ. После получения ответа во второй половине декабря в Сан-Франциско был отправлен прихожанин Товта Иван Млынар. Официально он должен был выступать как «коллектор», собирающий средства на иконостас⁹. По свидетельству П. Коханика, Млынар благополучно добрался до Сан-Франциско и пришел в русский православный собор Василия Великого на Пауэл-стрит, где познакомился с протоиреем Георгием Чудновским. В ходе беседы сам Млынар назвал себя «православным греко-кафолической веры русского набоженства». Епископ Владимир (Соколовский-Автономов), возглавлявший в то время кафедру, первоначально не придавал значения его появлению и ограничился пожертвованием в 10 долларов. В один из последующих дней Млынар исповедался и хотел подойти к причастию, однако в этот момент выяснилось, что он униат. Присутствовавший при этом Владимир, «отцовски дал ему науку» и посоветовал пойти в католическую церковь. Однако там, узнав, что он «греко-католик», ему велели идти обратно в русский храм на Пауэл-стрит, что Млынар и сделал. На сей раз ему удалось более подробно поговорить с епископом Владимиром, который обратил внимание на то, что униат Млынар, по его собственным словам, всегда «себя за православного христианина держал». Это подвигло епископа написать письмо Товту с предложением официально присоединиться к РПЦ¹⁰.

Об этом событии было незамедлительно сообщено в Петербург¹¹. Млынар же, вернувшись в Миннеаполис, рассказал Товту о своих впечатлениях

о поездке и беседах с епископом Владимиром. Возможно, именно это окончательно убедило Товта принять непростое решение о переходе в православие и присоединении к РПЦ: «коли я все тое видел и слышал, тогда решил на такое, которое у мене уже давно в сердце жило, за которым у мене душа болела... быти православным... Но як же?: треба быть дуже осторожным... я горячо молил Бога, чтобы он мене дал помощь и силу просветити моих темных верников... в том деле помогли мене сами прихожане... некоторы из них заявили: “пойдем к русскому епископу, не вечно ж чужим кланяться”»¹².

23 января 1891 г. Товт отправил епископу Владимиру письмо, в котором просил принять его самого и его приход в лоно Русской православной церкви. В письме утверждалось, что все они «твердо держатся» «обряда святой православной русской кафолической Церкви», исповедуют все, что «в вселенских Соборах установлено есть», и «крепко твердят и веруют», что «Спасение токмо в Православной Кафолической Церкви» является их «долгом». За подписью Товта следовало 105 подписей его прихожан — большей частью на русском языке, несколько — на церковнославянском¹³.

Вскоре Товт лично отправился в Сан-Франциско и имел там беседу с епископом Владимиром. Об этом в частности говорилось в пространном донесении, которое тот в конце февраля отправил в Санкт-Петербург вместе с оригиналом письма Товта. В этом донесении епископ Владимир также отмечал, что в миннеаполиском униатском приходе насчитывается 364 чел., а значительно меньшее количество подписей в письме объясняется тем, что не все они грамотные (однако за них поручились их грамотные единоверцы). Всех прихожан епископ назвал «Галицкими выходцами», хотя и сам Товт, и значительная (если не большая) часть его паствы были уроженцами Закарпатья. Владыка Владимир пояснял, что католический епископ штата, в котором они живут, «объявил их схизматиками за приверженность к греческому обряду. Это заставило их порвать связи с Римом и просить нас о принятии их в православную церковь». Владимир утверждал, что по информации Товта, значительная часть славян-униатов, живущих в других городах и штатах США, также настроены в пользу перехода в православие:

«Священник о. Алексей Товт сообщил мне, что в соседнем им штате Пенсильвания живут до семнадцати тысяч галичан и венгерских русских, построили они 14 церквей, в коих служат ныне 11 униатских священников; что на недавно бывшем соборе священников и мирян именитых все высказывались сочувственно о соединении с православием и подчинении их церковью Аляскинской епархии...

Таким образом о. Алексей явился к нам с путевыми издержками на счет прихожан как бы полномочным русских униатских общин и обещает нам от лица других отречение от прежних римских заблуждений, если... признаете униатских священников равными по достоинству с православными...»

В заключение епископ добавлял, что прихожане Товта просили его приехать к ним весной для совершения чина присоединения к православию, если на то будет получено согласие руководства РПЦ. Общий вывод Владимира был сдержанно-оптимистичным: «Предвидится немало борьбы и гонений от папистов, но да будет “с нам Бог”! Преддадим себя воле Божией!»¹⁴

Вскоре после этого епископ Владимир отправился в Миннеаполис и в воскресенье 25 марта (13 марта по ст. стилю) 1891 г. в неделю Торжества православия объявил о присоединении прихода Товта к православной церкви¹⁵. По одним данным в православие тогда перешло 405 чел.¹⁶, по другим — 361¹⁷ (именно эти две цифры встречаются в литературе). Сам Товт в одном из своих писем говорил о «80 семействах», числом «420 душ»¹⁸.

Однако действия епископа Владимира в тот момент не были санкционированы Святейшим Синодом, где ничего подобного просто не ожидали. В результате

прошение Товта больше года оставалось без ответа. Очевидно, что в Санкт-Петербурге хотели сначала разобраться в ситуации, сложившейся в Миннеаполисском приходе, чтобы избежать каких-либо неприятностей, в том числе, возможных негативных последствий для российско-американских отношений (для этого руководство РПЦ направило запрос в Министерство иностранных дел).

Следует отметить, что сам епископ Владимир, скорее всего, не придавал слишком большого значения произошедшему. Его основное внимание было поглощено заботами о его аборигенной пастве. В начале мая 1891 г. он на несколько месяцев уехал на Аляску, оставив Товта и его прихожан в состоянии известной неопределенности, как организационной, так и материальной.

Все это угнетало импульсивного отца Алексея, который, объявив о своем переходе в православие, начал активно и страстно уговаривать униатов из других приходов последовать его примеру. В конце мая — начале июня он ездил в Чикаго, где совершил православное богослужение для проживавших там сербов, черногорцев, греков, русских и «древле-православных аравалян» (сирийцев), и уговорил «приступить к православию» 63 семейства «галицких униатов» — всего 250 человек. При участии Товта православными жителями Чикаго было составлено прошение на Высочайшее имя с просьбой оказать помощь в строительстве православной церкви и назначить священника, знающего не только церковнославянский, но и греческий язык. В дальнейшем Товт продолжал посещать этот стремительно растущий город, где, по его подсчетам, тогда было от 1500 до 2000 православных, не считая униатов. Его стараниями во второй половине 1891 г. там было учреждено православное церковное братство Св. Николая, «чтобы держать православных в единстве и заботиться о строительстве храма»¹⁹. Во главе братства стоял комитет из девяти человек: трех славян (из Австро-Венгрии), трех русских и трех греков. Секретарем комитета стал банкир Дмитрий Петрович Фридляндер.

Под влиянием отца Алексея о своем желании перейти в православие заявила значительная часть членов Греко-католической конгрегации г. Кливленда (штат Огайо), являвшегося в то время крупным промышленным центром и очагом притяжения восточнославянской иммиграции. Эта конгрегация в основном состояла из закарпатских русинов — это видно из их подписей под письмом, которое они направили Товту (всего 667 подписей на латинице, практически все фамилии мадьяризированы). Сам отец Алексей утверждал, что в Кливленде насчитывается до 1200 униатов, которые хотят присоединиться к православной церкви²⁰. 23 В конце лета 1891 г. он лично съездил в Кливленд и насчитал там всего «2500—3000 русских и венгров восточного обряда»²¹.

Конечно, о. Товт порой принимал желаемое за действительное. В частности он утверждал, что к нему обратился униатский священник из Джерси-сити отец Григорий Грушка, якобы также желавший перейти в православие со своим приходом, насчитывавшим до 2000 душ. На самом деле о. Грушка (способный и популярный проповедник) в тот момент был весьма активным сторонником унии и соответственно противником контактов со «схизматиками». На протяжении ряда лет он издавал газету «Свобода», которая была рупором антирусской и антиправославной пропаганды среди славянских эмигрантов-униатов. Однако в 1896 г. он довольно неожиданно принял решение о переходе в православие, что было неоднозначно воспринято и тогдашним руководством Алеутско-алаянской епархии, и бывшими единоверцами о. Грушки (на него было даже совершено покушение)²².

Кроме того с обличениями в адрес о. Товта и его прихожан уже весной 1891 г. выступил настоятель униатской церкви в Шенандоа (Пенсильвания) о. Константин Андрухович — издатель листка «Русское слово». Принадлежавший к «украинофилам» Андрухович называл православных священников «еретиками», «схизматиками» и «москалями»²³.

Наряду с униатскими священниками против Товта агитировали и представители американского католического духовенства, озабоченные отпадением своей паствы от Рима. Наиболее активными были польские ксендзы, к которым порой обращались униаты из тех мест, где не было греко-католических приходов. Они пугали всех желавших присоединиться к православию адскими муками за «изменение правой вере» и жаловались на Товта его бывшему руководству в Австро-Венгрии, добиваясь отзыва «мятежного» священника из США. В то же время следует признать, что инцидент с миннеаполиским приходом заставил руководство католической церкви в США в последующие годы существенно смягчить свою позицию по отношению к восточному обряду²⁴.

Товт прекрасно понимал, какое большое значение имеет в эмигрантской среде печатное слово на родном языке и какую важную роль оно может сыграть в деле распространения православия. Он знал, что «народ читать любит и верит [газете]». Однако в виду крайне сложного материального положения его и его прихода об издательской деятельности речи быть не могло. В одном из писем епископу Владимиру о. Алексей сетовал: «Много бы способствовала делу православия печатня! Но где же она? Когда насущного хлеба мало»²⁵.

Действительно с весны 1891 г. о. Товт и его церковь в Миннеаполисе существовали исключительно на пожертвования прихожан и на доходы с маленькой бакалейной лавки (он называл ее по-английски «groceries store»). Сама церковь была очень скромной — в ней даже не было иконостаса. Дело осложнялось тем, что со времени ее постройки у прихода остался долг — 1920 долл., который надо было выплачивать. Также требовались деньги на устройство приходского дома, на покупку земельного участка под кладбище, постройку школы, зарплату учителя и т.п.²⁶

Помощь со стороны епархии была достаточно ограниченной (в том числе и потому, что ее финансовые возможности были невелики). Епископ Владимир прислал Товту облачения и несколько предметов церковной утвари. Дважды — в сентябре и октябре 1891 г. — о. Алексею опраивались деньги «на устройство церкви»: первый раз — 200 долл., второй — 70²⁷.

О. Товт переживал из-за отсутствия средств, поскольку это ограничивало возможности его миссионерской деятельности, а также выставляло его в невыгодном свете перед его противниками. В сентябре 1891 г. он писал, что если бы ему «была бы выделена запомога в 60—70 долларей ежемесячно», то он бы обратил уже в православие тысячи человек²⁸. В другом письме он жаловался, что «недостатку натерпелся» и с трудом собирает деньги на покупку свечей для своей церкви. По его словам, в течение всего 1891 г. он находился в таких сложных обстоятельствах, о которых «русские священники ни понятия не имеют»²⁹.

Недоброжелатели Товта распускали слухи о том, что он якобы получает деньги от русских дипломатических представителей в США и, следовательно, действует по их указке. На это отец Алексей очень эмоционально возражал, что хотя он и «убогий бедный человек», но еще не дошел до такого состояния, чтобы «надоедать» иностранным консульствам и брать от них милостыню: «Ни для себя, ни для церкви моей я не просил ничего ни от кого, тем менее от русского консула... Бог свидок — ничего не просил»³⁰.

В середине — второй половине 1891 г. о. Товт направил несколько пространных писем епископу Владимиру и напрямую в Святейший Синод. Он рассказывал об успехах в деле распространения православия, жаловался на трудности своего положения и весьма откровенно высказывал недоумение (порой граничащее с раздражением) по поводу молчания руководства РПЦ. Обращаясь к Синоду, Товт заявлял, что «сделал все возможное», чтобы его паства «твердо и крепко держалась православия» и «прибрал» еще несколько сотен человек из

других мест. При этом он подчеркивал, что «число их есть не фиктивное, но реальное», поскольку все либо «властноручно» подписались под соответствующим прошением, либо их имена внесены туда в присутствии нотариуса. Отец Алексей утверждал, что ему «ежедневно приходится бороться за благое дело», которое, несомненно, может и должно увенчаться успехом, поскольку «народ к этому склонен», однако ему остро необходима поддержка, без которой он не может чувствовать себя уверенно и вообще, «если Синод примет — быстрее дело пойдет»³¹:

«И отдался делу целиком, но непрестанная борьба с бискупами, ксендзами, нападения в газетах и разные неприятности уже превышают мои силы, именно же то, что я не знаю за благо держит ли Святейший Синод мое скромное действие? не тщетны ли все труды мои?»³²

В письме к Епископу Владимиру он высказывался еще резче:

«Ведь мы все так убеждены были, что к осени дело наше кончится!... а далее искренно сказать наступает зима, работы станут, с чего же мне жить пока Св. Синод благоизволит — если изволит — решить?... нужно по крайней мере снова 5—6 месяцев ждать.

... Что я недостатку натерпелся, об этом я не хочу говорить и надоедать Вашему Преосвященству, едино Бог знает...»³³

В другой раз он патетически восклицал: «... неблагодарным болгарам, сербам столько жертвовала Россия, мы же русские не можем получить ни крупниц, падающих на землю»³⁴.

Однако наряду с эмоциями в письмах Товт высказывал вполне рациональные суждения о том, что «там, где материальный недостаток, там и моральная сила упадет». Он откровенно намекал, что даже его прихожане могут уйти обратно в унию, если католический епископ города Сент-Пол заплатит вышеупомянутые долги их общины³⁵. В другом месте он писал, что отсутствие поддержки со стороны руководства РПЦ обязательно негативно скажется на деле распространения православия:

«Если Святейший Синод о нас ничего не решит, ни думать об этом, что прочие присоединятся! Просто сказать они доверие потеряют к русским и к православию, видя, что миннеаполиские русские, принимая православие от славного Авторитета, то есть Святейшего Синода ни покровительства, даже ни ответа не удостоились на их искреннее прошение и за их отданность к православию токмо гонения, презрения терпят большие суть»³⁶.

В качестве примера он приводил кливлендскую общину, которая «присоединилась бы к православию, но так как дело Миннеаполиса не окончено», то этого пока не происходит³⁷.

Столь нервировавшая Товта затяжка с рассмотрением его дела была, очевидно, вызвана несколькими причинами. Во-первых, в Санкт-Петербурге его первоначально не сочли слишком важным. Как уже отмечалось, Алеутско-Аляскинская епархия была небольшой, а стоявшие перед ней задачи — ограниченными. Во-вторых, как раз в середине — второй половине 1891 г. происходила смена епархиального руководства. На место епископа Владимира был назначен Николай (Зиоров), хиротония которого состоялась 29 сентября. Его переезд в США занял достаточно много времени (он приехал только весной 1892 г.), кроме того у него не было точной и полной информации о действиях его предшественника в отношении дела Товта. Наконец в это самое время недоброжелатели епископа Владимира стали распускать слухи о его якобы неблагоприятном поведении в Архиерейском доме в Сан-Франциско³⁸. Епископу пришлось пройти через 11 судебных процессов, чтобы доказать свою невиновность³⁹. Естественно, все это отвлекало внимание от других проблем.

Только 7 февраля 1892 г. (ст. ст.) Святейший Синод рассмотрел донесения епископа Владимира и обращения о. Товта, однако никакого окончательного

решения не принял. Бумаги были переправлены епископу Николаю вместе с поручением «собрать точные сведения» и «представить заключение» Святейшему Синоду. Соответствующий указ был издан 24 февраля⁴⁰.

Епископ Николай начал собирать сведения о славянских эмигрантах-униатах и их настроениях еще по дороге в Америку, ориентируясь, прежде всего, на периодическую печать. В Вене он достал несколько номеров газеты «Галицкая Русь», где нашел информацию об униатских священниках за океаном, но где, естественно, не было, ни слова о православии⁴¹. Уже в США он обратил внимание на газету «Американский русский вестник», которая была официальным органом «Соединения греко-католических русских братств» и также отчетливо проводила униатскую линию. Как видим, здесь наглядно подтвердилось правота Товта, говорившего о важности печатных изданий для распространения православия.

Оказавшись, наконец, в Сан-Франциско, епископ Николай продолжил сбор сведений о Товте и его приходе, а также о других униатских приходах, которые желали присоединиться к православию. В апреле 1892 г. он лично отправился в Миннеаполис, где обнаружил 405 православных — «все они выходцы из Венгрии, говорят по-малорусски», «живут без особенных недостатков, но и не бедно». Николай посетил церковь о. Товта, показавшуюся ему «небогатой, но прилично убранной». Он отметил, что богослужения «совершаются по православному чину, хотя и с некоторыми сокращениями против принятого в православной церкви порядка». Прихожане «поют все и весьма хорошо, с одушевлением и умилением: видно, что они не устами только славят Бога, но и сердцем. В чтении и пении слышится малорусское произношение... Священник о. Товт служит весьма хорошо, но с некоторыми отступлениями от православного чина...»⁴² По словам епископа, «и священник Товт и все прихожане его торжественно заявили... в церкви — многие со слезами на глазах — искренне желание быть под властью Святейшего Синода и числиться в Алеутской епархии». В то же время перед Николаем ставили и более прозаические вопросы: о жаловании для священника, о назначении псаломщика и т.п.

Если с приходом Товта все было понятно (хотя предстояло решить еще ряд вопросов, в том числе финансовый), то с другими приходами ситуация была более сложной. Сам отец Алексей дал по этому поводу противоречивые сведения. Первоначально он говорил Николаю, что многие униатские священники «лавируют, то есть выжидают, чем кончится дело его (Товта), то есть как Священный Синод поступит с ним: причислит его в штат Алеутской епархии или нет (конечно, с жалованием)». На это владыка резонно заметил: «...значит, они ищут не столько Иисуса, сколько хлеба куска»⁴³. Тогда Товт стал уверять его, что дело не в этом, а в вышеупомянутом скандале, связанном с епископом Владимиром.

В то же самое время представитель Николая священник о. Амвросий Врета, грек по происхождению, посетил Чикаго и Кливленд. В Чикаго он обратил внимание на то, что местная православная община крайне неоднородна — в ней имеются греки, сербы, русины («из Австро-Галиции»), черногорцы, «аравитяне» и т.д. Однако большинство составляют «недавние православные из униатов», которые хотят «быть под духовным попечением русского архиепископа»⁴⁴. В конце того же 1892 г. в Чикаго был открыт первый православный приход и устроен храм во имя Святого Равноапостольного князя Владимира. Его первым настоятелем стал Врета⁴⁵.

В Кливленде Врета столкнулся с другой ситуацией: с одной стороны, местная униатская община подтвердила свое желание перейти в православие, о чем он телеграфировал в Сан-Франциско 22 мая 1892 г.; с другой стороны, он увидел там «общий упадок духа», связанный с тем, что в общине не было своего священника, и его было очень трудно найти, поскольку, как уже гово-

рилось выше, большинство униатов Кливленда составляли сильно мадьяризированные выходцы из Закарпатья, которым нужен был пастырь, владеющий венгерским языком. Кроме того в общине не было церкви; ее постройка планировалась, но требовала средств.

Нельзя не обратить внимание на любопытный момент, непосредственно связанный с кливлендскими униатами: в подробном письме оттуда от 15 мая 1892 г. Врета рассказал, что в действительности в православие желают перейти более 1162 душ, подписавших прошение. Основная трудность с присоединением их к православной церкви состоит в отсутствии священника, говорящего на языке населения [венгерском]. В связи с этим люди не желают платить взносы на церковь, хотя вообще готовы вносить деньги на жалование священнику. Они неоднократно обращались на родину, в Венгрию, с просьбой прислать им священника, но получали неизменные отказы из-за опасений, что «те священники вслед за Товтом перейдут в православие»⁴⁶. Таким образом, еще до официального принятия иммигрантов-униатов в лоно РПЦ эта ситуация получила в Европе достаточно широкую огласку, большой общественный резонанс и вызвала определенную озабоченность у католической церкви.

К концу мая 1892 г. у епископа Николая уже сформировалось определенное мнение по поводу американских униатов. Он считал необходимым оказать поддержку Товту, поскорее издать указ о принятии его в лоно православной церкви, «признать в сущем его сане» и объявить настоятелем его прихода. «Товту назначить жалование 1500 руб. металлических, а псаломщику его — 800, с тем, чтобы и он и псаломщик непременно занимались бы в школе, которую прихожане желают открыть». Что касается «лавирующих» униатских священников, то им епископ велел «объявить, чтобы они не рассчитывали на штатные оклады жалования и большие субсидии, а принимали бы Православие бескорыстно, ради самой истины»⁴⁷. По его мнению, в больших приходах (численностью от тысячи душ) священники могли «устроиться недурно» за счет прихожан. Небольшим приходам Николай предлагал помогать субсидиями на строительство храмов, устройство школ и т.д.

Следует подчеркнуть, что епископ Николай прекрасно понимал важность и значимость происходящего: «... обращение русских униатов в Америке в православие имеет и государственное значение (такое или иное отношение Священного Синода и русского правительства к американским Русинам, без сомнения отзовется так или иначе и в Закарпатской Руси, — что вовсе безразлично в интересах церкви и государства)»⁴⁸.

10 июня 1892 г., по указу Его Императорского Величества, который лично патронировал Аляскинский приход РПЦ, в Святейшем Правительствующем Синоде вновь слушалось дело о присоединении к православной церкви о. Товта и его прихода. «С великой радостью известившись о состоявшемся присоединении к святой ПЦ настоятеля прихода переселившихся из Галиции в Америку, в город Миннеаполис, в штате Миннесота, 405 русских униатов и приходского их священника Алексия Товта и вознося благодарение Господу Богу, благоизволившему устроить святое дело воссоединения», Синод постановил наградить о. Товта «камилавкой и благословить возлагать на себя набедренник», а также пожаловать ему золотой наперстный крест⁴⁹.

16 сентября 1892 г. по указу Его Императорского Величества Святейший Синод подтвердил выплату жалования Товту и его причетнику в размере 2200 руб. в год⁵⁰. Все это свидетельствовало о том, что Российское правительство готово было начать оказывать поддержку обращению американских униатов в православие⁵¹.

В благодарность Товт отправил Александру III фотографии своей церкви в Миннеаполисе. На обороте фотографии рукой Императора написано: «Весь-

ма интересно, но жаль что наружный вид ее — совершенно протестантской кирки!»⁵²

К концу 1892 г. все организационные вопросы по делу о переходе Товта с его приходом в православие были, наконец, благополучно разрешены. 13 (25) декабря 1892 г. епископ Николай переслал обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву пространное «благодарственное письмо» Товта и его прихода по случаю принятия их в лоно православной Церкви с сообщением, что «их чувства на деле такие же как на словах»⁵³.

11 января 1893 г. последовал Приказ Святейшего Синода о полученном благодарственном письме, в котором содержался призыв «изъявить признательность» епископу Николаю за его действия⁵⁴.

22 мая 1893 г. хозяйственное управление при Святейшем Синоде внесло предложение о содержании православного причта в г. Миннеаполисе, а затем, 20 октября 1893 г., многостраничное предложение об «установлении штатов и окладов для православных приходов, имеющих образоваться в Америке из униатов разных местностей»⁵⁵.

С момента перехода американских униатов в православие в истории Русской православной церкви (и в целом православия) на Североамериканском континенте открылась новая страница. РПЦ стала ориентироваться не только (а затем уже и не столько) на аборигенов Аляски и Алеутских островов, сколько на стремительно растущее восточнославянское население Соединенных Штатов. Переход миннеаполисского униатского прихода в православие положил начало процессу массового обращения выходцев из Галиции и Закарпатья. Причем, инициатива шла «снизу», изнутри, а отнюдь не «сверху», как порой утверждают некоторые историки⁵⁶. Религиозное разнообразие и религиозная свобода Соединенных Штатов создали благоприятную среду, в которой стали очевидны все издержки унии. По словам И. Недзельницкого, униаты в Северной Америке «оказались бесприютными сиротами, обреченными на гибель»⁵⁷.

Кроме того, за океаном можно было не опасаться обвинений в «цареславии» и в том, что РПЦ является частью государственного аппарата⁵⁸. В отличие от остальных участников описанных нами событий — Ватикана, американского католического епископата, австро-венгерских властей — ни РПЦ, ни российское правительство не имело и не могло иметь никакого влияния на восточных славян-униатов, переселившихся из Дунайской монархии в Северную Америку, равно как и намерений обращать их в православие. Однако Русская православная церковь в итоге поддержала этот процесс, дав своим новым прихожанам возможность «верными быть народности нашей русской, особенно же восточному нашему вероисповеданию и обряду»⁵⁹. Исследователи полагают, что деятельность о. Алексея Товта привела к обращению в православие более 10 тыс. униатов и ряда греко-католических священнослужителей⁶⁰.

Примечания

1. PROCKO B.P. The Establishment of the Ruthenian Church in the United States, 1884–1907. — *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*. 1975, vol. 42, № 2, p. 140–142.
2. MAGOCSI P. R., HANDLIN O., NOVAK M. Our People Carpatho-Rusyns And Their Descendants in North America. 2015, p. 28.
3. PEKAR A.B. The History of the Church in Carpathian Rus' P. New York. 1992, p. 167.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 172, д. 2606, л. 32.
5. MAGOCSI P. R., HANDLIN O., NOVAK M. Op. cit., p. 30–31.
6. PROCKO B.P. Op. cit., p. 149.

7. ДАНИЛЕЦ Ю.В. Исторические предпосылки и причины православного движения на Закарпатье в начале XX века. — Альманах современной науки и образования. Тамбов. 2007, № 2 (2), с. 18—20.
8. НИКИФОРОВА О. В. Архиепископ Владимир (Соколовский): последний настоятель московского Спасо-Андроникова монастыря. М. 2014, с. 134, 139.
9. АНАТОЛИЙ, арх. (КАМЕНСКИЙ АЛЕКСЕЙ). Американские очерки. Одесса. 1908, с. 25.
10. КОХАНИК П. Начало истории Американской Руси. Трамбл (Коннектикут). 1970, с. 490.
11. Там же, с. 491.
12. Там же, с. 488.
13. РГИА, ф. 796, оп. 172, д. 2606, л. 4.
14. Там же, л. 1.
15. VOLIANSKY J. Spomyny z davnykh lit. — Svoboda. September 5. 1912, p. 4.
16. КОХАНИК П. Ук. соч., с. 490.
17. Американский православный вестник. 1898, № 21, с. 619.
18. РГИА, ф. 796, оп. 172, д. 2606, л. 6.
19. Там же, л. 26, прил. 3; л. 34об.
20. Там же, л. 26, прил. 4.
21. Там же, л. 59.
22. Американский православный вестник. 1897, № 9, с. 165—167.
23. РГИА, ф. 796, оп. 172, д. 2606, л. 10—10об.
24. ПРОСКО В.Р. Op. cit., p. 151.
25. РГИА, ф. 796, оп. 172, д. 2606, л. 10об., 57.
26. Там же, л. 43об., 96.
27. Там же, л. 102.
28. Там же, л. 48.
29. Там же, л. 43.
30. Там же, л. 41.
31. Там же, л. 34.
32. Там же, л. 34об.
33. Там же, л. 43об.
34. Там же, л. 57об.
35. Там же, л. 44.
36. Там же, л. 57.
37. Там же, л. 59.
38. ОКУНЦОВ И. К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес. 1967, с. 126.
39. НИКИФОРОВА О.В. Ук. соч., с. 147—148.
40. РГИА, ф. 796, оп. 172, д. 2606, л. 36.
41. Там же, л. 103об.
42. Там же, л. 104.
43. Там же, л. 105—106.
44. Там же, л. 79.
44. ЛАСАЕВА О.В. К истории возникновения русского православного прихода и возведения Свято-Троицкого собора в г. Чикаго при свт. Тихоне (Беллавине). — Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. 2011, вып. 6 (43), с. 41.
46. РГИА, ф. 796, оп. 172, д. 2606, л. 91.
47. Там же, л. 108об.—109.
48. Там же, л. 111.
49. Там же, л. 113.
50. Американский православный вестник. 1898, № 21, с. 684.
51. DYRUD K. P. The Quest for the Rusyn Soul. Philadelphia. 1992, p. 67.
52. РГИА, ф. 796, оп. 172, д. 2606, л. 144.
53. Там же, л. 148.
54. Там же, л. 153.
55. Там же, л. 154, 160—181.
56. BENSIN В.М. Russian Orthodox Church in Alaska, 1794—1967. Sitka. 1967, p. 59.
57. НЕДЗЕЛЬНИЦКИЙ И.Я. Галицкие и угорские русские в Соединенных Штатах Северной Америки. Одесса. 1914, с. 14.
58. Американский православный вестник. 1902, № 12, с. 260.
59. РГИА, ф. 796, оп. 172, д. 2606, л. 96.
60. SHIPMAN A.J. Greek Orthodox Church in America. In: Catholic Encyclopedia. Vol. VI. N.Y. 1909, p. 772—773.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Энциклопедия Баренцева региона. В двух томах. Осло.
Пакс Форлаг. 2016. Т. I. 559 с.; т. II. 593 с.

Encyclopedia of The Barents Region. In two volumes. Oslo.
Pax Forlag. 2016. Vol. I. 559 p.; vol. II. 593 p.

В январе 2018 г. исполняется четверть века со времени создания международного Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР), в состав которого ныне входят территории тринадцати административных образований (провинций, губерний, областей, республик) России, Норвегии, Швеции и Финляндии. Этот регион является одним из крупнейших международных и трансграничных регионов в современной Европе. Задумывавшийся первоначально во многом как геополитическая и искусственно конструируемая структура, призванная стимулировать международное сотрудничество на севере Европы после окончания «холодной войны», этот регион с момента своего учреждения стал восприниматься и как исторический, в основе развития которого лежат многовековые культурные и экономические связи и контакты между людьми разных стран и государственных образований через границы. Инициатива создания Баренцева Евро-Арктического региона была разработана и предложена Норвегией, но эта идея не могла быть осуществлена без поддержки и активного участия России.

Рецензируемое энциклопедическое издание вышло в свет с совместным предисловием Торвальда Столтенберга, бывшего министра иностранных дел Норвегии, которого нередко именуют «отцом Баренцева региона», и Михаила Горбачёва, бывшего президента

СССР, усилия которого по разрядке международной напряженности создали условия для возникновения БЕАР.

Энциклопедия открывается вступительным словом главного редактора Матса-Олова Олссона (Университет Умео), в котором дана общая характеристика проделанной работы и опубликованного издания, кратко раскрыто его содержание, представлены авторы и редакционная коллегия, дано руководство к пользованию энциклопедией. Во вступительной статье руководителя проекта профессора университетов Лулео и Умео (Швеция) Ларса Елениуса повествуется об истории и этапах реализации сотрудничества в данном регионе.

Общее представление о содержании энциклопедии дает тематический перечень, публикуемый в начале каждого из томов, в котором содержится 13 разделов (с указанием основных статей): история; архитектура; культура, искусство и средства массовой информации; демография и этнография; экономика; образование и наука; охрана окружающей среды; язык; правовые вопросы; люди; места; политика; религия. Одна из главных целей и стержневых тем энциклопедии — это осмысление многовекового исторического наследия трансграничного сотрудничества, на основе традиций которого возможно развитие отношений в разных областях жизни в Баренцевом регионе сегодня.

В энциклопедии помещены восемь обзорных статей, раскрывающих ее ключевые проблемы: Баренцев Евро-Арктический регион; история; экономическое развитие; образование; охрана окружающей среды — угрозы и политика; геополитика, безопасность и глобализация; национальные меньшинства и их проблемы; религия. В основе структуры энциклопедии лежит алфавитный принцип.

Историческая тематика проходит своеобразной красной линией сквозь всю рецензируемую энциклопедию. Причем об истории Баренцева региона идет речь в двух контекстах — так называемой «длинной» или «долгой» истории, охватывающей более чем тысячелетний период освоения человеком северных территорий европейского континента, и «короткой» истории, раскрывающей непосредственно четверть века развития Баренцева Евро-Арктического региона после его учреждения в 1993 году.

Обзорная статья по истории с обзором многовекового развития Баренцева региона, начиная с IX—X вв. (т. I, с. 295—302), написана профессором Л. Елениусом. Характерной чертой и главным достоинством этой статьи является попытка дать сравнительно-исторический анализ развития государств и их регионов на Европейском Севере, выделить общее и особенное в пройденном ими историческом пути, сопоставить их исторический опыт в решении вопросов колонизации, модернизации, государственного строительства, раскрыть особенности трансформации и сотрудничества через границы в разные исторические эпохи.

В рецензируемой энциклопедии исследуется и раскрывается историческое прошлое народов и этносов, проживающих на Севере Европы, их торгово-экономических связей, культуры, религий, образования и науки.

Освоению Севера посвящена обзорная статья (т. I, с. 198—205), написанная норвежским историком К. Миклебуст и шведским профессором У. Рокбергом. Ее содержание определяется и раскрывается основными подразделами: «Ранние попытки», «Успешные торговые маршруты», «Состязание за Северный полюс», «Конец героической эры освоения Арктики». Колонизация Северо-Запада России довольно подробно раскрывается в значительной по своим размерам статье

петрозаводского историка И.Я. Черняковой (т. I, с. 119—124), где выделяются и исследуются колонизация и освоение Карелии, освоение мурманского региона, колонизация ненецкого края.

С вышеназванными материалами переключается междисциплинарная по своему характеру статья шведского исследователя Р. Хугосона под названием «Границы» (т. I, с. 99—103), содержание которой раскрывается в подразделах «Средневековое рассеяние», «Современная государственная система» и «Согласовываемая международные границы».

Международные коллизии и войны не обошли стороной и северные районы европейского континента. Их ход, характер и последствия раскрыты в статьях, опубликованных в рецензируемом издании: «Финская война 1808—1809», «Крымская война и Евро-Арктический регион», «Первая мировая война и Баренцев регион», «Российская гражданская война 1918—1922», «Зимняя война», «Вторая мировая война и Баренцев регион».

Межгосударственным союзам (униям) в истории рассматриваемого региона и сложным вопросам их создания, функционирования и распада посвящены статьи: «Кальмарская уния» и «Шведско-Норвежский союз 1814—1905». Сложные международные и международно-правовые вопросы в истории и анализ путей их урегулирования являются предметом изучения, например, в статьях «Договор о Шпицбергене» (1920 г.), «Серая зона» и др.

В тематическом разделе «История» рецензируемой энциклопедии помещено около пятидесяти статей, около двадцати из них посвящено истории Русского Севера, его отдельным территориям и знаковым учреждениям (Поморье, Холмогоры, Соловецкие острова и Соловецкий монастырь, Беломорканал и др.) и историческим международным контактам его населения.

В статье «Административные деления» представлен в виде небольших отдельных разделов краткий исторический путь и современное административное устройство Норвегии, России, Финляндии и Швеции.

В обзорной статье, посвященной Баренцеву Евро-Арктическому региону (т. I, с. 69—

76), подробно раскрывается его так называемая «короткая» история за более чем двадцать лет, прошедших после его учреждения, анализируется процесс инициирования и создания этого международного пограничного региона в результате подписания 11 января 1993 г. Киркенесской декларации о сотрудничестве в самой северной части европейского континента. Здесь также исследуется особый характер БЕАР, его двухуровневая структура (уровень государств-членов Баренцева процесса с участием Еврокомиссии и уровень регионов, административно-территориальных образований четырех стран) и концептуализация.

Именно наличие указанной двухуровневой структуры представляет собой одну из главных инновационных черт этого международного региона. Дело в том, что, как правило, система управления подобными международными и трансграничными регионами как в Европе, так и в мире в целом, полностью находится в руках государств. Здесь же регионы выступают в качестве активных акторов, что и обуславливает во многом успех поступательного развития Баренцева Евро-Арктического региона в различных областях.

Баренцев регион рассматривается в указанной статье как международная организация. Анализируются система управления, функции и полномочия его основных институтов (Совет БЕАР, Комитет старших должностных лиц, Баренцев Региональный Совет, Баренцев Региональный Комитет и др.). В отдельной статье рассматривается деятельность секретариатов и центров, важных институтов управления, координации и информирования о деятельности Баренцева Евро-Арктического региона.

В рецензируемом издании в виде отдельных и достаточно подробных и обстоятельных для энциклопедии статьях исследуются исторический путь (с выделением основных этапов и проблем исторического прошлого), а также современное положение тринадцати административно-территориальных единиц (губерний, провинций, республик и др.) четырех стран, входящих ныне в состав Баренцева Евро-Арктического региона. Иначе говоря, речь идет о норвежских провинциях Нурланн, Тромс и Финмарк, ленах Швеции — Вестерботтен и Норрботтен, регионах Фин-

ляндии — Лаппи (Лапландия), Оулу и Каунуу, а также российских регионах — Архангельской и Мурманской областях, Республике Карелия, Республике Коми и Ненецком автономном округе. Подобная, достаточно подробная и разносторонняя информация о территориях, входящих в состав Баренцева Евро-Арктического региона, впервые представлена в международных изданиях и является очень полезной.

Довольно обстоятельные статьи посвящены и истории административных центров территорий, входящих в Баренцев регион. В энциклопедии содержатся и отдельные материалы, посвященные прошлому и современности наиболее значимых городов и достопримечательным в отношении истории местам этих регионов. В общей сложности в рецензируемом издании опубликованы статьи о почти семидесяти городах и населенных пунктах, а также о шести островах и архипелагах. В целом к тематическому разделу «Места» (где содержатся материалы об административных единицах, городах, населенных пунктах, островах, архипелагах, морях, реках и др.) относится более ста десяти отдельных опубликованных статей и материалов, что дает возможность получить подробное представление об истории, географии и других составляющих Баренцева Евро-Арктического региона.

К тематическому разделу «Политика» рецензируемой энциклопедии относится целый ряд статей, где присутствуют исторические мотивы и обращение к опыту прошлого. Речь идет, в первую очередь, о большой обзорной статье «Геополитика, безопасность и глобализация», а также о таких опубликованных материалах, как, например, «Мурманская речь 1987», «Международное сотрудничество в Арктике», «Гласность», «Северное измерение политики Европейского Союза», «Межграничные отношения» и др.

К тематическому разделу «Демография и этнография» энциклопедии отнесены более двадцати опубликованных статей. Особый интерес представляют обзорные и значительные по размеру статьи, посвященные истории и современным проблемам демографии и этнографии северных территорий каждой из четырех стран (Норвегии, России, Швеции и Финляндии), входящих в состав Баренцева

Евро-Арктического региона. Отметим обзорную междисциплинарную по своему характеру статью «Меньшинства и проблемы национальных меньшинств» (т. I, с. 495—507), подготовленную уже упоминавшимся выше Л. Елениусом и исследователем из Санкт-Петербурга Н.Б. Вахтиным. В ней в известной мере освещаются исторические аспекты и раскрывается современное положение коренных народов и национальных меньшинств, проживающих на территории Баренцева региона (саамы, ненцы, карелы, коми, вепсы, квены и др.).

В тематическом разделе «Культура, искусство и средства массовой информации» значительный интерес представляет статья «Культурное наследие», автором которой является шведский исследователь М. Пайу. В теоретической и практической отношениях здесь тесно переплетаются история и современность, а тема культурной идентичности Баренцева региона, начиная с 90-х годов XX в., продолжает быть предметом неоднократных обсуждений на встречах министров культуры стран БЕАР, а также дискуссий специалистов. Это одна из ключевых проблем с точки зрения перспектив развития Баренцева Евро-Арктического региона.

В тематическом разделе «Образование и наука» опубликована обзорная и большая по объему (т. I, с. 159—170) статья, посвященная истории и современному состоянию образования в Баренцевом регионе, авторами которой являются исследователь из университета Оулу (Финляндия) М. Сало и профессор В.Н. Васильев из Петрозаводска. В ней содержится, например, значительный по объему и интересный по содержанию раздел, связанный с историей просвещения северных национальных меньшинств. В этой же статье раскрывается исторический путь, опыт и современные проблемы среднего и высшего образования, а также содержится анализ транснациональных образовательных инициатив, реализуемых в Баренцевом регионе.

В целом же в рецензируемой энциклопедии опубликовано около сорока статей, раскрывающих историю и современные проблемы образования и науки на различных территориях Баренцева Евро-Арктического региона, а также помещены материалы, посвященные историческому пути и современному состоянию от-

дельных высших учебных заведений и научных учреждений этого региона.

Группой исследователей из разных стран БЕАР подготовлена и опубликована статья «Религия» (т. II, с. 210—221). В ней представлен исторический обзор развития религиозных процессов, взаимоотношения церквей и религий, а также их современное состояние в отдельных странах и на территориях Баренцева региона. К этому тематическому разделу относится и целый ряд статей, имеющих исторический характер и посвященных саамскому шаманизму, ненецкой религии, староверам, монастырям на Русском Севере и др.

В рецензируемой энциклопедии представлен большой блок экономических статей. Так, например, в обзорной статье под названием «Экономическое развитие» (т. I, с. 151—159), авторами которой выступают Л. Вестин (Швеция) и П.В. Дружинин (Россия), более половины текста посвящено истории экономических процессов в Баренцевом регионе, что отражено в названиях подразделов: «Ранняя история», «Недавняя история» и «Поствоенное развитие». Заключительная часть этой статьи называется «Новое транснациональное развитие», и здесь раскрываются экономические процессы, происходившие уже в период после создания Баренцева Евро-Арктического региона.

Во многом исторический характер носят статьи, посвященные оленеводству, строительству Мурманской железной дороги, Северо-Печорской железной дороги, Беломорканала и др.

Большое внимание в энциклопедии уделено вопросам защиты окружающей среды, ибо эта тема является центральной в Баренцевом регионе с момента его инициирования и создания, учитывая особую ранимость природы на Севере, трудное и долгое ее восстановление. Этой проблематике посвящено около тридцати статей.

Человеческому фактору и людям, внесшим особый вклад в историю Севера, Арктики и развитие Баренцева региона, также уделяется большое внимание на страницах рецензируемой энциклопедии. В общей сложности здесь помещено около шестидесяти статей, посвященных выдающимся политикам и госу-

дарственным деятелям, ученым и покорителям Арктики, видным деятелям культуры, образования и др.

Помимо охарактеризованных разделов и названных статей в энциклопедии помещено и много других интересных материалов.

В общей сложности в энциклопедию включено 415 статей, авторами которых выступили примерно 300 исследователей, главным образом из Норвегии, России, Финляндии и Швеции, но некоторые материалы подготовлены представителями Дании, Исландии, Канады, Нидерландов и США. Полный список авторов опубликован в конце второго тома. Там же помещен перечень карт с указанием источников и алфавитный указатель статей, опубликованных в этом двухтомном издании, который позволяет легко найти требуемые материалы. Издание прекрасно иллюстрировано.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что рецензируемая энциклопедия представляет собой обширный свод знаний о Баренцевом Евро-Арктическом регионе и основных его составляющих. В ней раскрыто историческое прошлое стран и регионов,

входящих ныне в его состав, география, культура, экономика, политика, национально-этнические и социальные процессы, происходящие в каждом из них и в БЕАР в целом на современном этапе.

Рецензируемая энциклопедия будет полезна широкому кругу читателей — от политиков, государственных деятелей и исследователей до учителей, студентов и школьников, специалистам разных отраслей знаний, всем интересующимся историческим прошлым, современностью и перспективами развития Баренцева Евро-Арктического региона, Севера и Арктики. Публикация двухтомника на английском языке делает его доступным не только для жителей стран и территорий Баренцева региона, но и для граждан других стран.

Вместе с тем, хотелось бы, чтобы был осуществлен перевод этого издания на русский язык, что позволило бы ознакомиться с ним гражданам России и ее северных территорий, входящих ныне в состав Баренцева Евро-Арктического региона.

В.И. ГОЛДИН, М.М. ПАНИКАР

Contents

Articles: **A.A. Kleymenov**. Debut of the strategist: Alexander the Great's Balkan Campaign of 335 B.C. Historical profiles: **P.A. Iskenderov**. A.M. Petriaev. Contributions: **A.S. Ivanov**. City as a place of special settlement; **E.I. Kobakhidze**. Ossetia in the Russian Empire educational area in the second half of the 19th century; **S.Yu. Krasnov, Y.V. Trofimov**. Reconciliation of parties at the don cossacks in the second half of the XIX century; **V.D. Puzanov**. Income of the Russian state from the siberian furs in the XVII century. Diplomacy in history: **G.M. Sidorova, I.K. Harichkin**. Colonial past of Belgium. Debatable issues: **S.A. Filin, A.Z. Yakushev**. Sources of formation of outlook ethics of the teacher in Russia; **S.V. Vorobyov, T.V. Kashirina**. Historical memory as a factor of "soft power"; **V.N. Yesaulov, V.G. Lizunkov**. Unsolved mystery of Alexander I. History and fates: **M.O. Akishin**. The sovereign services of Prince A.N. Trubetskoy in Siberia and the Volga region. People. Events. Facts: **A.V. Rychkov**. Application of the achievements of science to agriculture of the Siberia during the perestroika; **I.T. Tsorieva**. The formation of documentary cinema in the North Caucasus in 1940s — 1960s; **N.I. Tsimbaev, E.N. Tsimbaeva**. Princess Volkonskaya's fate. From history of religions: **Y.G. Akimov, K.V. Minkova**. Transition of the uniatic emigrants in the USA to orthodoxy in 1891—1892 and the Holy Synod of the Russian Orthodox Church. Historiography. *Reviews on books*: Encyclopedia of The Barents Region (by V.I. Goldin, M.M. Panikar).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 1, 2018

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.12.2017. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 8079-2017. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2018 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**